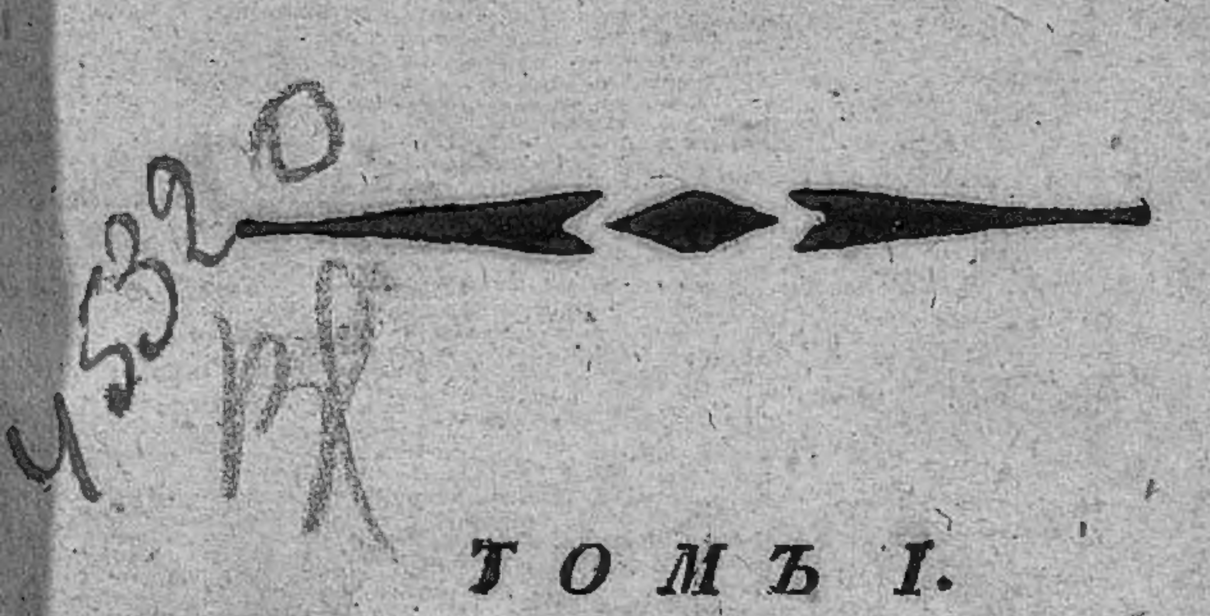
Д. Р.
С-5-5
1
4532

СОБРАНІЕ ПЕРЕВОДОВЪ,

ВЪ РАЗНЫЯ ВРЕМЕНА

ИЗДАННЫХЪ

Преосвященнымъ Ѳеофилактомъ Епископомъ Калужскимъ, что нынѣ Синодальный Членъ и Архіепископъ Рязанскій.



ТОМЪ I.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ

При Святѣйшемъ Синодѣ

1809 года.

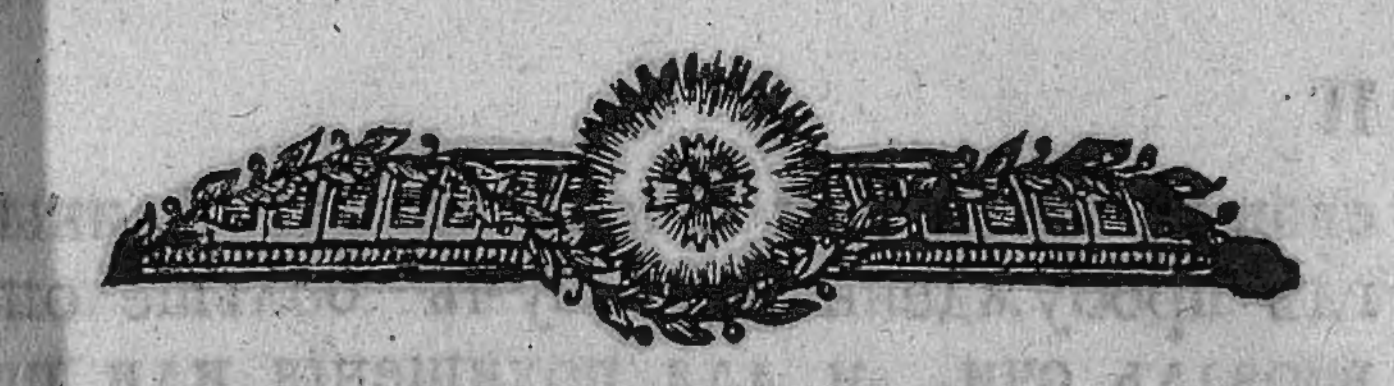
АНИЦІЯ, МАНЛІЯ, ТОРКВАТА, СЕВЕРИНА, БОЕЦІЯ

УТѢШЕНІЕ

ФИЛОСОФСКОЕ,

переведено

СЪ ЛАТИНСКАГО ЯЗЫКА.



ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Аницій, Манлій, Торкватъ, Северинъ, Боецій Римлянинъ, родился въ лѣто отъ Рождества Христова 455, т: е: спустя 50 лѣтъ по плѣненіи Рима Аѳаларикомъ Готѳскимъ. Слѣдственно жилъ онъ не много позднѣе Іеронима и Августина Блаженныхъ. Многіе Боеціями именовались; но Аницій, Манлій, Торкватъ, Северинъ, имена знатнѣйшихъ предковъ, отличаютъ сего отъ всѣхъ другихъ: Обыкновеніе принимать названіе мужей рѣдкихъ, въ тогдашнія времена дѣйствовало еще сильнѣе, нежели въ нынѣшнія. Оно-то произвело толико Антониновъ, толико Авреліевъ, толико Генриковъ, толико Карловъ и проч. Боецій нашъ былъ природы и счастія любимецъ. Знаменитость, богатство, здравіе, красота, освящались высперенностію ума его и добротою сердца. Потерю отца его, бывшаго Преторомъ, вознаградила вѣрность друзей онаго. Онъ въ самой веснѣ дней

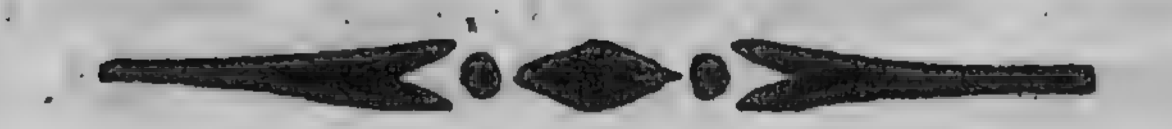
своихъ былъ ими отосланъ въ Аѳины
гдѣ пробужденный разумъ больше от
верзалъ очи, и для похищенія или по
дражанія съ большимъ жаромъ рыло
во всемъ томъ, что убѣжало отъ на
сильственнаго времени. Здѣсь онъ сквоз
тьму чувствъ и предразсудковъ к
святилищу истины пробивался
лѣтъ, при свѣтильникѣ многихъ Фило
софовъ, но преимущественно Аристо
теля, Платона, Евклида, Архимеда
Птоломея. Всѣ сіи говорили языком
невразумительнымъ, почти всѣ теря
лись въ безднѣ умозрѣній своихъ. Ра
зумъ ихъ прервавши все сношеніе с
веществомъ, парилъ къ странамъ от
влеченій, и обыкши скакомъ пробѣгат
безмѣрныя разстоянія, своею глубоко
мысленностію, кажется, больше желал
изумить человѣчество, нежели просвѣ
тить оное. Онъ рѣдко упоминалъ
мысляхъ промежуточныхъ , подпоры
нужной для обыкновенныхъ людей: но
сія глубокомысленность привела Боеці
только въ сильное движеніе, и при-
учила его къ необычайнымъ усиліямъ
Науки и художества, которыми изоби-
ловала Греція, всѣ были имъ облечены
въ одежду Римскую, и украшены такою
пріятностію слова, и такою собствен-
ностію языка, что и самые творцы не
безъ зависти бы воззрѣли на плодъ

свой. Его чудесное искусство изливать чистой свѣтъ на понятія, служитъ для разума зрительною трубою. Плодовитость и всеобъятность ума его, въ разсужденіи свѣденій и дарованій, не меньше подтверждаются его твореніями. Судя по числу оныхъ, надлежитъ Боеція признать геніемъ; наипаче когда наилучшія лѣта протекли то въ Преторствахъ, то въ Консульствахъ, сихъ толико занимательныхъ и опасныхъ должностяхъ, гдѣ малѣйшая неосмотрительность можетъ лишить отечество милліона рукъ, и заставитъ страдать не одно, но многія столѣтія. Святая вѣра въ немъ нашла почти все то, чему удивлялись и удивляются во святыхъ отцахъ, сихъ непоколебимыхъ столпахъ церкви и красотѣ добродѣтели. Арій и Евтихій, опаснѣйшіе враги ея, положивъ основаніе огромному зданію заблужденій, поставили было довольно высокіе лѣса. Боецій какъ основаніе ихъ ересей подорвалъ, такъ и лѣса разрылъ. Но за сею славою скрывалось изгнаніе и темница. Какъ только обнародовалось его твореніе противу помянутыхъ затѣйчивыхъ головъ: тотчасъ подлость ухищреній и дерзость злорѣчій воспрянула во всѣхъ, желавшихъ веселиться на счетъ ближняго. Ибо Боецій имѣлъ большую твердость

духа, нежели Цицеронъ и другіе ему подобные. Сей безъ сомнѣнія былъ че стенъ, но и остороженъ; любилъ оте чество, но и опасностей страшился. Онаго добродѣтель была слѣдствіемъ токмо сердца. Онъ сличалъ дѣйствія свои не съ жизнію своею, но съ бла гомъ отечества. Онъ никакъ не стра шился обнаруживать подкоповъ, изры ваемыхъ корыстію. Уже опустилась завѣса изгнанія, и Боецій отягченъ цѣпьми. Но перемѣна счастія сопровож далась перемѣною только видовъ добро дѣтели. Цицеронъ скорбь о кончинѣ любезной дщери своей облегчалъ разсу жденіемъ о безсмертіи душъ: а Боецій чтобъ утвердить себя въ терпѣніи всѣ усилія разума своего устремилъ на существенное благо человѣка. Онъ на всѣ свои творенія положилъ печать рѣдкихъ дарованій; но въ утѣшеніи Философскомъ, кажется, побѣдилъ са маго себя. Здѣсь сонмъ весьма различ ныхъ и высочайшихъ истинъ пред сталъ предъ его разумъ; они тѣснились къ нему яко привидѣнія на гласъ вол шебника. Читателю не видящему, что сіе изящное твореніе еще не приведено къ намѣренному концу, надлежитъ быть крайнѣ незамѣчательну. Да и вѣроят но ли, чтобъ въ темницѣ защищавшій тройственность лицъ Божества, опро

вергаемую его Государемъ, не утѣшило себя въ несчастіи ученіемъ Христовымъ? Человѣку не возможно, не колеблясь, теци по пространству жизни сея, кольми паче приближаться къ вѣчности, зримой только очами разума; не вѣрующему на смерть такъ, какъ на солнце, не льзя смотрѣть безъ слезъ. Онъ силенъ только отвратить взоръ свой отъ нея, и остановить его на другихъ предмѣтахъ. Тако путешественники, блуждая въ облежащей ихъ тьмѣ, поютъ прерывистымъ голосомъ, чтобъ боязнь свою, какъ дитя лелея, усыпить. Злоба, на 71 году жизни, а заточенія на 9 обезглавила Боеція, послѣдняго изъ просвѣщенныхъ древнихъ Римлянъ, изъ начавшихъ же совлекать покровъ темноты съ Аристотелевыхъ твореній, перваго. Кончиною сего великаго мужа науки лишены такого блага, которое доставить имъ многіе но тщетно усиливались; я разумѣю соглашеніе Платона съ Аристотелемъ, коихъ онъ совершенно разумѣлъ. Потерянное является очамъ разума въ лучшей лѣпотѣ. Слава, яко жрица истины, неумолчно воспѣваетъ пѣсни въ честь всѣхъ рѣдкихъ произведеній природы. Она въ началѣ, чемъ больше зыблется, тѣмъ звучнѣе становится, подобно древамъ укрѣпляемымъ вѣтрами

и временемъ. Тако умъ и воля Боецїя, остановлявшїеся на неизмѣнныхъ благахъ, содѣлали его современникомъ всѣхъ столѣтїй и гражданиномъ повсемѣстнымъ.



СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ.

Боецію является Философія, и прогоняетъ Музъ отъ него. Утѣшаетъ его примѣрами разумнѣйшихъ мужей, коихъ подобное же зло преслѣдовало. Боецій описываетъ ей услуги свои Сенату, Сенаторамъ и Италіи оказанныя; посемъ открываетъ причины обвиненія и ссылки своей, стараясь чрезъ то доказать честность жизни и невинность свою. Потомъ вскорѣ жалуется въ обидѣ ему нанесенной и въ оскорбленіи чести и достоинства своего. Напослѣдокъ Философія изслѣдываетъ душевныя въ немъ смущенія и начало оныхъ; что и есть предметомъ всего прочаго сочиненія.

Я въ духѣ радостномъ всегда стихи писалъ,
Когда жаръ юности мой трудъ одушевлялъ.
Увы! сталъ принужденъ настроить тонъ плачевный;
Густѣйшимъ облакомъ печалей окруженный.
Се! Музы во слезахъ гласятъ, что мнѣ писать;
Не льзя уже себя отъ плача удержать.

На насъ коликій золъ сонмъ ни былъ вооружаемъ,
Но всюду музами я былъ сопровождаемъ,
Я въ младости своей сердцами всѣхъ владѣлъ,
Чѣмъ больше, тѣмъ славнѣй позоръ тогдашнихъ дѣлъ;
Теперь я только тѣмъ жизнь дряхлу подкрѣпляю:
Что юность счастливу не рѣдко вспоминаю.
Отъ бѣдствій состарѣвъ, дни трачу во слезахъ.
Мутится съ горести умъ, меркнетъ свѣтъ въ глазахъ;
Безвременной зимой власы мои покрылись,
Хладнѣетъ въ тѣлѣ кровь, и силы истощились.
Страшна бываетъ смерть для любящихъ сей свѣтъ,
А не стенающихъ подъ игомъ золъ и лѣтъ.
Коль кратъ жестокая не внемлешъ гласу бѣдныхъ,
Дабы имъ нить пресѣчь дней тяжкихъ, дней зловредныхъ!
Мнѣ щастье жертвуя безмѣрностью щедротъ,
Едва не низвело въ сѣнь смертну мой животъ:
Когда же видъ оно свой ложный премѣнило,
Къ мученью вящщему жизнь горестну продлило.
Почто, друзья! отъ васъ блаженнымъ я почтенъ?
Не твердо тотъ стоялъ, кто сталъ низриновенъ.

О семъ когда молча размышлялъ я самъ съ собою, и не стерпѣвъ скорби, начерталъ жалобныя сіи строки: тогда явилась мнѣ нѣкая жена, стоящая предъ моимъ возглавіемъ, коея зракъ весьма величественъ, очи же сверкали огнемъ, проницательностію своею превышая обыкновенный взоръ людей, отливающіе пріятнѣйшій цвѣтъ, и наконецъ неизсякаемый бодрости источникъ содержащіе въ себѣ; не смотря на множество лѣтъ, что никакъ не можно было почесть ее намъ современницею. Ростъ ея былъ величины не опредѣ-

лительной. Иногда принаравливала оной къ обыкновенной мѣрѣ людей; иногда же главою касалась неба. Но нѣсколько приподнявши главу, скрывалась въ небѣ; гдѣ люди тщетно старались узрѣть ея. Одежда на ней была изъ самой тончайшей, но крѣпкой матеріи составленная, а шита не подражаемымъ искусствомъ; сотканная же, какъ я отъ ней самой послѣ удостовѣрился, ея собственными руками. Красота одежды сея еще застѣнялась нѣкіимъ мракомъ древности, въ небреженіи оставленной; каковой бываетъ на картинахъ, отъ пыли и перемѣнъ воздуха попортившихся. На нижнемъ краѣ ризы сея написана была буква П (*), а на верхней Θ. Въ разстояніи одной буквы до другой на подобіе лѣствицы казалось изображеніе нѣкоторыхъ ступеней, по коимъ бы можно было восходить отъ нижней къ вышшей. Совсѣмъ тѣмъ одежду ея нѣкоторые дерзкіе раздирали, и части, кто какую могъ отхватить, уносили съ собою. Въ десницѣ у ней были книги, шуйцею же держала Скипетръ. Когда узрѣла Стихотворческихъ Музъ, стоящихъ предъ моимъ ложемъ, и слова мыслямъ моимъ сродныя вдыхающихъ, смутилась не много,

(*) Чрезъ П букву Греческую, означается *философія* Дѣятельная, а чрезъ Θ Умозрительная.

и по воспламенени гнѣвомъ суровыхъ ея очей, кто, рекла, позволилъ симъ сквернавицамъ приближиться къ сему недужному, кои не только не исцѣляютъ его, но еще сладкимъ упоеваютъ ядомъ? Не они ли безплоднымъ терніемъ пожеланій обильную для плодовъ разума жатву подавляютъ, приучая людей закоснѣвать въ своихъ немощахъ, а не освобождаться отъ оныхъ? Если бы вы погруженному въ свѣтскія забавы, и ослѣпленному мирскими суетами человѣку разставляли коварныя сѣти своихъ ласкательствъ, для низверженія его въ оные; мнѣ бы не такъ несносно было терпѣть сіе. Понеже это ни малѣйшаго бы не дѣлало подрыву моимъ усиліямъ. А сего ли просвѣщеннаго ученіемъ Зенона и Платона дерзаете къ себѣ привлечь обворожительнымъ гласомъ своимъ? Прочь отсюда удалитесь Сирены, пріятностьми умерщвляющія людей, и сего больнаго оставьте моимъ Музамъ на воскрешеніе его здравія. Таковыми выговорами, до сего бесѣдовавшія со мною Музы, будучи поражены, преклонили печальное къ землѣ чело, и обнаруживъ стыдъ чрезъ краску въ лицѣ появившуюся, въ положеніи означающемъ ихъ смущеніе, немедленно удалились изъ моего покоя. А я, котораго глаза и

лице столько были омочены слезами, что никоимъ образомъ не могъ узнать женщины, имѣющей столь повелительную величественность, оцепенѣлъ весь, глаза потупивъ въ землю, въ глубокомъ молчанiи ожидалъ, что наконецъ будетъ она дѣлать. Она же приближившись ко мнѣ, сѣла на краѣ одра моего, и взоръ свой устремивъ на мое лице, изображающее сѣтованiе, отъ печали преклоненное долу, слѣдующими негодовала стихами на смущенiе духа моего.

Въ нещастьи человѣкъ, снѣдаемый тоской,
лача отчаянье смертельное съ собой:
оликократно пользъ своихъ не понимаетъ,
оторый промыслъ въ злѣ премудрый сокрываетъ!
е видя къ лучшему премѣны смутныхъ дней,
есется въ мрачность думъ, взоръ затворивъ очей.
ъ сниcканьи благъ земныхъ переступивъ предѣлы,
оль часто свѣтъ умомъ перелетаетъ цѣлый!
ъ Ефирномъ углубя пространствѣ разумъ свой,
оль кратъ носился сей изъ свѣта въ свѣтъ иной.
свойствахъ солнечныхъ судилъ безъ заблужденья,
аконы познаны имъ луниа обращенья;
уши блудящихъ звѣздъ среди другихъ планетъ,
братны точно зналъ, и кажда какъ течетъ;
отя въ движенiи различiе ужасно,
о просвѣщенный сей тогда все видѣлъ ясно.
акою силою, свирѣпствуя Борей,
олеблетъ Океанъ въ упругости своей?
акой Вселенну духъ чудесно такъ вращаетъ,
що мѣста двигаясь она не премѣняетъ?

Фебъ горлый отъ чего во всякой утра часъ
Съ Восточной стороны лietъ свой свѣтъ на нас
Имѣющъ въ Океанъ на Западѣ сокрыться,
Чтобъ полукружию другому освѣтиться.
Откуда шишина въ весенние часы,
Всѣ сообщающа лугамъ цвѣтовъ красы?
Что осень жатвою природа одарила:
То всѣхъ явлений сихъ была какаябъ сила;
Во всей обьятности ея онъ прежде зрѣлъ,
Все ясно понималъ, во что вникать хотѣлъ.
Но се! не сходенъ самъ съ собою днесь явился,
И быстрый лучь ума мгновенно помрачился;
Лишь страшный слышенъ стонъ, и тяжка цѣпь звучи
На выѣ что его чрезъ мѣру тяготитъ:
Простеръ онъ долу взоръ, погрязши какъ въ пучи
Въ отраду ждетъ себѣ единую кончину.

Но время, сказала она мнѣ, вре
теперь лѣчить болѣзнь, а не порица
тебя въ ней. И послѣ сего взоръ с
на меня устремивши, говоритъ: не
ли нѣкогда млекомъ моимъ бывъ в
доенъ, и брашномъ моимъ воспита
возшелъ на высоту мужественнаго ду
Принялъ ты отъ меня такое оруж
съ которымъ никакихъ бы себѣ не
шелъ препонъ во уничтоженіи м
душія. Узнаешъ ли ты меня? Поч
языкъ, связанный молчанія узами,
разрѣшается отъ оковъ сихъ? Сты
ли заграждаетъ тебѣ уста, или з
веніе самаго себя? О когда бы стыдъ!
вижу, что ты пораженъ изумленіе
И примѣтя, что я не только ей

него не отвѣтствую на сіе, но онѣмѣвъ, ниже двигать языкомъ могу; легкимъ образомъ приложила руку свою къ моей груди. О! нѣтъ, рекла, опасности; сонною болѣзнію страждетъ, обыкновеннымъ плодомъ попорченнаго воображенія. Онъ отчасти забылъ свою природу; но предварительное меня узнаніе есть удобнѣйшее средство возобновить оную въ мысли. Для исполненія сего самымъ дѣломъ, надлежитъ только отереть его глаза, и возвратить зрѣніе душевному оку. Сіе сказавъ, въ тотъ же часъ воскрыліемъ своея ризы отерла глаза мои, отъ плача потопленные въ слезахъ.

Тогда средь чудныя при ясномъ солнцѣ ночи,
Сверкнули мнѣ съ небесъ лучи въ померкши очи;
Оковы тяжкіе мракъ мыслей ощутилъ,
И чувство зрѣнія сей свѣтъ мнѣ возвратилъ.
Подобно если Кавръ съ Кавказа вылетаетъ,
И долу съ облаковъ дождь мрачныхъ низтекаетъ:
То туча влажностью надута и огнемъ,
Отъемлетъ почернѣвъ у насъ свѣтъ съ самымъ днемъ.
Лишь только хлябь Борей небесную затворитъ:
Завѣсу мрака снявъ, и Фебъ изъ тьмы изходитъ.
Чудяся люди сей премѣнѣ, солнца лучь
Живѣе чувствуютъ, слича съ грозою тучь.

По таковомъ разсыпаніи мрака печали, я узрѣлъ свѣтъ, и началъ стараться распознавать лице сея цѣлительницы. Нѣсколько пристально посмотрѣвъ на нее, тотчасъ узналъ,

что сія жена была Философія, м
кормилица, подъ призрѣніемъ котор
я находился съ самаго малолѣтств
Почто, я вопросилъ ея, О! учите
ница всѣмъ добродѣтелямъ, отъ
сотъ небесъ сшедшая для истребле
слѣпоты человѣческой, благоволила
сѣтить меня въ пустынѣ, удален
отъ всѣхъ сообществъ, въ семъ заточ
нiи мнѣ навсегда опредѣленномъ? У
ли и ты, обвиненная со мною вмѣст
хочешъ страдать отъ ядовиты
стрѣлъ ложныхъ порицанiй? На ч
отвѣтствовала: могу ли я, питоме
мой! оставить тебя? могу ли
принять участiя въ понесенiи то
бремени, которое ты за меня держи
на своихъ раменахъ, возложенное о
гонителей моего имени? Философ
всегда за беззаконное вмѣняла, не с
путствовать непорочнымъ. Стану
я бояться оклеветанiй. Поразитъ
меня ужасомъ что новое? Не нынѣ
нiй ли только случай заставилъ те
вѣрить, что мудрость почитаемая о
нечестивыхъ буйствомъ, терпитъ о
нихъ озлобленiя и гоненiя? Не сл
чалось ли сего со мною въ умерш
древности, прежде еще временъ во
питанника моего Платона, въ котор
я ужасную рать вела съ слабоумiе
и безразсудностiю людей? А при е

жизни учитель его Сократъ: не увѣнчался ли торжественными лаврами побѣды, при помощи моей имъ одержанной надъ несправедливою смертїю? По кончинѣ сего ученаго мужа, когда Епикурской и Стоической Секты слѣпые послѣдователи и другїе многїе, всякъ въ защищенїе своей стороны, похитить его сочиненїе, и въ ловитву себѣ стяжать меня старались, не смотря на мои противоборствованїя и пресѣченїя: тогда одежду, которую собственными я ткала руками, разодрали, и отхвативши отъ ней худшее изъ всѣхъ лоскутье, въ разные пути уклонились, думая, что отъ ризы моей ничего не осталось. Взирая на нихъ малосмысленные люди, поелику тѣ имѣли на себѣ нѣкоторые признаки образа моихъ понятїй, сочли ихъ за истинныхъ моихъ воспитанниковъ; и сами преклоньши ухо ко гласу лжи, завели прочихъ въ такой лавиринѳъ противорѣчїй, гдѣ нѣтъ и нити, посредствомъ которой можно бы было свободиться изъ онаго. Если неизвѣстно тебѣ самопроизвольное Анаксагорово заточенїе; если не слыхалъ ты о Сократѣ, котораго жизни чаша еще не упраздненная была ядомъ отведена отъ устъ его; если не знаешъ лютыхъ Зенона мученїй; то ты

удобно могъ знать Канїевъ, Сене
Сорановъ, которые не очень древни
въ умахъ многихъ людей живутъ,
удовольствїемъ ими занимающих
Алчная смерть покосила всѣхъ
единственно за то, что они буд
мною утверждены въ добродѣтели,
ступками себя отличали отъ не
стивцовъ. И такъ не надобно уд
вляться, ежели въ семъ морѣ на
тей грозятъ намъ смертїю, отвс
окружающїя насъ бури; а предлежи
намъ паче всего дѣйствїя сообра
съ симъ правиломъ: разврату не
виться. Сволочь сихъ людей хотя
вышаетъ числомъ наше общест
однако должно презрѣть оную.
не имѣетъ путеводителя, но безумї
управляется, а иногда волнуема
ваетъ и бѣшенствомъ. Когда так
рода люди крѣпчайшею силою вос
жаются противу насъ; тогда вое
чальница наша мужественное свое во
ство собираетъ въ замокъ; между тѣ
какъ они тщательно занимаются
хищенїями ненужныхъ и безполезн
вещей. А мы, со стороны взирая
нихъ, посмѣваемся безумїю, побудивш
ихъ алкать вещей ничего не стоющи
и будучи безопасны отъ сего бѣш
ствомъ производимаго смятенїя, оста
ся ограждены такимъ оплотомъ,

оего буйственное безумїе никогда до-
ящи не можетъ.

Кто жизнь въ спокойствїи провелъ,
ичливость счастья презирая,
а участи различны зрѣлъ,
ь душѣ премѣнъ не ощущая:
ому не страшна зыбь морей,
Іи Етна яростью огней.
тъ молнїй пусть земля вся стонетъ,
роза сїя его не тронетъ.
очто ужасенъ всѣмъ несчастнымъ
ываетъ гнѣвъ тиранновъ злыхъ?
тарайся лишъ не быть пристрастнымъ,
ъ вѣкъ будешъ невредимъ отъ нихъ.
о гласу внемлющїй хотѣнїй,
аясудку затворившїй слухъ,
евольникъ срамныхъ есть веселїй,
ъ спасительнымъ внушеньямъ глухъ.
ло скованна во гробъ влечетъ;
о цѣпи самъ себѣ куетъ.

Понялъ ли, сказала, къ чему сїя рѣчь
лонится? и впечатлѣешъ ли ея въ
воей памяти? или ты такъ нечув-
твителенъ къ словамъ моимъ, какъ
оселъ къ доброгласїю музыки? О чемъ
ѣтуешъ? почто потоки слезъ проли-
аешъ? Говори, ничего не скрывая
тъ меня. Ежели желаешъ получить
блегченїе отъ врача: то сперва над-
ежитъ открыть ему рану. Тогда я
обравшись съ духомъ, отвѣчалъ ей:
кестокость злобствующаго на меня
ока еще ли большаго требуетъ сбъ-

ясненія? Не очевидна ли она сама
себѣ? Не уже ли самой видъ сего мѣс
не приведетъ тебя въ сожаленіе о
мнѣ? Здѣсь пребывая, въ томъ ли
нахожусь книгохранилищѣ, котор
тебѣ угодно было избрать для се
жилищемъ въ дому моемъ, всяко
извѣстнымъ? Сходно ли съ симъ бы
положеніе мѣста того, въ коемъ ч
сто засѣдая со мною, размышляла
наукахъ проницающихъ во святилищ
Божественныхъ тайнъ, и изслѣдыва
щихъ причины всего творенія? Сею л
одеждою былъ я одѣянъ? и таковъ
видъ лица имѣлъ, когда сопутствуе
тобою, входилъ въ тайные черто
природы; когда ты описывала мнѣ к
ловратныя стези, движеніемъ свои
свѣтящихся тѣлъ небесныхъ; когда
наклонностяхъ нашихъ и въ течені
жизни старалась соблюсти такой п
рядокъ, въ коемъ все неуклонно спр
мится къ намѣренному концу. Сія л
гонящая меня съ толикою злобо
судьба, есть возмездіемъ тому: кт
во всемъ слѣдуетъ твоему мановені
Не ты ли устами Платона рекла: чт
благополучны тѣ общества, которы
правители суть или сами Философ
или покровители оныхъ? Тобоюж о
движимъ, сказалъ: что любомудр
озаренныя свѣтомъ твоимъ, необх

димо должны на себѣ несть иго правленія, дабы кормило онаго отдавъ въ руки нечестія и порока, не ввергнуть добродѣтель въ пропасть гибели. Сему убо, величества и важности исполненному гласу, повинуясь, восхотѣлъ я всемъ знаніемъ, въ уединеніи мнѣ даннымъ отъ тебя, пожертвовать пользѣ отечества. Свидѣтели тому ты и самъ Богъ, вложившій истинны твои въ души мудрыхъ; что засѣдая въ городовомъ правленіи, общественное благо поставлялъ я первѣйшимъ предметомъ попеченій моихъ. Отъ чего тяжчайшія и неукротимыя велъ я брани съ развратомъ; и гдѣ только могъ воспользовать человѣчество, и защитить тѣснимую невинность; тамъ отнюдъ не страшился раздражать сильнѣйшихъ себя. Territorial Коликократно я противуставъ Конигасту, останавливалъ его въ стремленіи къ отнятію имѣнія у безсильныхъ! Сколько разъ Тригвилла, царскаго двора надзирателя, отторгалъ отъ содѣянія начатой, и почти уже оконченной обиды! Коль кратъ суровостію рока утѣсняемыхъ, и безчисленно озлобляемыхъ Варварами, сребролюбіемъ ослѣпленными, покрывалъ, преградою ихъ опасностямъ положивъ могущество мое? Я всегда былъ искренній любитель истинны, и непримири-

мый врагъ лжи. Когда имѣніе сел-скихъ жителей или отъ частныхъ лю-дей разграбляемо было, или они сам-обременялись тяжелыми для них-даньми; тогда сердце мое сострада-тельностію трогалось равномѣрно-какъ и тѣхъ, кои были принужден-сносить таковое утѣсненіе. Во врем-послѣдовавшаго неурожая, когда п-указу, еще прежде того изданному, н-въ разсужденіи тогдашнихъ обсто-тельствъ не могшему имѣть дѣйствія-принуждаемъ былъ каждый изъ земле-дѣльцовъ, ежегодно вносить по извѣ-стной мѣрѣ съѣстныхъ припасовъ в-казенное слагалище за самую низку-цѣну, отъ чего приходила въ упадок-вся Кампанская провинція, по причин-имѣющаго оттуда произойти голода-тогда ополчился я противъ самаго Пра-тора, стараясь предпочесть польз-общественную частной; усильно пре-кословилъ, когда уже полагаемо был-самимъ Царемъ рѣшеніе; наконецъ по-бѣдилъ упорство его, дабы въ том-году не требовать столь тяжелых-податей съ изнуряемаго гладомъ на-рода. Павлина Консула, коего имѣні-кровопійственные палачи надѣялись раз-дѣлить между собою; изъ самыхъ зія-ющихъ челюстей смерти я изхитилъ-и дабы Албина тѣмъ же, какъ и тотъ

благородства знакомъ отъ прочихъ отличеннаго, не постигла казнь по одному подозрѣнію; то всѣ острыя стрѣлы ненависти Кипріана, которой его обвинялъ, на меня самаго обратилъ. Не многочисленное ли полчище сильныхъ враговъ сими поведеніями я воззвалъ противу себя? Но должны были по крайнѣй мѣрѣ благомыслящіе вступиться за меня; потому, что изъ любви къ правосудію ни сколько не старался для личной безопасности подкрѣплять себя со стороны двора. По чьимъ доносамъ принужденъ я стенать подъ тягостнымъ игомъ злобной судьбы? Первый изъ ложно обнесшихъ меня есть Василій, который отъ Министерской должности отрѣшенъ будучи по причинѣ безмѣрныхъ его долговъ, неминуемымъ сочелъ изблевать на меня ядъ своея досады. Когда Опилія и Гавденція за безчисленныя и многообразныя злоумышленія приговоръ царскій осуждалъ на заточеніе; и когда опредѣленію онаго противясь, хотѣли они отъ сего наказанія избавиться предварительнымъ уходомъ въ священный храмъ, что и Государю самому было не безъизвѣстно: тогда повелѣно было, по наложеніи имъ клеймъ, выгнать за предѣлы отечества, ежели въ назначен-

ный день не выберутся изъ город
Равенны. Что бы, по видимому, мог
обезоружить сію угрожающую им
строгость? Но въ тотъ же самой де
помянутыхъ клеветниковъ доношен
на меня принято за благо въ суд
Чтожъ? Сего ли достойно мое просв
щеніе? И возможно ли язвящимъ въ лу
шую часть души неповинныхъ, искат
оправданія въ ихъ злодѣйствахъ чре
предварительное оклеветаніе? Стольк
ли безстыдно поступило счастіе, еже
ли не въ разсужденіи моея невинност
то въ разсужденіи подлости терза
щихъ меня? Ежели спросишъ содержані
за какое преступленіе осудили меня
Слухъ пронесся, отвѣтствую, будто б
хотѣлъ я спасти Сенатъ. Образъ ли дѣл
производства узнать хочешъ? Пред
ставляютъ, что тщетными содѣлал
покушенія доносщика, ложно порочущаг
Сенатъ въ оскорбленіи царской чест
Какъ убо ты учительница мыслиш
о семъ? Отречься ли мнѣ, какъ долг
велитъ, отъ ложно приписуемаго мн
злодѣянія, дабы не ввести тебя в
стыдъ? Къ сему я былъ всегда разпо
ложенъ, и желать того не престану
Сознаться ли неправедно? Но къ чем
было мнѣ востящать подъиски над
Сенатомъ? Желаніе соблюсти благос
стояніе сего сословія могу ли я по

несть за беззаконія? Правда, онъ своими о мнѣ опредѣленіями заслужилъ къ себѣ презрѣніе, и холодность къ назиданію его пользъ. Но безразсудность людей, камнемъ претыканія самимъ себѣ бывающихъ, не можетъ унизить цѣны заслугъ. И я не похваляю Сократа, что онъ повелѣвалъ или умалчивать истинну, или попущать лжи брать верхъ надъ нею. Но все сіе оставляю на твое и мудрыхъ сужденіе. Дабы памятникъ сего дѣла оставить всѣмъ градущимъ племенамъ: то рѣшился я по порядку, и ничего не скрывая, на бумагѣ сообщить свѣденіе объ ономъ позднюму потомству. Говорить о подложныхъ письмахъ, которыми силятся изобличить, что будто бы я питалъ въ сердцѣ моемъ надежду, водворить волность въ отечествѣ своемъ, почитаю за излишнее. Неосновательность оныхъ тотчасъ бы обнаружилась, когда бы сами доносщики были принуждены совѣстно сознаться въ моемъ присутствіи, что во всѣхъ дѣлахъ великую имѣетъ силу. Ибо какой можно было намъ ожидать свободы? И о когдабъ льзя было наслаждаться плодами ея! Таковымъ наушникамъ отвѣтствовалъ бы я съ Каніемъ; который, когда Касарь Германиковъ сынъ ему говорилъ, что онъ

конечно былъ свѣдущъ о предпріятом
заговорѣ противъ него; сказалъ: *Ежел
бы я это зналъ, то тебѣ не был
бы извѣстно.* Прискорбіе души еще
довело меня до такого малоумія
чтобъ жаловаться на нечестивыхъ
злодѣйственная противу добродѣтел
начинавшихъ. Но весьма удивляет
меня конецъ, коего достигнуть он
надѣются. Ибо хотѣть худшаго со
гласно съ первобытною порчею, в
естествѣ нашемъ таящеюся: а возмож
ность поколебать невинность, что б
развращенныхъ умовъ люди ни замыш
ляли, допустивъ премудрый промысл
столько же вѣроятна, сколько вѣроят
но бытіе баснословныхъ чудовищъ. По
чему не напрасно нѣкто изъ извѣст
ныхъ тебѣ вопросилъ: *Ежели*, он
сказалъ, *Богъ существуетъ, то кого
поставить виною золъ? Ктожъ будет
столь великихъ благъ щедрый раздая
тель, когда нѣтъ Его?* И такъ вѣрит
должно, что никто, какъ нечестивцы
жаждавшіе всѣхъ добрыхъ гражданъ
всего Сената крови, погубили меня;
которомъ предвидѣли имѣющаго быт
ревностнаго оныхъ защитника. Послѣ
дованіемъ благотворительности моей
ненависть ли Сенаторовъ быть должна
Помнишъ, кажется мнѣ, поелику всегда
ты сама втекала въ слова мои и дѣла

помнишъ, говорю, съ какою собственною опасностію я защитилъ невинность всего Сената; когда Веронскій Государь, неистово стремясь на истребленіе ихъ всѣхъ, намѣревался изобличить все оныхъ сословіе въ оскорбленіи своего Величества, въ чемъ виновнымъ оказался послѣ одинъ Албинъ? Извѣстно тебѣ, что сколь истинно теперь говорю; столько же, возшедъ на высоту похвальныхъ дѣяній, я смирялся прежде. Ибо свѣдущій о многихъ своихъ заслугахъ человѣкъ, нѣкоторымъ образомъ теряетъ свою цѣну; когда поползнувшись къ высокомѣрію, въ возмездіе подвиговъ тщится получить славу отъ другихъ, выхваляя себя. Но мою непорочность какая участь постигла, сама ты видишь. Ибо вмѣсто награжденія, должнаго удѣла в слѣдствія добродѣтели, влекутъ меня, томима въ оковахъ, предъ лицепріемное судилище. Сознаніе, въ какомъ бы то ни было преступленіи, подвигло ли когда всѣхъ судей на толикую жестокость, чтобъ нѣкоторые изъ нихъ не смягчились, или по свойственной разуму человѣческому ошибкѣ, или отъ неизвѣстности всякаго о своемъ жребіи? Если бы обнесли меня, что я на всесожженіе огню хотѣлъ предать священные

храмы; кровїю неповинныхъ служителей жертвенника, обагрить мечь неправедно извлеченный; и наконецъ если бы на всѣхъ честныхъ людей умышлялъ смерть: то и тогда бы надлежало меня наказывать, самолично предъ судомъ признавшагося и изобличеннаго. Когда почти за 50 тысячь шаговъ отстою отъ зерцала, слѣдственно не могу оправдаться; тогда за безмѣрное доброжелательство къ Сенату, осуждаютъ меня на смерть, и смерть сїю должествую понесть въ ссылкѣ. О подвижники! подобный моему поступокъ никто не вмѣнитъ въ порокъ. Самые клеветники тотчасъ усмотрѣли слабость доводовъ, коими они старались изобличить меня. Потому, дабы изящность дѣлъ моихъ обезобразить мерзостнымъ видомъ какого либо порока, уже умалчивая объ оныхъ, и двери къ себѣ затворивъ истиннѣ, судили меня, чего я ниже воображалъ, виновнымъ въ святотатствѣ. Но поелику сама ты, коея образъ, начертанный на скрижалѣхъ сердца моего, ношу всегда, изгоняла изъ моей души и малѣйшую привязанность къ вещамъ маловременнымъ; потому святотатство мнѣ, находящемуся подъ твоимъ смотрѣнїемъ, было вовсе

несовмѣстно. Ибо ты повседневно внѣдряла въ уши и въ сердце мое сїе Пиѳагорово изреченїе: *Буди подражателемъ Богу*. Утверждаться на такихъ подпорахъ, кои основанїемъ служатъ грубыми и чувственными довольствующимся надобностями, ни мало не сходствуетъ съ наклонностями того, кого ты старалась, сколько человѣчеству сродно, уподобить Богу. Сверхъ сего честность моихъ домашнихъ, кои въ поступкахъ своихъ открыты всѣмъ, не малое число добродѣтельнѣйшихъ моихъ друзей, и наконецъ тесть, сотрудникомъ бывшїй мнѣ во всѣхъ дѣлахъ, сей сѣдинами украшенный старецъ столько же почтенный, какъ и ты, совершенно выведутъ меня изъ подозрѣнїя въ семъ злодѣянїи. Но О нечестїе! вѣдь они не устыдятся и тебя признать сообщницею; и сїе одно, что я млекомъ твоего ученїя воздоенъ, и поступать согласно съ правилами честности наставленъ отъ тебя, будетъ для нихъ сугубымъ побужденїемъ судить о мнѣ, какъ о преступникѣ. И такъ преимущество твое надъ другими знанїями не только не помогло мнѣ, въ отвращенїи настоящаго несчастїя; но и сама ты принуждена чувствовать огорченїя

мнѣ чинимыя. Усугубляетъ мое б
ствіе и то, что многіе не стол
на заслуги людей смотрятъ, скол
на удачливыя приключенія; и
только за благонамѣренныя предп
тія поставляютъ, коихъ конецъ ув
чавается успѣхомъ. Слѣдственно добр
людей мнѣніе скорѣе всего покидае
злощастныхъ. Какой теперь разноси
въ народѣ слухъ о мнѣ; сколь р
ногласныя и многоразличныя осужде
безъ смущенія не могу того пр
вести на мысль себѣ. О семъ тол
упомяну тебѣ, что нѣтъ мучите
нѣе для человѣка, какъ когда
смысленная толпа вѣритъ, ч
безпомощные, обвиненные чрезъ у
щреніе лжи, страждутъ праведн
Въ истиннѣ сей признаться опы
убѣдилъ меня, послѣ того ка
лишившись всего имѣнія, и спа
низринутъ съ высоты, и обезславле
претерпѣлъ ссылку за благодѣян
Кажется мнѣ, что я вижу непотре
ныя развратныхъ сонмища, въ ра
стныхъ и пріятныхъ размышлені
погружающіяся. Всякой злодѣй вымы
ляетъ средства ложно обносить др
гаго: добродѣтельные лежатъ повер
ны ужасомъ отъ воззрѣнія на на
участь. Каждый порочный къ проде
зостному покушенію на зло поощряе

я надеждою быть за оное не накажану; а къ произведенію его въ дѣйствіо, наградами. Напротивъ того невинные не только лишены безопасности; но и возможности себя защищать. Почему не непристойно произнесть слѣдующее:

Строитель мудръ Небесъ усѣянныхъ звѣздами!
что вѣчный тронъ себѣ поставивши надъ нами,
кружиться вихремъ сей громадѣ повелѣлъ,
возбранилъ звѣздамъ, свой преступать предѣлъ;
Ты рекъ Лунѣ: блистай; она насъ освѣщаетъ,
времени всегда себя соображаетъ.
акъ полукружіе ея Фебъ озаритъ;
Она свѣтъ звѣздъ своимъ сіяніемъ мрачитъ;
о блѣдный кажетъ видъ, мерцати начиная;
ль ближе къ солнцу ставъ, себя въ свѣтъ погружая.
ечерняя звѣзда влекуща мракъ ночной,
твари хладною кропящая росой,
а утра вѣстницей есть дня обыкновенной,
при всходѣ солнечномъ намъ представляясь блѣдной.
оль земнородныхъ жизнь зберется вся съ полей,
ы въ тотъ же часъ пошлешь на землю краткость дней.
лѣто знойное когда зоветъ къ работѣ,
воритъ дни долгими, дабы трудились въ потѣ.
воимъ могуществомъ въ премѣнахъ самыхъ лѣтъ
лодовъ довольствіе всегда зритъ цѣлый свѣтъ.
если что съ полей чрезъ мразъ Борей уноситъ,
ротчайшій Зефиръ все обратно въ оны вноситъ.
то поздо въ осень что посѣетъ изъ сѣменъ,
тѣхъ сверьхъ естества классъ золотишъ согбенъ.
авъ образъ Хаосу прекрасенъ сколько можно,
днесь во веществѣ блюдетъ сей непреложно:

Во всемъ твореніи суть промысла слѣды,
Одниxъ людей дѣла оставлены безъ мзды.
Всякъ честной на тебя, О дланью свѣтъ держащ
Возропщетъ праведно мученія терпящій.
Почто бы щастію судьбу людей вручать?
Пороку свойственнымъ невинность зломъ карять
Почто развратные на тронѣ засѣдаютъ;
И выи праведныхъ цѣпьми обременяютъ?
Въ себѣ, сіяюща покрыта честность тьмой,
Надъ нею верьхъ беретъ почти всегда нравъ злой
Клятвъ нарушеніе имъ не бываетъ вредно,
Они въ коварствахъ всю проводятъ жизнь безбѣд
Собравшись съ силою, страшащею людей,
Не устыждаются порабощать Царей.
О зиждущій вещей союзъ, духовъ соборы!
На бѣдны обрати жилища смертныхъ взоры.
Въ кругу творенія мы не послѣдня часть,
При каждомъ ревѣ бурь, ввергаемся въ напасть.

Послѣ сихъ Богохульныхъ слов произшедшихъ отъ горести, она н мало не смутившись, вѣщала: ка скоро я тебя, сѣтующа и рыдающ увидѣла, то тотчасъ узнала, что т истинно бѣденъ и заточенъ. Но ско отдаленна ссылка сія, дотолѣ н знала, доколѣ не уразумѣла изъ тв ихъ словъ. Не мысли, что дру изгнали тебя изъ отечества; но чре погрѣшительныя свои умствованія са ты отщетился онаго. И если желаеш себя почитать изгнанникомъ, то сам причиною сего. Ибо кто могъ изгнат тебя, когда бы не терялъ ты из

памяти знаменитости своего отечества, коего члены отъ безразсудной черни, какъ у Аѳинянъ бываетъ, совсѣмъ не зависятъ въ правленіи; но слѣдуютъ манію единаго Самодержца, единаго Царя, удовольствіе находящаго во многолюдствѣ гражданъ, а не въ отторженіи ихъ отъ своей державы; котораго узаконеніямъ, совершенно предать себя, и внимать правосудному его гласу, составляетъ благороднѣйшую свободу человѣка. Ужели не извѣстенъ общества, коего ты часть, законъ гласящій: что совершенно безопасенъ тотъ отъ заточенія, который однажды восхотѣлъ присоединиться къ оному? Ибо кто забралами и оплотомъ онаго огражденъ, того ничто не сильно въ ужасъ и опасеніе привести. Но одно хотѣніе изключиться изъ онаго, уже отъемлетъ надежду покоиться въ нѣдрахъ его. И такъ не столько сокрушаетъ меня положеніе сего мѣста, сколько удивительная превратность твоихъ мыслей. Предметъ моихъ попеченій не стѣны книгохранилища твоего, слоновой костію и зеркалами украшенныя; но жилище твоей души. Въ ней я помѣстила не книги; но то, чрезъ что цѣна книгъ познается, т. е. мнѣнія нѣкогда начерпанныя мною. И хотя безъ всякаго

киченія и лжи изчислялъ мнѣ множ
ство услугъ обществу: но судя
числу твоихъ знаменитыхъ дѣлъ, е
малѣйшую часть ихъ сказалъ. Справ
ливо или ложно обнесли тебя, о се
только извѣстное всѣмъ упомяну.
Непотребства и коварства клевет
ковъ хорошо что ты не много
снулся словомъ. Ибо когда объ оны
народъ отъ другихъ узнаетъ; то
чувствительнѣйшему ихъ стыду
большему посрамленію, будутъ немо
чно обноситься въ устахъ потомст
Жестоко поносилъ ты Сенатъ въ н
справедливыхъ его съ тобою поступ
кахъ, кромѣ сего соболѣзновалъ, чт
отъ лживыхъ порицаній и я не мог
освободиться; также оплакивалъ пот
рю благопріятнаго другихъ мнѣнія
тебѣ. При послѣднемъ сѣтованіи был
воспламененъ гнѣвомъ на коловрат
ность счастія, и въ праведномъ гнѣ
негодовалъ на раздающихъ награды,
опредѣляющихъ казни, не соображая
съ цѣною дѣйствій. Наконецъ къ Пре
столу Величества Божія возсылал
произшедшія отъ раздраженнаго серд
ца молитвы, о возстановленіи на зем
ли такой тишины, каковая видна в
пространствѣ міровъ превыспреннихъ
Но понеже страстей волны весьма
сильно разсвирѣпѣли въ тебѣ; а со

болѣзнованіе, печаль и сѣтованіе въ различныя стороны мысли твои развлекаютъ, въ каковомъ разстройствѣ нынѣ ихъ вижу: то крѣпчайшія лѣкарства, къ излѣченію тебя отъ сего недуга служащія, теперь не могутъ имѣть мѣста. И такъ начну со слабыхъ, дабы тѣ язвы, которыя отъ смущеній, взволновавшихъ всю природу твою, въ примѣтную пришли окрѣплость и воспаленіе, къ воспріятію цѣлебной силы крѣпчайшихъ здѣлались способными смягченіемъ не столь сильныхъ.

Во знакѣ рака, дни раждающаго знойны,
Кто щедрою рукой посѣялъ сѣмена,
Когда питательныхъ земля влагъ не имѣетъ:
Тотъ ставъ обманутымъ надеждой на Цереру,
Древеснымъ быліемъ поддерживаетъ жизнь.
Коль мразныхъ рѣвъ вѣтровъ бываетъ слышенъ въ полѣ,
Тогда ты въ рощу брать фіалокъ не ходи;
Не тщися плесть пучки изъ нѣжныхъ лозъ весеннихъ,
Коль время то пришло, что виноградъ созрѣлъ.
Всѣ дары осени свои Вакхъ предоставилъ.
Всѣ года времена различны межъ собой,
Согласны съ свойствами и дѣйствія имѣютъ,
И сей предписанный Творцомъ планъ неизмѣненъ.
Кто совращается съ показанной стези:
То слѣдствій никогда щастливыхъ не имѣетъ.

И такъ прежде всего позволишь ли мнѣ, не многими вопросами кос-

нуться состоянія души твоей, и п
пытать, дабы я могла безпогрѣш
тельно судить о образѣ врачевані
На сіе отвѣчаю: о всемъ, что тебѣ
благоразсудится, яко готовѣйшаго
отвѣтамъ, вопрошай меня. Тогда нач
ла: не думаешъ ли, что міръ ест
твореніе случая и нечаянности? и
правителемъ онаго признаешъ нѣкот
рое разумное существо? Ни каки
образомъ, я отвѣчалъ, помыслить
могъ, чтобъ царствующая во вс
природѣ толь удивительная стро
ность произвелась, и двигалась роков
безсмысленностію. Я совершенно убѣ
денъ въ томъ, что всевѣдущій Тв
рецъ правитъ вселенною, и никак
перемѣны времени не возмогутъ
требитъ сего изъ мыслей моихъ, Пра
д говоришъ, сказала она, Ибо стих
не задолго предъ симъ тобою пѣты
доказываютъ сіе; гдѣ неутѣшно опл
кивалъ то только, что промыслъ Б
жій за руку не водитъ однихъ люде
Сіе оттуда явствуетъ, что въ нед
умѣніе ты не впадалъ, судя о Божіе
правленіи, коковаго слѣды на прочи
дѣлахъ рукъ его видимы суть. Тѣ
паче и не сильна я умѣрить св
удивленіе; что опираясь на сіе тол
ко здравое мнѣніе, весьма странно
не лѣпо мыслишъ о прочемъ. Но

нужное почитаю теперь разобрать сокровеннѣйшіе изгибы твоего сердца: усматриваю въ тебѣ недостатокъ, но не извѣстный еще самой мнѣ. И такъ когда не сумнѣваешся, что вселенная правится верховнѣйшимъ существомъ; скажи: какой правленія образъ примѣчаешь въ ней? Едва, говорю ей, смыслъ вопроса твоего могу кое-какъ понимать; удовольствовать же тебя собственнымъ отвѣтомъ на оной, никакъ не въ состояніи. Обманулась ли я, рекла она, признавъ въ тебѣ недостатокъ съ одной стороны, съ которой болѣзни смущающія душу твою, ворвались въ нее, какъ бы чрезъ отверстіе вала, долженствующаго больше всѣхъ служить преградою? По крайнѣй мѣрѣ на сіе отвѣтствуй: не позабылъ ли ты тотъ конецъ, для котораго самъ въ себѣ вѣчно блаженный открылся чрезъ твореніе? и что есть средоточіемъ бытія каждой твари? О семъ слыхалъ; говорю ей; но память моя нынѣ мутится отъ мрака печалей. Имѣешъ ли какое понятіе о томъ существѣ, которому всякая вещь должна бытіемъ своимъ? Сіе знаю, отвѣчалъ я, и признаю, что Творецъ видимыхъ и невидимыхъ есть Богъ. Возможноль, познавши виновника всѣхъ тварей, оставаться въ невѣденіи о концѣ бытія

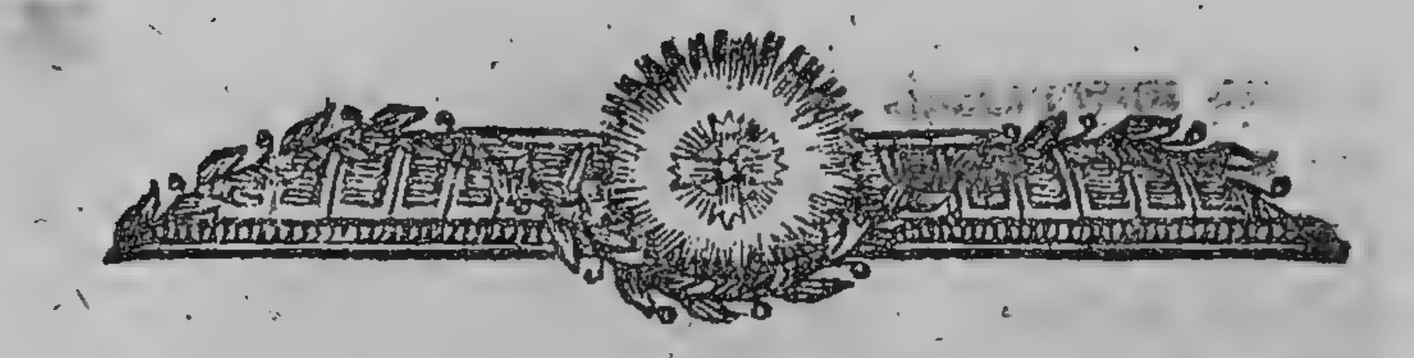
оныхъ? Но обуреванїя страстей обык-
новенно сильны бываютъ только пско-
лебать человѣка въ его положенїи, а
не совсѣмъ поработить себѣ. Въ про-
чемъ скажи пожалуй что-нибудь и на
сїе: помнишъ ли, что ты человѣкъ?
Льзя ли, говорю, мнѣ забыть сїе;
Можешъ ли опредѣлить человѣка?
Ежели вопрошаешъ: знаю ли точно
что я есмь животное разумное и
смертное? то сей вопросъ будетъ для
меня извѣстенъ, и сознаюсь, что от
такого животнаго ничемъ не разн-
ствую. Послѣ сего не испыталъ ли
въ себѣ еще другихъ какихъ либо
свойствъ? --- Никакихъ.---Вотъ теперь
то, сказала она, нашла я другой глав-
нѣйшїй всѣхъ источникъ недуга тво-
его; ты началъ забывать превосход-
ство своей природы. И такъ весьма
довольное о болѣзни твоей свѣденїе
получила, и надежнѣйшїй обрѣла спо-
собъ приступить къ излѣченїю оной.
Погрузясь въ тлѣнное и чувственное,
и забывъ благородство своея души,
какъ только началъ сравнивать себя
съ безсловесными животными; то
вдругъ ожило въ твоемъ сердцѣ сѣ-
тованїе, что будто бы внѣ предѣловъ
отечества жить ты принужденъ, и ли-
шенъ всего имѣнїя. Невѣденїе, на какой
конецъ мїръ сей устроенъ, довело

до того; что одну только сволочь безчестныхъ людей почитаешъ могущественною и блаженною. Когда же забвенію предалъ образъ нравственнаго на земли правленія; то думаешъ, что около судьбины каждаго течетъ, ни мало не завися отъ безпристрастнаго управителя. Сознаться надобно, что сіи заматорѣвшія въ тебѣ мысли, иногда могутъ служить острѣйшимъ орудіемъ смерти, и никакое изобрѣтеніе не притупляетъ смертоноснаго ихъ жала. Однако надлежитъ тебѣ благодарить Бога, виновника твоего спасенія; что еще не находишся близъ такой опасности, въ которой средства бываютъ не дѣйствительны. Для скорѣйшаго возбужденія отъ сего сна губительнаго, надлежитъ безошибочное имѣть понятіе о правленіи міра; послѣ чего всякой принужденъ бываетъ вѣрить, что въ расположеніе сего огромнаго зданія несмысленность случая втекать не можетъ. И такъ не страшись ничего. Одна сія малѣйшая искра, отъ солнца правды пролешѣвъ мимо твоего разума, начинаетъ уже возстановлять въ душѣ твоей владычество смысла, и удерживать забѣги воображенія. Но поелику крѣпкихъ лѣкарствъ принимать еще не наступило время; а сверхъ того извѣстно тебѣ,

что души человѣческія при всяком своемъ удаленіи отъ прямаго пути впадаютъ въ ложныя умствованія, отъ коихъ раждающійся мракъ понятій ослѣпляетъ взоръ разума ихъ: то в первыхъ попытаемъ слабымъ лучем истинны, медленно открывая ея завѣсу, коснуться ума твоего для разогнанія мглы покрывающей его; дабы п разсыпаніи мрачныхъ мыслей, кои сут плодъ обаятельныхъ страстей, можн было тебѣ въ полномъ и совершен номъ видѣ узрѣть священнѣйшее е сіяніе.

Въ облацѣхъ мрачныхъ
Скрывшись свѣтила,
Не освящаютъ
Землю лучами.
Если колеблетъ
Бурный вѣтръ море:
Тотчасъ вода въ немъ,
Стекламъ подобна
Или днямъ яснымъ,
Всю потеряетъ
Прежню прозрачность,
Съ грязью смѣсившись
Мутна бываетъ.
Рѣчныхъ струй чистыхъ,
Долу текущихъ
Съ горъ превысокихъ,
Часто стремленье
Остановляетъ
Камень отпадшій

Ставъ имъ преградой.
Сходно и ты съ симъ
Если желаешъ,
Въ ясности зрѣти
Сродной свѣтъ правдѣ,
Къ щастью ведущій
Путь воспріяти;
Бѣгай веселій,
Будь не боязненъ,
Не повѣряйся
Льстивымъ надеждамъ,
Скорби не чувствуй.
Мрачны бываютъ
Мысли душевны,
Связанъ есть разумъ
Въ царство страстей сихъ.



СОДЕРЖАНІЕ

ВТОРОЙ КНИГИ.

Доводами, изъ мѣстъ Риторическихъ взятыми, Философія уличаетъ Боеція въ несправедливомъ его желаніи, пользоваться прежнею благосклонностію щастія. За симъ слѣдуетъ описаніе щастія. Разговоръ его съ Боеціемъ о томъ: что онъ гораздо щастливѣе, нежели какъ онъ мыслитъ о себѣ. Человѣческое же, но ложное щастіе описывается. Блаженство человѣка не состоитъ въ случайныхъ вещахъ, какъ то въ богатствѣ, достоинствѣ, могуществѣ, славѣ и пріятномъ отзывѣ народа: или лучше сказать, самыя бѣдствія, яко достойныя святѣйшихъ творческихъ намѣреній орудія, весьма часто служатъ къ назиданію истинныхъ пользъ человѣчества.

Послѣ сего умолкла, и какъ скоро чрезъ умѣренное молчаніе уловила мое вниманіе къ ней; продолжала тако: Ежели

безпогрѣшительно могу себѣ въ похвалу сказать, что причины и качество твоей болѣзни совершенно познала; то отъ желанія быть по прежнему щастливымъ страждешъ, и сокращаешъ свою жизнь. Одна только премѣна мнимаго благополучія такъ странно обезобразила тебя. Разумѣю личины сего чудовища, которое даже съ возводимыми отъ него на высоту отличій съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ послѣ низвергнуть съ оныя, соединяетъ себя дружествомъ ласкъ преисполненнымъ; но по внезапномъ своемъ удаленіи, покрываетъ ихъ несноснымъ мракомъ сѣтованія. Если воспомянешъ о бывшемъ твоемъ щастіи, свойствѣ онаго, обыкновеніяхъ, и о услугахъ тебѣ; то узнаешъ, что оно ничего тебѣ изящнаго не доставило, и ничего не похитило. Но, думаю, не многой трудъ потребенъ для возобновленія сего въ твоихъ мысляхъ. Ибо и въ то время, когда еще украшался ты всѣми его дарами, обыкновенно съ жестокостію нападалъ на него; и мнѣнія твои, служащія къ показанію его слѣпоты, доказываютъ, что ты и находясь въ своемъ книгохранилищѣ, былъ гонителемъ его. Впрочемъ всякая нечаянная перемѣна вещей бываетъ сопряжена съ нѣкіимъ, такъ сказать, волненіемъ духа. По сему возчувство-

валъ и ты умаленіе спокойствія д
шевнаго. Но уже приспѣло время п
черпнуть, и вкусить нѣжнаго нѣкое
и чувства услаждающаго питія; кото
рое проникши внутренность, содѣла
бы ее способною къ принятію друга
крѣпчайшаго, и въ большемъ колич
ствѣ. Почему теперь начнемъ
слово съ увѣщанія, пріятное оста
ляющаго впечатлѣніе на сердцѣ
только тогда полезнаго, когда оно
образно моимъ законамъ; а съ оны
купно и музыка, служебница двора м
его, по обстоятельствамъ, да усла
даетъ слухъ твой то нѣжностію, т
важностію своихъ тоновъ. И такъ ч
ловѣкъ! что тебя заставило погр
жаться въ уныніи, и скорбѣть? Н
вое, думаю, нѣчто, и необыкновенн
представилося очамъ твоимъ. Думаеш
что щастіе не пребыло постоянны
къ тебѣ? Обманываешся. Нравъ е
всегда одинаковъ: тщетною надежд
вѣчно покоиться въ его лонѣ ве ели
тебя, оно чрезъ самую измѣ
наилучшимъ образомъ ознамено
ло постоянство свое. Въ томъ
теперь положеніи, въ каковомъ и преж
было: когда обаятельными словам
ослѣпляло тебя, когда заохочивало к
любленію себя единою благовидности
вещей. Извѣстною тебѣ нынѣ здѣлалас

обоюдность вида, которую лицо сего, за божество отъ многихъ вмѣняемаго, слѣпаго идола пріемлетъ на себя. Хотя прочїе усмотрѣть и не могутъ онаго, однако не льзя тебѣ не видѣть. Ежели оно нравится тебѣ, приспособляйся къ его обычаямъ, дабы на него не роптать послѣ. Когда же ужасаешся его вѣроломства: то воззри на него презрительнымъ окомъ, и отщетись играющаго роли пагубныя. Ибо причина побудившая тебя такъ сильно сѣтовать, болѣе долженствовалабъ утѣшать. Престало тебѣ щастїе благопріятствовать. о которомъ не льзя быть увѣрену, чтобъ человѣка выгодамъ когда нибудь не измѣнило. Или ты дорого цѣнишъ благополучїе, имѣющее вскорѣ изчезнуть? Уже ли покой сердцу могутъ доставить мгновенная благая, по лишенїи которыхъ мѣсто краткихъ веселостей заступаетъ вѣчное прискорбїе? Если не можно людямъ навсегда удержать за собою щастїе, и потеря онаго сопровождается огорчительнымъ чувствїемъ бѣдности: то не должно ли казаться оно предзнаменованїемъ какоголибо грядущаго бѣдствїя? Судя о добротѣ вещей, ненадобно ограничивать себя поражающимъ токмо зрѣнїе. Благоразумїе кладетъ цѣну, смотря на конецъ ихъ. Та же са-

мая въ обоихъ случаяхъ вѣтренност
щастія научаетъ, небоязненно смот
рѣть на угрозы его, и быть равнодуш
къ его ласкательствамъ. Напослѣдо
ты обязанъ благодушно сносить в
произходящее вокругъ его, гдѣ почт
въ непрестанномъ колебаніи находят
ся вѣсы; когда единожды поручил
себя во власть его. Ежели похочеш
предписывать законы, касательно п
ревѣса на твою или противную сто
рону, тому, кого добровольно избрал
твоимъ господиномъ, не будешъ ли сам
несправедливъ? и не огорчишъ ли ма
лодушіемъ своимъ судьбу, которой пе
ремѣна отъ произволенія твоего н
мало не зависитъ? Когда поставиш
парусы: то судно, въ которомъ на
ходишся, не туда воспріиметъ сво
движеніе, куда тебѣ угодно, но куд
дуновеніе вѣтровъ понесетъ оное
Ежели сѣмена ввѣришъ браздамъ полей
то недостатокъ безплоднаго лѣта
будешъ вознаграждать плодородіем
другаго года, тукомъ обогащеннаго
Отдался ты на произволъ щастія, т
и принаравливайся къ его нравамъ. Тебѣ
ли стараться удержать всегдашнее
стремленіе колеса вращающагося? Бе
зумнѣйшій изъ смертныхъ! и ща
стіе изчезнетъ, ежели колесо преста
нетъ оборачиваться.

Десницей гордою судьбы располагая,
Крутитъ, какъ водное жерло, все превращая;
Ужасныхъ искони ломаетъ рогъ царей,
Свободой напротивъ плѣненныхъ льститъ людей.
Не внемлетъ немощнымъ, не чувствуетъ рыданій,
Взираетъ осклабясь, виною ставъ стенаній.
Весь опытъ силъ его въ игрѣ сей состоитъ,
Котора ужасомъ кого не поразитъ?
Надежды видъ его хоть лестныя раждаетъ,
Но сна мечтаніямъ подобно изчезаетъ.

Но желательно мнѣ не много поговорить съ тобою отъ лица самаго щастія. И такъ примѣчай: согласны ли съ требованіями истинны будутъ слова его? „Что побуждаетъ тебя, человѣкъ! почитать меня виновникомъ ежедневныхъ твоихъ жалобъ? Какую обиду я тебѣ нанесло? Какихъ собственно къ тебѣ принадлежащихъ благъ лишило? Избери, кого хочешь, судїею для рѣшенія спора со мною о обладаніи имуществъ и достоинствъ; и если докажешъ, что хотя однимъ изъ сихъ благомъ кому нибудь изъ смертныхъ свойственнѣе, нежели мнѣ, владѣть; то добровольно признаю все то твоимъ собственнымъ, о чемъ, порицая меня возмутителемъ радостныхъ минувшихъ дней твоихъ, не однократно упоминаешъ. Когда природа изъ чрева матерня произвела тебя на свѣтъ, не снабдивъ никакою одеждою, и никакими вещьми, служащими къ пропитанію и

защищенію отъ наглости вѣтровъ и бурь: тогда былъ ты принятъ подъ мое покровительство, на счетъ мой воспитанъ; я по склонности моей благодѣтельствовать людямъ, отлично благоволило къ тебѣ, довольствомъ вещей для прогнанія глада, и титлами благородства для защищенія отъ злости сильной, оградивъ тебя со всѣхъ сторонъ. Нынѣ престань, подобно младенцу, держаться за меня руками; возблагодари мнѣ, яко чужимъ пользовавшійся. Не имѣешъ права на меня жаловаться, лишившись чуждаго. По что убо такъ стенать? Никакого я насилія не здѣлало тебѣ. Богатство, чины и прочая симъ подобная мнѣ принадлежатъ. Всѣ слушаютъ гласа моего; за мною слѣдуютъ, по удаленіи моемъ отъ нихъ отходятъ сами. Дерзновенно подтвердить могу, что ежели бы тебѣ принадлежало то, о потеряніи чего жалуешся, ни какимъ образомъ не могъ бы ты лишиться того. Не уже ли мнѣ одному запретятъ, по волѣ разполагать находящимся у меня во власти? Позволительно небу чрезъ проліяніе волнъ солнечныхъ по воздушнымъ долинамъ творить дни свѣтлые, и посредствомъ облаковъ, по истощеніи свѣта лучей не могущихъ проницать оныя, превращать дни въ мрачныя ночи.

Может годовое время иногда влагать въ земную утробу драгоцѣнныя сѣмена плодородія и цвѣтовъ, а иногда землю оставить безплоднымъ смѣшеніемъ песка и праха. Не оспориваетъ никто права у моря, тишиною своею веселить плавающихъ по нему; и когда згущенныя отъ порывистыхъ вѣтровъ облака составляютъ громады, полагающія препону сіянію солнца, погружать ихъ въ конечной страхъ и робость, отверзаніемъ своихъ пропастей? Ненасытное желаніе человѣческое обяжетъ ли меня къ тому постоянству, которое совсѣмъ чуждо моей природѣ? Вотъ предѣлы, за которые никогда не простирается мое могущество! вотъ въ чемъ безпрерывная моя состоитъ игра! стремительно обращаю колесо, и нечувствительно бываю ко всѣмъ веселіямъ, исключая веселіе всегда коловращать оное. Взойди на него, ежели тебѣ угодно; но съ тѣмъ, чтобъ не считалъ ты себя обиженнымъ, когда для своей забавы тебя стоящаго на немъ поставлю главою къ низу. Уже ли до сего времени неизвѣстны тебѣ были мои нравы? Уже ли ничего не слыхалъ ты о Крезѣ Царѣ Лидійскомъ, который нѣкогда производилъ боязнь въ самомъ Кирѣ, но вскорѣ былъ возложенъ на костеръ посредѣ палящаго огня? Уже

ли не помнишъ, сколь болѣзнен
стѣснялось печалію сердце Павла Е
лія отъ участія въ скорби Персея,
славою царствовавшаго прежде въ М
кедоніи, но во время сего полководц
принужденнаго наложить на себя
стыдныя оковы невольничества? Ч
другое причиною плачевнаго вопля тр
гиковъ, какъ не нещастіе, однимъ у
ромъ цвѣтущія государства изпр
вергающее? Еще въ огненномъ юнош
ствѣ живя, не былъ ли ты свѣду
о сихъ словахъ: *при прагѣ вра
Юпитеровыхъ лежатъ двѣ бочки,
коихъ одна есть вмѣстилище бла
а другая золъ?* Кромѣ сего че
оправдаешъ свои укоризны мнѣ чин
мые, когда разстался со мною, уде
жавъ большую и лучшую часть бла
моихъ за собою? Что скажешъ, ко
призрѣнія моего еще не совсѣмъ
лишенъ? Что, ежели самая преврат
ность моя подаетъ тебѣ надежду,
править свое состояніе? Не взирая
нынѣшнія приключенія толико те
противныя, я занимаюсь твоеюжъ по
зою, что бы печалей предметами
ражаемый твой разсудокъ не вда
въ ослѣпленіе, каковому часто подве
гаются на высотѣ честей, при
быткѣ богатствъ, въ нѣдрахъ забав
удовольствій; и чтобъ не будучи

изключенъ изъ числа борющихся иногда съ бѣдствіями, возжелалъ поступки свои располагать по гласу даннаго тебѣ закона.

Хотябъ толикій токъ излился въ міръ щедротъ;
Коликое число песка коловращаетъ
Съ ревущимъ воздухомъ сражающійся понтъ,
И многозвѣзднну сколь одежду надѣваетъ
Престолъ превѣчнаго въ небурный часъ нощей:
Но не умолкли бы роптанія людей.
Хотя бы Божество такъ міромъ управляло,
Что человѣковъ всѣ желанья исполняло,
Обильною рукой богатство подая,
Желающихъ на верхъ достоинствъ возводя:
Однако и сіе едваль ихъ успокоитъ,
Желаніе еще пасть алчную разтворитъ.
Чтожъ можетъ оному предѣлы положить?
И можетъ ли когда богатымъ названъ быть
Кто средь обилія стенаетъ, и страшится,
И жажда коего ничемъ не утолится.,,

Когда бы щастіе, симъ образомъ защищая себя, говорило съ тобою; подлинно не могъ бы ты ему противорѣчить ни въ чемъ; или если надѣешся справедливость ропота своего чемъ нибудь доказать, то объяви мнѣ; я готова внимать твоимъ словамъ. Разсужденія сіи, отвѣчалъ я, по видимому на здравыхъ началахъ основаны, и не безъ пріятности, каковую возвышенный слогъ Риторическій производитъ въ сердцахъ слушателей. Когда оными слухъ бываетъ поражаемъ: тогда душа наполняется утѣшительнымъ

восторгомъ. Но страждущіе подъ уд
рами, отъ злаго рока на нихъ пад
ющими, чувствительнѣе къ своимъ
рестямъ. Въ слѣдствіе сего замат
рѣвшая печаль паки понуждаетъ ме
измѣнять разуму. Такъ точно, о
вѣщала. Ибо нынѣшнія слова мои
могутъ еще служить врачевствомъ б
лѣзни твоей; но паче побуждаютъ те
досадовать на врачующихъ оную.
бравъ удобный случай, между прочи
не премину и о томъ сказать теб
что подѣйствуетъ на самое серд
Но дабы впредь не питать тебѣ ло
ныхъ сихъ мыслей, что ты злопол
ченъ нынѣ; вопрошаю: уже ли поз
былъ число и важность прежняго благ
пріятства щастія? Прохожу молча
ніемъ сіе, что когда отца твоего гла
сомкнулись на вѣки, принятъ бы
ты подъ покровительство самых
знатныхъ особъ, и будучи награжде
рукою дщери одного изъ главных
градоправителей, во первыхъ, (чт
драгоцѣннѣйшимъ въ родствѣ почи
тается) любовь ихъ къ себѣ прив
лекъ открытіемъ даровъ разума
сердца своего, и потомъ уже возы
имѣлъ право на благородство ихъ по
колѣнія, произходя въ чины съ само
весны дней своихъ, не по прозьбам
или проискамъ, но по дѣйствител

нымъ заслугамъ. Кто не провозгласилъ счастливцомъ тебя, узрѣвши тебя зятемъ перваго изъ вельможей, мужемъ цѣломудренной и прекрасной супруги; наконецъ отцемъ сыновъ, къ произведенію самыхъ трудныхъ умоначертаній наилучшимъ образомъ расположенныхъ, на которыхъ природа истощила кажется богатство даровъ своихъ? Не упоминаю, (ибо объ общемъ съ прочими умолчать можно,) о достоинствахъ возложенныхъ на тебя въ юношествѣ, которыми краситься рѣдкимъ возмужавшимъ дозволялось. Удовольствіемъ считаю начать рѣчь о семъ: какими изъ особливыхъ даровъ щастія ты не наслаждался? Ежели плодъ времянныхъ благъ можетъ хотя нѣсколько споспѣшествовать къ благополучію человѣчества; то возможно ли изгладиться изъ памяти сіянію бывшей славы твоей, подъ какоюбъ тяжестію бѣдствій ты ни былъ удручаемъ? Коль сладостное упоеніе сердца и разума, когда двухъ сыновъ своихъ учинившихся Консулами, зрѣлъ ты выѣзжающихъ со двора въ провожденіи многихъ Сенаторовъ, и въ ожиданіи народа, чрезмѣрно жаждущаго насладиться ихъ лицезрѣніемъ! Какое это торжество радости было, когда при засѣданіи ихъ въ Сенатѣ, куда они на великолѣпной колесницѣ возимы были, самъ ты съ

преимуществами проницательнаго духа, и со способностію все представлять въ выразительныхъ чертахъ, въ обольщающихъ краскахъ, покарялъ себѣ сердца всѣхъ, и приобрѣталъ хвалу, едва ли когда выше возлетавшую; и когда на площади, сидя посредѣ ихъ обоихъ, обступившему народу за ожиданіе твоего прихода торжественно платилъ щедрыми дарами! Казалось мнѣ, что былъ у тебя положенъ договоръ со щастіемъ, когда оно толико занималось назиданіемъ твоихъ выгодъ, что малѣйшимъ замѣшательствамъ не дозволяло возмутить спокойствіе, и помрачить честь твою; когда столько же предваряло твои желанія, сколько внимаетъ гласу своихъ прихотей. Благопріятство его къ тебѣ до того наконецъ простерлось, что въ одномъ году сыновья твои правили такою должностію, каковой никто, неносившій въ обществѣ званія, прежде ихъ не былъ удостоенъ. Ты ли убо хочешъ вести разчетъ со щастіемъ? Оно еще въ первой разъ, и то слегка ранило тебя. Когда бы сравнивалъ ты числа радостныхъ и печальныхъ дней; языкъ твой подлинно былъ бы не движимъ къ сознанію несчастнымъ тебя. Если потому считаешъ себя нещастнымъ, что прекратились мнимыя твои веселости то

несправедливъ съ другой стороны, когда неудовольствія томящія духъ такъ же изчезаютъ. Ты ли одинъ сверхъ чаянія, яко странникъ и пришлецъ, изведенъ на жалостное зрѣлище сей юдоли слезной? Если изъ вещей сихъ хотя едина постоянна и тверда; когда смерть ужаснымъ серпомъ своимъ мгновенно срѣзываетъ съ корня самаго человѣка? Весьма рѣдко можно питать себя надеждою на долговременность щастія; но послѣдній день жизни посѣкаетъ и надежнѣйшіе цвѣты онаго. Чемъ возразить на сіе можешъ? При дверехъ ли смерти уже находясь, лучше разлучиться со щастіемъ? Или тогда, когда оно будучи желательно еще, само бѣжитъ отъ тебя?

На колесницѣ Фебъ мчась розовой съ востока,
Когда начнетъ дневный свѣтъ долу изливать:
При видѣ онаго блестящаго потока,
Блѣднѣющимъ звѣздамъ не льзя не померкать.
Тогда, какъ дышетъ вѣтръ и теплый и цѣлебный,
Какъ рощи красятся румяностію розъ!
Пусть Южный заревеъ истнительный, враждебный,
Вся лѣпота спадетъ съ цвѣтовъ и съ гибкихъ лозъ.
То море тишиной и блескомъ восхищаетъ,
Коль нѣдръ его вѣтровъ не возмущаетъ споръ:
То бурный Аквилонъ покой сей прерываетъ,
Вздымая зыбь на зыбь Карпадскихъ выше горъ.
Коль рѣдко въ свѣтѣ семъ, что былобъ непремѣнно,
И постоянства нѣтъ во образѣ вещей:
Такъ ты на щастіе надѣйся несомнѣнно,

И буди жертвою пріятной лжи очей.
Узаконеніе сіе природы вѣчно,
Чтобы рожденное все было скоротечно.

Тогда говорю ей: истиненъ глаголъ твой, О питательница добродѣтели! Но воспоминаніе минувшаго благополучія вмѣсто того, чтобъ ослабить, еще усиливаетъ во мнѣ внутренній ропотъ, исполненный негодованія на настоящее и скорби о прошедшемъ. Ибо бѣдствующій человѣкъ, подъ бременемъ золъ больше стенаетъ и досадуетъ; когда вообразитъ, что все прежде показывало лестные для него виды. — Не вещи, а обманчивое воображеніе есть причиною твоего неудовольствія, отъ неразмышленія на нихъ слагаемаго. Ибо ежели пустое имя случайнаго счастія трогаетъ тебя; то сколь многая и отличная онаго благая ты еще теперь имѣешъ, приведи сіе хотя со мною на мысль себѣ. И если оно въ цѣлости блюдетъ для тебя все то, чего нѣтъ драгоцѣннѣе изъ всѣхъ даровъ онаго: то можешъ ли праведно укорять его въ похищеніи у тебя благъ, лучшее все удержавъ за собою? Цвѣтетъ еще крѣпостію тѣлесныхъ силъ оная неоцѣненная красота рода человѣческаго. Симмахъ, твой тесть, мужъ мудрый и добродѣтельный; которой самъ будучи неприступенъ клеветѣ и злости чело-

вѣческой, воздыхаетъ о причиненныхъ тебѣ обидахъ. Жива еще супруга твоя, при всей остротѣ ума кроткая, и въ цѣломудріи несравненная изъ женъ; и дабы въ краткихъ словахъ помѣстить всѣ ея изящныя качества, во всемъ подобящаяся своему родителю. Живетъ, говорю, и несноснымъ почитая сей свѣтъ, для тебя только не хочетъ разлучиться съ нимъ; но, что одно сама долженствую признать ущербомъ твоего благосостоянія отъ желанія видѣться съ тобою, утопая въ слезахъ, и наполняя воздухъ воплемъ и стенаніемъ, часъ отъ часу становится ближе ко гробу. Что сказать мнѣ о дѣтяхъ, Консульскимъ саномъ украшенныхъ, которыхъ разумъ въ юношествѣ имѣетъ тотъ же степень познанія, каковымъ отличаются родители ихъ и дѣдъ. И такъ удержись отъ слезъ. Мягкосердіе счастія никогда еще не претворялось въ толикую жестокость, что бы преставъ человѣку благотворить, все похитило у него; да и не сьлишкомъ опасная на тебя буря напастей возстала, когда судна твоего якори прочностію и укрѣпленіемъ своимъ не отъемлютъ утѣшенія въ настоящемъ времени, и надежды на будущее. О когда бы услышалъ Богъ безгласныя, но исходящія отъ сердца сокрушеннаго

мои мольбы о семъ! Ибо при твердости якорнаго стоянія какъ нибудь избѣжимъ пучины несчастія. Но зри, какое множество цвѣтовъ щастія, меня украшавшихъ, поблекло! За симъ, уже усугубила я, рекла она, оризонтъ зрѣнія твоего; когда въ своемъ состояніи видишъ не одни печалей предметы. Но терпѣть не могу, что ты предался малодушію; что утопая въ слезахъ, и отъ скорби снѣдаясь ропщешъ, яко бы нѣчто, служащее къ блаженству, удалено отъ тебя. Лучшій на земли жребій есть тотъ, котораго услажденія съ меньшимъ примѣсомъ отравы бываютъ, и въ самомъ существѣ земныхъ благъ кроется источникъ суетъ и многомятежія. Или не всѣ оныя достаются намъ въ руки, или не долговременно наслаждаемся ими. Сего нивы благословлены изобиліемъ, хранилища исполнены злата, стада паче прочихъ множатся; но предъ другими посрамленъ низкостію поколѣнія. Трубою знатнаго произхожденія повѣлано объ иномъ отдаленнѣйшимъ свѣта странамъ; однакожъ сражаясь со скудостію, желалъ бы онъ быть вовсе невѣдомъ. Тотъ въ избыткѣ то и другое имѣя, горько оплакиваетъ не сродной себѣ выборъ жизни. Другой ощастливленъ супругою, но не имѣя дѣтей; блюдетъ

богатство для чужихъ наслѣдниковъ. Инаго женѣ разверзъ Богъ утробу; но поелику плоды взаимной ихъ любви сокрываются въ темную тучу пороковъ, то старость ихъ сопровождается тяжкими огорченiями. Посему никто недоволенъ своимъ состоянiемъ. Ибо каждое въ себѣ содержитъ нѣчто такое, чего человѣкъ не испытавъ, не знаетъ; испытавши же цепенѣетъ отъ ужаса. Притомъ покоющiйся въ нѣдрахъ щастiя съ лишкомъ чувствителенъ къ злоключенiямъ; и когда не все удается по желанiю, онъ не обыкши сносить противныя событiя, впадаетъ въ уныние отъ малѣйшаго зла. И вотъ отъ чего счастливѣйшiе, по мнѣнiю плотскихъ людей, при великомъ избыткѣ не сознаютъ себя таковыми. Сколько сыщется подъ игомъ бѣдствiя страждущихъ, которые признали бы за верхъ блаженства, получивши право на самую меньшую часть изъ твоихъ благъ! Сiе самое мѣсто, которое нарицаешь ссылкою, для здѣшнихъ жителей есть отечествомъ. И такъ нещастiе зависитъ только отъ нашего воображенiя: всѣхъ блаженнѣе тѣ, которые великодушiемъ вооружаются противъ злаго рока. Какой на земли есть счастливецъ, котораго малодушiе не понудило бы изъ одного состоянiя пере-

холитъ въ другое? Услажденія чувствъ какими растворены горестями! Они кажутся пріятнымъ питіемъ; но чемъ долѣе хотятъ люди пресыщаться ими, тѣмъ скорѣе теряютъ ихъ изъ виду. А отсюда явствуетъ, что временное благополучіе не можетъ избавить насъ отъ бѣдности; когда равнодушный не долго пользуется имъ, а малодушный среди увеселеній безчисленные чувствуетъ недостатки, безъ прискорбія не бывающіе. По что убо, смертные! внѣ себя ищете щастія, которое носите внутрь васъ самихъ? Мрачной облакъ заблужденій и невѣжества препятствуетъ вамъ видѣть его. Хотя въ краткихъ словахъ, однако нынѣ же покажу тебѣ источникъ верховнаго блага. Цѣнишъ ли что нибудь дороже себя? Никакъ, скажешъ. Слѣдственно ставъ обладателемъ самаго себя, получишъ то, чего лишиться вѣчно не пожелаешъ; и что совсѣмъ неприступно вѣтренному счастію. Но дабы совершенно увѣриться, что преходящія вещи никакъ не могутъ доставить покоя сердцу человѣческому; прими въ соображеніе слѣдующія обстоятельства. Когда блаженство есть высочайшее благо природы, совмѣстное однимъ тѣмъ существамъ, кои живутъ по законамъ разума; и когда оно далѣе, нежели небо отъ

земли, отстоитъ отъ того блага, которое или отъ стихій разрушается, или насильственными хищенія руками противъ воли берется у насъ; когда превосходнѣйшимъ почитается сокровище некрадомое: то не очевидна ли ясность, что изъ подлежащаго тлѣнію ничто не сильно породить чувствія непресѣчныхъ и истинныхъ веселій? Сверхъ сего, ослѣпляющійся скоротечнаго щастія сіяніемъ или увѣренъ о его коловратности, или нѣтъ. Ежели не увѣренъ, то можетъ ли въ нѣдрѣ удовольствія и покоя блаженствовать, (въ какомъ бы состояніи оно ни поставило его), слѣпотствуя въ познаніи онаго? Если увѣренъ, то должно ему опасаться, дабы не потерять того, чего лишиться о возможности не сумнѣваеться. Почему щастіе никакъ не освобождаетъ человѣка отъ боязни. Когда оно измѣнитъ чьимъ выгодамъ, въ то время не почтетъ ли всякъ за долгъ презрѣть его? Ни малаго вниманія не заслуживаетъ то добро, коего потерею ни сколько не опечаляется духъ иройскій. Но поелику ты изъ числа убѣжденныхъ весьма многими доводами въ безсмертіи душъ человѣческихъ, и находящихъ доказательства онаго въ собственномъ сердцѣ; то, хотя извѣстно, что прекрасныя розы случайнаго

щастія скоро увядаютъ, и оставляютъ одинъ колючій тернъ; не льзя тебѣ мыслить, чтобъ все земнородныхъ племя и по смерти было жалости достойно: когда блаженство ожидаетъ его по другую страну гроба. Если многіе вкушали плоды истиннаго благополучія не только умирая, но въ болѣзни и страданіяхъ находясь: какимъ же образомъ настоящая жизнь блаженными людей содѣлаетъ, которой лишеніе не дѣлаетъ никого бѣднымъ?

Кто хочетъ, чтобы ревъ вѣтровъ не досаждалъ,
И всуе Понтъ ему волнами угрожалъ:
Отнюдь да не живетъ тотъ на горахъ высокихъ,
Не зиждетъ на песцѣ стѣнъ вскрай морей глубокихъ.
Тамъ вѣтры царствуя, равняютъ все съ землей;
Не можетъ стѣнъ здержать, водой смываемъ сей;
Опасна жребія коль хочешъ удалиться,
Жилищу смежнаго, гдѣ пышность веселится:
То въ памяти на вѣкъ ты долженъ положить,
Что безопаснѣе въ долинѣ низкой жить.
Хотя шумящій вѣтръ моря съ землей мѣшая,
Приводитъ въ трепетъ все, все долу повергая;
Но окрестъ ты себя блаженный зря покой,
Счастливъ оплотами сей низкости святой.
Въ любезной тишинѣ ты проведешъ дни красны,
Престанутъ и громовъ удары быть ужасны.

Но поелику мои доказательства уже начинаютъ дѣйствовать на сердце твое; то для убѣжденія тебя намѣре-

на представить нѣсколько сильнѣйшія прежнихъ. Хотя бы дары счастія и не были уносимы быстротою времени: однако что въ нихъ найдешъ такое, что можно было бы или твоимъ собственнымъ назвать, или по безпристрастномъ разсмотреніи, мало по малу не теряло цѣны своей? Богатство принадлежитъ ли тебѣ? или по существенности своей стоитъ ли того, дабы мучиться желаніемъ стяжать оное? Судя о изяществѣ его, не всего ли дороже поставляются собранныя груды обработанныхъ золотыхъ монетъ? Но и сіи достоинство свое показываютъ болѣе чрезъ благоразумную расточительность, нежели чрезъ умноженіе ихъ количества: потому что сребролюбіе всегда навлекаетъ людямъ ненависть, а щедрота зиждетъ храмъ славы. Всякій перестаетъ имѣть то, что переходитъ въ руки другаго: слѣдовательно цѣна денегъ познается, когда владѣлецъ благодѣтельною рукою обьемля нищету, уже не видитъ оныхъ въ своихъ сокровищницахъ. Пусть будетъ одному кому нибудь дозволено, съ изъятіемъ прочихъ людей, пользоваться извлеченными изъ нѣдръ земныхъ благами: но плавая въ изобиліи, и живя въ чертогахъ, средоточіи всѣхъ изяществъ художества, тѣмъ болѣе выказываю-

щихся, что все окружающее ихъ омрачается сѣнію бѣдности, онъ внутренно терзался бы, слыша стенаніе подобныхъ себѣ. Тогда многихъ вопли равномѣрно жалостные не преминутъ поражать слухъ; а имущество ваше безъ своего ущерба не успокоитъ ихъ. И потому удѣляющіе часть онаго должны чувствовать оскудѣніе. Колико убо ограниченъ самой избытокъ людей, когда не можно многимъ быть обладателями богатства всего; и когда всякое излишество одного влечетъ за собою бѣдность другихъ. Сіяніе ли драгоцѣнныхъ камней пригвождаетъ взоры твои къ себѣ? Но если что особенное въ блескѣ оныхъ и находится, то не иное что составляетъ, какъ отраженіе лучей сродное тлѣнному и гибнущему, а не благородство человѣка. И потому довольно надивиться не могу, что человѣкъ смотря на нихъ, не рѣдко восхищается даже до изумленія. Ибо неодушевленное, и стройности въ членахъ лишенное, можетъ ли въ оживленномъ и разумномъ существѣ породить чувство истинныя лѣпоты? Камни яко произведеніе строителя чудеснаго, коему угодно было для различія повелѣть возникнуть изъ Хаоса однимъ свѣтящимъ, а другимъ прозрачнымъ и тем-

нымъ тѣламъ; хотя одарены красотою совершенною въ своемъ родѣ: но въ отношенiи къ природѣ человѣчества очень много упадая въ цѣнѣ не заслуживаютъ особеннаго вниманiя. Не радуешся ли внутренно, при воззрѣнiи на поля, красящiяся позлащенными классами? Чтожъ? Надобно признаться, что они прекраснаго Божiя творенiя есть часть изящная; тако веселитъ нѣкогда сердце наше лице моря покоящагося; тако простираемъ удивленный и почтительный взоръ на градъ небесный, на очи его, стрегущiя смертныхъ во время сна, на вождя планетъ и земнаго спутника. Но изъ сихъ хотя нѣчто служитъ ли къ усовершенствованiю тебя? Дерзнешъ ли величаться лучезарностiю котораго нибудь изъ свѣтилъ? Покрываешся ли самъ пестротою цвѣтовъ весеннихъ? Или вмѣстѣ со зрѣлостiю лѣтнихъ плодовъ тучнѣетъ тѣло твое? Почто предаешся увеселенiямъ толико тщетнымъ? Почто простираешь жаждущiя руки къ принятiю благъ чуждыхъ, пренебрегая собственныя? Щастiе никогда не присвоитъ тебѣ того, на что права не дала природа. Плодовъ земныхъ существованiя цѣль конечно состоитъ въ томъ, чтобъ поддерживать бытiе животныхъ. Но если при ощущенiи природы въ самой

себѣ довольства, мнимые недостатки ея похочешь дополнять извнѣ: то трудъ, предметомъ имѣющій избытокъ во всемъ, будетъ тщетенъ. Ибо не многимъ, или лучше, весьма малымъ довольствуется природа, коея сытость, когда начнетъ заохочивать къ невоздержности излишнимъ, то или потеряетъ способность услаждать вкусъ ея, или еще во вредъ послужитъ. Любуешся ты златотканными и червленными одеждами? Если видъ ихъ прелестенъ, то буду я удивляться или добротѣ матеріи, составляющей оныя, или искусству художника. Или наконецъ множество рабовъ дѣлаетъ тебя щастливымъ? Они, ежели коварной и злой души, суть для дома твоего тяжесть къ конечному упадку нудящая оной, слѣдственно и самому господину ихъ ненавистны: когда же къ малѣйшимъ обвиненіямъ совѣсти чувствительны, то доброта сердца чуждаго вмѣнится ли тебѣ въ личныя совершенства? Все сіе непосредственно несетъ съ собою увѣреніе, что благая, кои считаешъ своею собственностію, существуютъ въ одномъ токмо воображеніи. Если они не имѣютъ красоты, разумъ и сердце плѣняющей: то почто лишившись оныхъ, болѣзненно воздыхать, или имѣя, восхищаться? Когда бы намъ надлежало

сознаться и въ изящности ихъ; то она будетъ ли втекать въ твое достоинство? Ибо и по изключенiи ихъ изъ числа сокровищъ твоихъ, равно всѣ будутъ плѣняться ихъ лѣпотою. Не потому вещь драгоцѣнна, что принадлежитъ къ твоимъ сокровищамъ: но потому ты восхотѣлъ причислить ее къ онымъ, что есть драгоцѣнна сама въ себѣ. И такъ, какая непрiязненная причина ослѣпляетъ, что вы жаждете оныхъ и въ то время, когда щастiе отъемлетъ возможность наслаждаться ими? Притязанiемъ даровъ его, думаю, ищете средствъ отженутъ скудость отъ себя. Но въ семъ случаѣ ни сколько не согласно событiе съ намѣренiемъ вашимъ. Отъ великихъ имуществъ еще больше нуждъ раждается; и часто лучшее средство возвеличить жребiй, состоитъ въ лишенiи себя тѣхъ благъ, кои человѣкъ имѣетъ. Притомъ справедливѣе сего ничто быть не можетъ, что источники богатствъ чемъ болѣе запружаются плотинами корыстолюбiя, тѣмъ больше въ нихъ усматривается недостатковъ меньше чувствительныхъ, когда довольство ограничивается самонужнѣйшими потребностями а неизлишествомъ желанiя. Уже ли сроднаго вамъ блага не находится во всемъ мiрѣ, что вы заглядываетесь на глад-

кую поверхность вещей низшей доброты? Такой ли образъ устроенія міра сего, что бы животное, хотя обезображенное, однако по разуму всегда Божественное, не иначе могло сіять на земли, какъ чрезъ обладаніе тлѣнныхъ сокровищъ? Прочія твари всегда довольствуются тѣмъ, что природа имъ назначила: но вы по душѣ будучи Богу сообразны, тщитеся украшать себя вещьми совершенно маловажными; и къ тому не понимаете, колико оскорбляете симъ Творца своего. Ему угодно, дабы родъ человѣческій отличался отъ всѣхъ земныхъ созданій: а вы на развалинахъ высокихъ совершенствъ вашихъ воздвигаете хижину слабостей. Превосходство естества человѣческаго есть условное: т. е. основаніемъ себѣ имѣетъ самознаніе: когда люди, погрузясь въ тлѣнныхъ и чувственныхъ вещахъ, не вперяютъ ока умнаго за предѣлы зримаго міра; тогда не только лишаютъ себя правъ человѣчества, но и приходятъ въ состояніе низшее безсловесныхъ. Ибо не познавать себя естественно прочимъ животнымъ, а людямъ поносъ и уничиженіе. Сколь много ужасныхъ и печальныхъ слѣдствій влечетъ за собою заблужденіе сіе, что украшеніемъ человѣку будто бы могли служить вещи

чуждыя его природѣ. Ежели внѣшность блистательна; то она одна и имѣетъ право на дань хвалы; а кроющихся подъ нею пороковъ зловоніе не уничтожается. Съ моей стороны я не почитаю благомъ то, что владѣльца приближая ко брегу опасности, наконецъ низвергаетъ въ самую пропасть гибели. Уже ли сіе ложъ? Никакъ, самъ скажешъ. Ты, который теперь ужасаешся копій грабительства, и меча убійцъ, когда бы въ поприще жизни сея вступилъ, ничего съ собою не взявъ въ напутіе: нашедъ на разбойника, безпечно воспѣлъ бы предъ нимъ свои пѣсни. Изрядное блаженство, извлекаемое изъ нѣдръ земли! которымъ коль скоро человѣкъ начнетъ наслаждаться, толічасъ и видитъ себя опасностямъ подвержена!

Кто жившихъ прежде насъ не ублажитъ людей!
Довольны были что плодомь своихъ полей,
Роскошествъ сладостью отнюдь не упоялись;
Они всѣ жизнію дольжайшей наслаждались.
Волну не напаяль багряный Тирскій цвѣтъ,
Что къ сладострастію и суетѣ влечетъ.
Различными снѣдьми желудокъ нетягчили,
Ни подсластивъ дары тамъ Бахусовы пили:
Живительный быль сонъ питавшихся травой,
И умѣрявшихъ жиръ внутри рѣчной водой.
Прохладу каждой зрѣлъ въ тѣни высокой сосны,
Ни моря разсѣкаль кто волны бѣдоносны:
Купеческій корабль не плавалъ по волнамъ,
И тайною еще былъ къ новымъ путь брегамъ.

Тогда воинскихъ трубъ не слышно было звуку,
Ни въ злобѣ ярости ной творящей сердцу муку,
Кровь человѣческу мечь бранный источалъ,
И для чегобь войны неистовъ врагъ жаждалъ,
Когда за токъ кровей, за наложены раны,
Совсѣмъ не чаяли быть лавромъ увѣнчаны?
Чудовищемъ тогда развратный каждый слылъ.
Когда бы и сей вѣкъ такимъ же нравомъ былъ!
Но пламень алчности во всѣхъ сердцахъ пылаетъ
Жарчѣе, нежель огнь, кой Этна изрыгаетъ.
Увы! ты первой кто изобрѣтатель былъ.
Блестяща золота что Богъ въ земли сокрылъ,
И камней дорогихъ желавшихъ не являться?
Отъ коихъ гибнущій всякъ мнитъ обогащаться.

Какимъ же образомъ разсуждать мнѣ о чинахъ и могуществѣ, которыя сравниваете съ небомъ, не имѣя понятія ни объ истинной чести, ни власти? Они, ежели всякъ изъ злонамѣренныхъ людей возъимѣетъ право на нихъ, не произведутъ ли толикагожъ опустошенія въ человѣческомъ родѣ, коликое производитъ изрыгаемый изъ Этны пламень, или наводненіе всеобщее? Въ самомъ дѣлѣ ты самъ, думаю, помнишъ, что Консульскую власть, на которой чаяли утвердить вольность народа, предки ваши восхотѣли уничтожить по причинѣ надменности Консуловъ; предки, говорю, за ту же гордость нѣкогда упразднившіе самодержавіе въ отечествѣ своемъ. Но если, что случается очень рѣдко, на степень благо-

родства поставляются добродѣтельные; то взирая на нихъ, ощущаемъ удовольствіе отъ единой токмо ихъ честности. Слѣдуетъ убо подтвердить, что не добродѣтель чрезъ достоинства, но достоинства чрезъ добродѣтель снискиваютъ уваженіе себѣ. Могущество, котораго толико жаждете, и которое цѣните столь высоко, не есть ли токмо призракъ истиннаго? Преклонные къ чувственности животные! Уже ли не разумѣете, что однѣ презрѣннѣйшія вещи могутъ быть вамъ покорены? Узрѣвъ изъ мышей одну, власть и право на первенство себѣ оспоривающую у прочихъ; колико бы ты смѣяться началъ? Но когда въ сложеніе тѣла вникнешъ, ничего не возможетъ найти слабѣе человѣка, который часто умираетъ отъ мышей и отъ пресмыкающихся. До чего еще простираться можетъ власть, надъ кѣмъ бы то ни было, изключая одно тѣло человѣка, и что сего маловажнѣе, разумѣю, блага земныя? Уже ли когда будешъ повелѣвать душею, которая создана быть свободною? Уже ли разумъ, когда онъ на неоспоримыя истины начала опираясь, что либо подтверждаетъ или отрицаетъ, въ противолежащую совратишъ сторону? Когда тиранъ нѣкоего мужа, скованнаго но вла-

дѣвшаго всею силою своей природы, думалъ истязанiями принудить къ тому, чтобъ онъ показалъ ему свѣдущихъ о умышленномъ противъ его заговорѣ; тогда сей надкусивъ себѣ языкъ, отрѣзалъ, и бросилъ его въ лице дышущаго гнѣвомъ тирана. Такимъ образомъ мученiя, помощiю коихъ тиранъ чаялъ узнать о предметѣ любопытства своего, ознаменовали мудраго мужа неустрашимою и великою душею. Къ опроверженiю мнѣнiя, которое власти Князей земныхъ полагаетъ толь великую цѣну, не служитъ ли и сiе, что кто какое насилiе дѣлать другимъ можетъ, тогожде самъ избѣжать не въ состоянiи? Повѣствуетъ намъ Исторiя очень древнихъ временъ, что Бузиридъ, обыкшiй всегда убивать пришельцовъ, наконецъ самъ въ крови своей потопленъ былъ Геркулесомъ, къ нему прибывшимъ. Регулъ во время войны Пунической многихъ плѣнниковъ заключилъ въ темницу: но скоро и самъ простеръ руки побѣдителямъ своимъ, для возложенiя оковъ на себя. И такъ можно ли признать сильнымъ человѣка, которой, какимъ злодѣйства жаломъ уязвляетъ другихъ, здѣлать не можетъ, дабы тѣмъ же самъ не былъ уязвленъ? Кромѣ сего, если бы въ чинахъ и власти за-

ключалося существенное и собственное людей благо; никогда бы не могли имѣть ихъ порочные. Ибо противныхъ свойствъ вещи не бываютъ совмѣстны. Природа не терпитъ соединенія спорющихъ существъ. А когда нѣтъ сомнѣнія, что по большой части такіе бываютъ возводимы на высоту честей, которые правиломъ дѣйствій поставляютъ развращенную волю; то за отрицаніе разума почтется непризнаніе сей истины, что бывающее удѣломъ разврата, не содержитъ въ себѣ ничего собственнаго, ничего добраго. Таковыя понятія достойно могутъ быть производимы о каждомъ дарѣ щастія, котораго щедроты въ большемъ количествѣ ліются на сердца разврату служащія. Никто не сомнѣвается о мужествѣ того, въ комъ оно видно; и кто одаренъ способностію легко и въ краткое время преносить тѣло свое на отдаленнѣйшія мѣста: всѣ увѣрены въ быстротѣ его шествія. Тако, по сознанію всѣхъ, Музыка музыкантами, Медицина врачами, Риторика Ораторами дѣлаетъ людей. Ибо порода всякой вещи дѣйствуетъ на сродное ей; не вмѣшивается въ произведеніе дѣлъ, свойственныхъ вещамъ ей противнымъ, и несходное съ нею добровольно отклоняетъ отъ себя.

Какимъ образомъ богатство несильно утолить алчбы ненасытнаго корыстолюбія; такъ и власть не содѣлаетъ того повелителемъ самому себѣ, которымъ чувственность овладѣла, наложивъ мрачные оковы на его разумъ. Чести отнюдъ не дѣлаютъ порочныхъ достойными того отличія, которое рука владыки, неправосудіемъ движимая, пишетъ имъ; но паче опредѣляютъ безславіе тщетно мечтающимъ о себѣ, показуя дѣлъ несоотвѣтственность титламъ, украшающимъ ихъ. Отъ чего произходитъ сіе? Отъ того, что удовольствіемъ считаете вещамъ, коихъ сущность противорѣчитъ вашимъ мыслямъ о нихъ, давать несвойственныя названія, о чемъ гласятъ самыя дѣйствія вещей. Посему ни богатство, ни могущество, ниже знаменитость не могутъ по праву имѣть сихъ названій. Напослѣдокъ подтвердительно можно сказать сіе о всякомъ земномъ щастіи, которое ничего въ себѣ не содержитъ привлекательнаго; и какъ оно не всегда добрыхъ ущедряетъ, такъ и добрыми не творитъ пользующихся его сокровищами.

Извѣстно, золъ какихъ виновникомъ тотъ былъ;
Который градъ сожегъ, Сенаторовъ казнилъ;
И брата своего путь сократилъ ко гробу;
Убилъ и мать свою, чтобъ вскрыть ея утробу.

На хладну плоть воззрѣлъ лежащую у ногъ
Не съ тѣмъ, чтобъ ей воздать послѣдній сына долгъ;
Но красоты хотѣлъ померкшей быть цѣнитель,
Правъ человѣчества предерзскій нарушитель.
Однакъ какою онъ страной не обладалъ?
Съ востока, запада, подданства дань збиралъ,
И сѣвера предъ нимъ колѣна преклонялись,
Народы южные ежужъ повиновались.
При сихъ достоинствахъ, при власти таковой,
Бичь человѣчества, Неронъ всѣхъ паче злой,
Возмогъ ли бѣшенства хотя на часъ избѣгнуть?
Ахъ сколько зла судьба! коль врагъ спѣшитъ прибѣгнуть
Ко наглому мечу, для прекращенья дней,
Не могши прекратить отравы злой струей.

Тогда, знаешъ, говорю, сама, что властолюбіе надъ моимъ сердцемъ весьма мало господствовало; оно потолику занимало меня, поколику подаетъ обильную матерію для дѣятельности, дабы добродѣтель молча не состарѣлась. На что отвѣтствовала мнѣ: Сей только одинъ и есть источникъ, изъ коего почерпаютъ себѣ побужденія люди съ благородными чувствіями, но еще не совершенно понимающіе цѣну добродѣтели; я разумѣю любоначаліе и слухъ, носящійся о великихъ услугахъ обществу. Но дабы удостовѣриться, что жилищемъ славы не можетъ быть земля, на которой заблужденіе и непризнательность всемѣстны, такимъ образомъ размысли въ умѣ своемъ: Астрологія

доказываетъ, что земная окружность, въ отношенiи къ небесной, составляетъ величину одной точки; т. е. когда бы шаръ земный сличенъ былъ съ безмѣрностiю небесъ, показался бы онъ не заключающимъ въ себѣ никакого пространства. Но сей, толико тѣсными предѣлами ограничивающейся части свѣта, почти четвертая доля, что самъ ты знаешъ изъ доказательствъ Птоломея, населена животными, намъ извѣстными. Отъ четверти сея ежели умственно отнимемъ окружность морей и озеръ, тяготѣющихъ къ землѣ; и ту ужасную пустоту, которая раздѣляетъ одни селенiя отъ другихъ: едва останется самая малая площадь для жительства людямъ. Въ сей убо безконечно малой точкѣ заключеннымъ прилично ли мыслить о распространенiи слуха о себѣ? Что величественнаго имѣетъ слава, толико стѣсненная въ предѣлахъ? Сверхъ того, въ оградѣ сей не большой хижины многие помѣщены народы, языкомъ, нравами и поведенiемъ жизни весьма отличные другъ отъ друга; до коихъ свѣдѣнiя, иногда по причинѣ неудобства пути, иногда несходства языка, и наконецъ отъ недостатка въ сообщенiи, не можетъ доходить слухъ не токмо о частныхъ людяхъ, но и о цѣлыхъ Государствахъ. При жизни уже

Марка Туллїя, что самъ онъ въ нѣкоторомъ мѣстѣ означаетъ, сколь ни громокъ былъ гласъ славы Римскаго общества, но не досязалъ еще до людей, жившихъ за Кавказомъ: хотя оно въ то время находилося въ самомъ цвѣтущемъ состоянїи, и страшно было для Парѳянъ, и для прочихъ жителей окрестности. И такъ видишъ ли, сколь маловажна, сколь ограниченна та слава, для распространенїя и разширенїя которой столько труда подъемлете? До которыхъ странъ слухъ вообще о Римской Республикѣ не доходитъ: возвѣститъ ли тѣмъ слава о Римскомъ гражданинѣ? Прохожу молчанїемъ, что разныхъ людей нравы и узаконенїя толико несходны между собою; что у однихъ заслуживающїе похвалу, считаютъ другїе достойнымъ казни. Слѣдственно ежели кому прїятно извѣщенїе славы: тому отнюдь неполезно разглашать о себѣ народамъ внѣшнимъ. Каждому убо надлежитъ довольствоваться хвалою однихъ соотчичей; и за предѣлы людей, наложившихъ на себя узы одинакихъ законовъ, преславутое оное славы безсмертїе отнюдь не выступитъ. Притомъ сколь именитѣйшихъ во время свое мужей память потребилъ недостатокъ въ писателяхъ! Но можно ли ожидать успѣха и отъ

бытописаній, когда ихъ также, какъ сочинителей, поглощаетъ древность ѣдкая и мрачная? Надежду вашу обезсмертить себя, питаетъ сія мысль, что права и преимущества ваши будутъ предметомъ разговора племенъ грядущихъ. Ежели вообразишъ себѣ безконечную цѣпь вѣчности: то ничего такого не узришъ, чемъ бы веселить тебя могло имя воспоминаемое потомками. Продолженіе одной минуты и десяти тысячь лѣтъ, хотя очень малое, но имѣютъ отношеніе одно къ другому; ибо того и другаго число ограничено. Но сіе самое число, сколькобъ ни было еще увеличено, вовсе не можетъ имѣть сношенія съ продолженіемъ безконечнаго бытія. Поелику все, допущающее предѣлы можетъ сличаться; но не льзя быть сличенію въ безпредѣльномъ и ограниченномъ. А посему многовѣчный звукъ славы, если съ неизчерпаемою вмѣстѣ вѣчностію будетъ принятъ въ соображеніе; не токмо малостію, но почти ничтожностію явится. Не смотря на сіе, кромѣ народныхъ отзывовъ и тщетнаго о васъ разглашенія вы не знаете чистѣйшихъ побужденій къ честности, и пренебрегши одобренія совѣсти и добродѣтели, требуете наградъ, состоящихъ изъ разговоровъ о васъ. По-

слушай, сколь забавно осмѣялъ нѣкто развлекаемаго исканіемъ славы незаконнымъ. Онъ для искушенія жестоко злословивши одного человѣка, присвоявшаго себѣ имя Философа, не потому, чтобъ онъ жизнію соотвѣтствовалъ Философу, но что кичится симъ пышнымъ наименованіемъ предъ всѣми, кои не знаютъ его; наконецъ сказалъ, что онъ узнаетъ, точно ли онъ Философъ, по одному незлобивому его духу и терпѣнію обидъ нанесенныхъ ему. Сей съ начала тщился ознаменовать себя великою душею; но по выслушаніи всѣхъ ругательствь, съ разъяреннымъ видомъ приступилъ къ искусителю, говоря: уже ли признаешь меня истиннымъ Философомъ? На что искуситель отвѣтствовалъ чрезмѣрно колкими словами: призналъ бы я, когдабы языкъ твой не измѣнилъ характеру онаго. Но сомнительно кажется, (ибо у меня нынѣ рѣчь уже о избирающихъ едину добродѣтель средствомъ къ полученію славы:) сомнительно, говорю, чтобъ и сихъ мужей память съ похвалами была по смерти существенною ихъ принадлежностію. Ежели, чему вѣрить возбраняетъ понятіе о величествѣ природы человѣческой, человѣкъ весь съ тѣломъ умираетъ, то и слава его кончается съ жизнію; ибо перестаетъ существовать

тотъ, къ кому она принадлежать должна. Когда съ умаленіемъ теплоты жизненной въ тѣлѣ, извлекаетъ душа изъ онаго, подобно вечернему лучу свѣта, оживляющую силу свою, и избывши темницы мрачной неудержно спѣшитъ къ началу своему: то не гнушается ли она всяческимъ къ свѣту привязывающимъ ея долгомъ, такъ какъ уже вкушающая превыспреннія сладости? И не ликуетъ ли, освобождаясь отъ земныхъ съ отравою смѣшанныхъ?

Единой славою свой разумъ занимая,
Кто мыслитъ, что въ томъ цѣль верховная прямая:
Тотъ пусть взоръ въ небеса пространны устремитъ,
И малость съ оными земли да соравнитъ.
Въ великой ясности онъ самъ себя откроетъ,
И студъ чувствительный лице его покроетъ;
Что части не займетъ самомалѣйшей тамъ,
Хотябъ здѣсь не было о немъ числа хваламъ.
О гордые! почто вамъ тщетно суетиться,
Отъ ига смертности дабы освободиться?
Хоть слава въ дальнѣйшихъ округахъ воспаритъ,
И стами языковъ о васъ всѣмъ возвѣститъ;
Хоть титлами вашъ домъ высокими гордится:
Но смертной сѣнію на вѣкъ сей блескъ затмится.
Какъ низкаго сія, такъ знатнаго тѣснитъ,
И славой дышущихъ ни мало не щадитъ.
Фабрицій вѣрный гдѣ? гдѣ Брутъ? уже ихъ нѣтъ;
Катоновыхъ добротъ померкъ на вѣки свѣтъ.
Днесь эхо лишь объ нихъ намъ слабое вѣщаетъ,
И книга имена безгласна соблюдаетъ.
Такъ если титла ихъ дано лишъ только знать,
Возможноль знать самихъ? гдѣ нынѣ отыскать?
Какъ только роковой покроетеся тьмою;
То слава тщетно ужъ начнетъ гремѣть трубою.

Коль охомъ имени желая долѣ жити,
Вы мыслите свое здѣсь бытïе продлить,
То въ поздный онаго день надобножъ лишиться:
Отъ смерти вамъ второй не льзя освободиться.

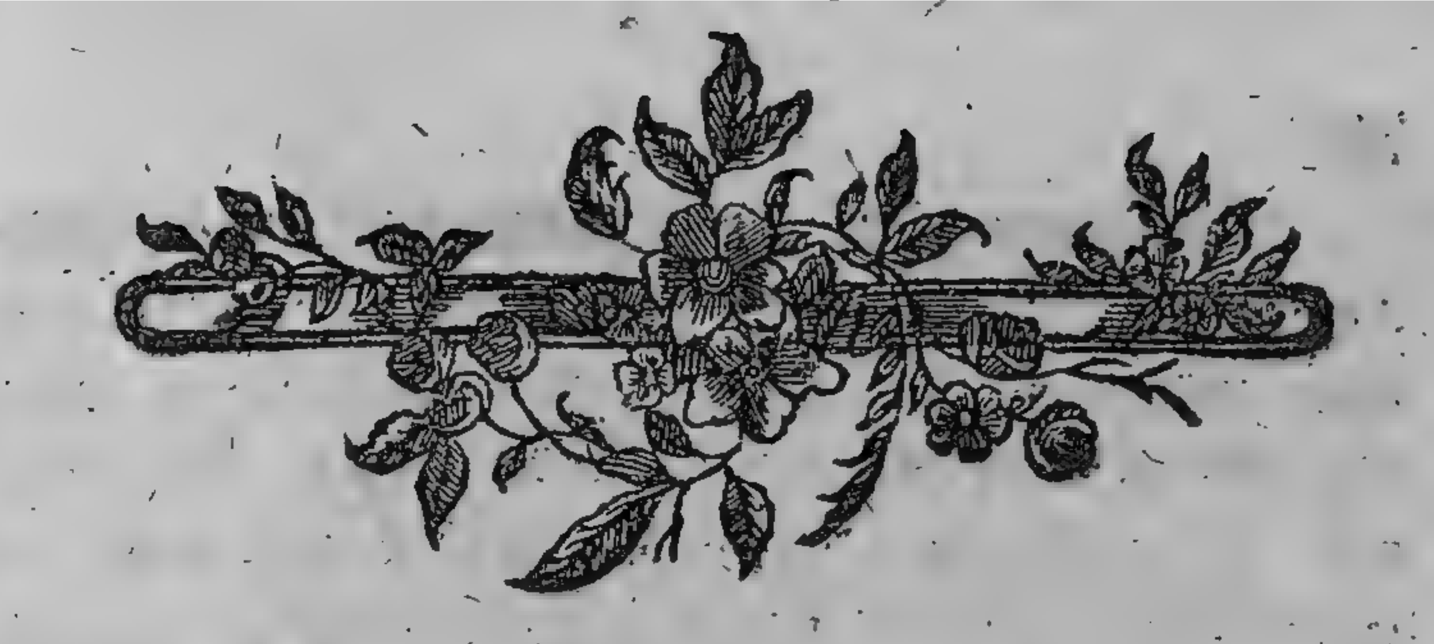
Но дабы не думалъ ты, что у меня вѣчная вражда со щастïемъ; не отрицаю выгодъ, коими люди иногда бываютъ обязаны ему, при всей его обманчивости: т. е. тогда, когда оно откровенно, когда извѣстенъ всѣмъ образъ его и нравы. Можетъ быть неудобопонятнымъ кажется тебѣ говоримое мною. Чудесное хочу сказать тебѣ; и потому выраженiя едва ли будутъ соотвѣтствовать мыслямъ. По моему мнѣнïю, больще пользуетъ людей злополучïе, нежели благополучïе. Потому что сïе есть токмо призракъ прямаго щастïя; оное же показываетъ себя въ существенномъ видѣ, различными перемѣнами извѣщая о коловратности своей. Сего прïятности суть уловляющïя сѣти и Сирены; онаго горести укрѣпляютъ въ прехожденïи поприща жизни. Сïе приманчивыми своими лучами ослѣпляетъ очи разума; оное научаетъ судить о щастïи земномъ не иначе, какъ о изчезающемъ. Почему сïе представится тебѣ вѣтреннымъ, потоки изобилïя лïющимъ на одинъ часъ, и глубоко погруженнымъ во мракѣ, облежащемъ его; оное трезвеннымъ и

и готовымъ къ пренесенію всего, даже подъ бременемъ величайшихъ золъ и неустройствъ покорствующихъ внушенію здраваго смысла. Напослѣдокъ обворожительная поверхность благъ земныхъ налагаетъ покрывало на душевное зрѣніе, отъ чего человѣкъ, не видя ни малѣйшей свѣтлости, совершенно слѣпотствуетъ, въ разсужденіи лѣпоты истиннаго добра: но болѣзненные для него опыты по большой части противъ воли открываютъ ему глаза. Не считаешъ ли маловажностію сіе, что чрезъ ожесточеніе щастія на тебя, и ужасающія обстоятельства, испыталъ ты вѣрность друзей своихъ; искренній и не принужденный видъ сотрудниковъ отличилъ отъ обоюднаго и притворнаго; и что оно оставляя тебя, похитило своихъ, а не твоихъ друзей? Сколь дорого заплатилъ бы ты за все сіе, не бывъ еще подверженъ бѣдствіямъ, и находясь въ благополучіи, обожаемомъ тобою. Отнынѣ престани сѣтовать, и не мысли о собираніи расхищенныхъ сокровищъ. Ибо обрѣлъ ты друзей себѣ, съ которыми никакое сокровище сравниться не можетъ

Міровъ безчисленныхъ машина,
Вселенной чуднѣйшій составъ,
Въ какомъ союзѣ стройность чина
Блюдетъ, природы чтя уставъ!

Тѣла различныя во свойствахъ
Суть чужды всякаго растройства,
И мирно движутся они:
Съ небесна трона Фебъ взирая,
И взоромъ тварь всю оживляя,
Раждаетъ злачнѣйшие дни.
Когдаже вечеръ появится,
По всей землѣ разсѣявъ мракъ:
Луна въ то время воцарится,
И Фебовъ изчезаетъ зракъ.
Морскія волны свирѣпѣютъ,
Вѣтровъ дхновеньемъ возродясь:
Но брань съ собою лишъ имѣютъ,
Морей однихъ внутри ярясь.
Врата межъ сими и землями
Творецъ природы соруднлъ,
Когда святѣйшими правами
Сии стихии раздѣлилъ:
Дабы ни воды дерзски, смѣлы,
Ниже земля свои предѣлы
Не смѣя вѣчно преступать,
И бывши купно раздѣленны
И вопреки соединенны,
Имѣли въ чинѣ пребывать.
Вотъ какъ любовь въ союзѣ ставитъ
Земли и моря широту!
Вотъ какъ она премудро правитъ
Небесъ пространну высоту!
Когдабъ естественны уставы
Согласны съ нею не были:
Тобъ міра частныя составы
Войну съ собою повели:
Что нынь взаимно подкрѣпляясь,
И въ дѣйствіяхъ соображаясь,
Шаръ свѣта въ цѣлости хранятъ.
Тогда какой бы быть премѣнѣ?

При толь общественной измѣнѣ
Міръ въ прежній Хаосъ превращать.
Она къ народамъ преклоненна,
Растишь плодъ мира вожделѣнна,
Спрягая ихъ въ святой союзъ;
Нескверно ложе содѣваетъ,
Гдѣ мужъ съ женою почиваетъ:
Блюдя сама сихъ нѣжность узъ.
Она слѣды гдѣ оставляетъ,
Тамъ вѣренъ дружества залогъ;
Свои права гдѣ сообщаетъ,
Пріятныхъ чувствій тамъ возторгъ.
Какогобъ щастья не достигла
Ты умная, словесна тварь!
Когда бы не враждѣ воздвигла,
А въ честь сея любви олтарь:
Что правитъ высотой небесной.
Какой порядокъ тамъ чудесной !!!



СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЕЙ КНИГИ.

Уже съ сильнѣйшихъ доказательствъ Философія дѣйствуетъ на сердце Боеція. Она говоритъ, что всѣ смертные желаютъ быть блаженными, но въ достиженіи сего крайне заблуждаютъ. Одни благополучіе полагаютъ въ умноженіи богатства; другіе въ чинахъ, въ полученіи довѣренности и дружбы Царской; сіи въ славѣ звучныхъ дѣлъ, въ благородствѣ; тѣ въ плотскихъ услажденіяхъ. Въ опроверженіе сего она предлагаетъ ему, что реченные дары щастія не суть истинное добро человѣка, паче же вліяніямъ многихъ золъ подвержены; его обитель въ Богѣ, который есть совершенно благъ и единъ; и коего мудрая дѣятельность есть источникъ всѣхъ явленій въ мірѣ.

Пріятность стиховъ еще привлекала мою внимательность, и сладкое нѣкое очарованіе вливала въ ушеса мои; но пѣснь ея уже оканчивалась. Не много помедливъ, я возопилъ къ ней: о неподражаемая утѣшительница душъ унывающихъ! Колико ты меня оживотворила теперь высокостію мыслей твоихъ и сладостію пѣнія! Съ сего времени надѣюсь устоять подъ ударами щастія И такъ чаша, къ уврачеванію недуга моего служащая, коея горесть ты предвозвѣстила, не токмо не ужасаетъ меня; но жаждая послушать о раствореніяхъ ея, отъ всего сердца прошу тебя открыть мнѣ оныя.— Чувствовала я, какимъ образомъ къ словесамъ моимъ, молча, и какъ бы похищая ихъ, ты приклонялъ внимательное ухо; сего расположенія души я и ожидала; или, что ближе къ истиннѣ, оно то было цѣлію моихъ усилій. Остается еще дать тебѣ такія лѣкарства, кои при пріемѣ кажутся противными; но послѣ чувствительно услаждаютъ вкусъ. Изъявилъ ты желаніе послушать меня; О! коликимъ бы огнемъ онаго пламенѣлъ, ежели бы зналъ цѣль, къ коей стараюсь привести тебя! Къ какой вопрошаю ее? Къ истинному, вѣщала, благополучію, на котораго образъ уже сквозь тонкую завѣсу мра-

ка смотритъ твой разумъ; но занявшись разсматриванiемъ вещей, имѣющихъ одно изображенiе блаженства, все еще не можетъ узрѣть его сущности. Прошу, сказалъ я, скорѣе довершить свое предпрiятiе; и на здравыхъ истинны началахъ утверждаясь, показать, въ чемъ оно состоитъ.--Съ охотою моею, рекла она. Но что паче всего побуждаетъ тебя несчастнымъ признавать себя, о томъ мысли мои попшуся сообщить предварительно; дабы возъимѣвъ ясное и раздѣльное о томъ понятiе, не почелъ за существенное и сродное тебѣ блаженство призракъ онаго, когда обратишъ вниманiе въ противную сторону.

Хотящiй угобзить свои не всуе нивы,
Срываетъ прежде съ нихъ излишнее растѣнье,
Косою плевелы и тернiе сѣкаетъ;
Чтобъ рогъ обилiя полнѣе наливался.
Прiятность большую раждаетъ пчельный трудъ,
Тогда, какъ раздраженъ вкусъ горькимъ чемъ бываетъ;
Всѣ звѣзды и самъ Фебъ взоръ паче веселятъ,
Какъ вѣтръ уже умолкъ, и мракъ съ дождемъ изчезъ:
И ты, тли узникъ! сбрось теперь съ себя оковы,
Чтобъ свѣтомъ блага умъ твой вящше озарился.

За симъ поклонивши лице наземлю, и, такъ сказать, напрягшись въ силахъ разумѣнiя, начала слѣдующее: всѣхъ

человѣческихъ попеченій, при всемъ различіи путей, одинъ есть конецъ; а именно блаженство. Оно есть такое благо, по полученіи коего не льзя больше ничего желать. Посему надлежитъ ему превышать всѣ другія блага, и всѣ оныя вмѣщать въ себѣ. Ибо будучи недостаточно въ чемъ нибудь, не могло бы превосходить всѣ прочія; когда внѣ его всегда бы оставалось нѣчто, сильное возбудить къ себѣ наклонность человѣка. Слѣдовательно блаженство есть такое состояніе, въ которомъ находится стеченіе всякихъ благъ. Для достиженія сей единственной цѣли, какъ сказала я, разными путями текутъ всѣ смертные; ибо душамъ человѣческимъ естественно желать блага истиннаго. Но слѣдуя ослѣпленному разуму, гоняются токмо за мечтою и призраками. Одни въ изобиліи сокровищь земныхъ надѣясь крайнее обрѣсти благо, ни о чемъ не мыслятъ какъ о способахъ обогащенія; а другіе отличительными знаками почестей силятся вперить въ согражданъ своихъ уваженіе къ себѣ; котораго, по разсужденію ихъ, нѣтъ ничего достойнѣе. Иные верховное благо въ верховной власти надъ другими поставляютъ; сіи или желаютъ сами царствовать, или стараются безотлучно быть при

Государяхъ. А которыхъ знаменитость плѣняетъ: тѣ спѣшатъ прославиться искусствомъ или побѣждать, или пользовать отечество плодами мира. Многіе считаютъ себя щастливцами, предаясь всякимъ веселостямъ; сіи благополучнѣйшимъ изъ всѣхъ жребіемъ почитаютъ житіе безпечное и сладострастное. Находятся еще, которые какое нибудь одно изъ сихъ мнимыхъ благъ избираютъ средствомъ къ полученію другаго. На примѣръ, одни желаютъ богатства, чтобъ быть сильными, и погружаться въ забавахъ; другіе напротивъ того могущество избираютъ орудіемъ обогащенія себя, или разширенія о себѣ славы. Вотъ что есть предметомъ дѣйствій и желаній человѣческихъ! Сюдажъ включаются знаменитость произхожденія, любовь народная, супруга, дѣти. Одно только дружество, какъ святѣйшій союзъ сердецъ, не изъ даровъ щастія, но принадлежитъ къ лику добродѣтелей. Прочее же бываетъ цѣлію человѣческихъ трудовъ или любоначалія ради, или веселостей. Но доводъ не далекъ, почему и тѣлесныя совершенства долженствуютъ отнесены быть къ вышереченнымъ ложнымъ благамъ. Крѣпость силъ и величина тѣла кажется способствуютъ токмо къ содѣланію человѣка мощнымъ;

красота и скорость въ движенїи изключаетъ изъ числа людей, не имѣющихъ правильнаго разположенїя чертъ лица, и въ смѣшенїи стихїй соразмѣрности; здравїе служитъ къ наслажденїю безопасностїю отъ болѣзней. Всѣхъ сихъ исканїе есть не сумнительный признакъ желанїя блаженствовать. Ибо кто что старается получить, предпочитая прочему; то за верховное благо признаетъ. Но мы опредѣленїе здѣлали, что верховное благо есть само блаженство. Слѣдовательно всякому блаженнымъ кажется то состоянїе, которое для себя избираетъ онъ, пренебрегши другїя. И такъ почти предъ глаза представлена тебѣ картина щастїя человѣческаго; гдѣ изображены богатство, почести, могущество, слава, услажденїя тѣлесныя. Епикуръ порознь разсмотрѣвши каждую изъ сихъ частей, рѣшительно заключилъ, что верховное благо находится въ плотскихъ прїятностяхъ. Поелику всѣхъ прочихъ благъ конецъ, казалось ему, есть произведенїе того же чувствїя въ душѣ. Но обращу слово мое къ желанїямъ людей; которыхъ душа хотя засыпаетъ гибельнымъ сномъ безпамятства, однако всегда стремится къ верховному добру; очарованная же обольщенїемъ чувствъ единожды вышедъ изъ того

мѣста, въ коемъ могла узрѣть оное, уже не знаетъ возвратиться туда. Ибо можно ли, кажется, думать, что бы погрѣшали тѣ, которые хотѣнія свои останавливаютъ на избыткѣ всего. Что есть блаженство, какъ не состояніе, изобилующее всякимъ добромъ, въ постороннемъ ничемъ нужды неимѣющее и само-довольное? Уже ли ошибочны мысли людей, самое лучшее признающихъ достойнымъ уваженія? Никакъ. Потому что не есть то маловажно, и не должно быть презираемо; чемъ обладать почти всѣ смертные желаютъ. Могущество такъ же не благо ли? Уже ли то существо слабо и безсильно, которое добротою паче всѣхъ прочихъ? Знаменитость ли кто за ничто вмѣнитъ? Но превосходство и отличіе суть не раздѣлимы. Когда убо самую малую часть блаженства составляющія блага привлекаютъ къ себѣ, и плода оныхъ сладость есть чувствительна: то не излишно ли будетъ вторично упомянуть здѣсь, что блаженство есть такое состояніе, въ которомъ никакое зло не пресѣкаетъ утѣхъ человѣка. Оно то есть цѣлію всѣхъ усилій человѣческихъ; достоинствъ, самодержавія, славы желаютъ, и не отрицаются отъ понесенія срамнаго ига страстей, единственно

въ надеждѣ чрезъ то наслаждаться самодовольствіемъ, быть въ уваженіи, получить кормило правленія, на чредѣ отличившихся величіемъ дѣяній поставить себя, и предохранить духъ свой отъ всего, препинающаго пріятность жизни. Итакъ должно благомъ почесть то, для полученія чего люди, не одни имѣя желанія, толико покушеній дѣлаютъ. Привлекательности же его сила очевидна, когда при разности мыслей, въ чемъ оно состоитъ, до одного согласны въ избираніи его концемъ всѣхъ предпріятій своихъ.

Я матерь нѣжную всему творенiй роду,
И всѣмъ вещамъ вождя спасительна, природу,
На лирѣ нынѣ моей желаю воспѣвать,
Чтобъ дѣйствія ея хоть вкратцѣ описать;
Которыми она міровъ кругъ сохраняетъ,
И вѣчнымъ суще въ нихъ союзомъ сопрягаетъ.
Искусствомъ человѣкъ доходитъ до того,
Чтобъ звѣрь покорствовалъ желаніямъ его,
И Африканскія надменны выя львовы
Не рѣдко на себѣ влачатъ его оковы;
Онъ пищу имъ рукой, какъ агнцамъ, подаетъ,
Трепещутъ всѣ его, лишь взглядъ суровъ взведетъ;
Страшась бича его, жестокой нравъ, нравъ звѣрской,
Смягчаетъ, кажется, предъ нимъ и самой дерзской;
Но лишь кровавый токъ тотъ образъ ороситъ,
Что ужасы въ сердцахъ не тренетныхъ родитъ;
То видъ покорный вдругъ на ярость премѣняютъ,
И съ страшнымъ ревомъ цѣпь мгновенно сокрушаютъ.
Тотъ первой жертвою бываетъ гнѣва ихъ,

Кто не страшася, клалъ на нихъ яремъ вериги.
Пернатаго пѣвца, во клѣтку заключенна,
Снѣдь какъ бы ни была со вкусомъ соглашенна:
Но на пріятныя воззрѣвъ онъ тѣни рощи,
Гдѣ радостно встрѣчалъ приходъ и дня и нощи;
Предложенное все онъ поперетъ ногой,
Весьма болѣзнуя о вольности драгой;
Чертоги пышные темницею считаетъ,
Нигдѣ, кромѣ лѣсовъ, быть столько не желаетъ;
Накривленна лоза искривившись растетъ;
Избывъ насильствія, природный видъ беретъ.
Хотя лучи свои отъ насъ Фебъ сокрываетъ,
Какъ быстрый конь его на западъ прибѣгаетъ;
Но послѣ странствія сокрытою стезей,
Чтобъ даровать покой въ странѣ живущимъ сей,
Опять къ намъ на златой въѣжжаетъ колесницѣ,
Предвозвѣщающей его восходъ зарницѣ.
На небѣ и землѣ всѣхъ зримыхъ перемѣнъ
Возвратъ сей видимъ есть отъ первѣйшихъ временъ:
Что скроется отъ глазъ, то предстаетъ имъ паки,
И склонности къ сему во всемъ примѣтны знаки.
Природы сей законъ тамъ только соблюденъ,
Гдѣ есть всего конецъ началомъ награжденъ.

Земныя животныя! хотя въ мрачномъ понятіи, и какъ бы во снѣ; однако видите образъ своего начала, и истинный конецъ блаженства умомъ постигаете. Почему естественная наклонность ведетъ человѣка прямо къ добру; но совращаютъ его съ сей спасительной стези различныя лжемудрованія. Разсуди самъ, могутъ ли люди достичь цѣли намѣреній помощію того,

въ чемъ они поставляютъ свое благополучїе. Еслибъ избытокъ, чины и прочїя земныя блага доставляли человѣку такую вещь, которая есть вмѣстилищемъ всякаго совершенства и добра: то и я бы созналась, что они истинно блаженны. А какъ блага сїи всегда измѣняютъ надеждѣ своихъ любителей, и многаго не имѣютъ въ себѣ; то не очевидна ли личина истиннаго добра, кою они на себя прїемлютъ, для сокрытїя тлѣнности отъ глазъ человѣческихъ? Всего лучше вопрошу самаго тебя, какъ не давно пресыщавшагося богатствомъ: Покоясь въ нѣдрахъ обилїя, уже ли ты никогда не чувствовалъ самомалѣйшихъ огорченїй? Не могу, отвѣтствую ей, воспомянуть такой минуты времени, въ которую духъ мой былъ бы совершенно свободенъ отъ заботъ или скуки. Не потому ли, что льстящее желанїямъ не было во власти твоей? и что надлежало тебѣ противъ воли имѣть то, къ чему ощущалъ внутреннее омерзѣнїе? Подлинно такъ, отвѣчаю ей. Слѣдственно ты желалъ перваго, а послѣдняго отвращался?--Сознаюсь. Кто, продолжала, мучится желанїемъ какой бы то ни было вещи; у того нѣтъ ее?--Безъ сомнѣнїя.--Но искушаемый желанїями ощущаетъ ли въ сердцѣ сво-

емъ совершенный покой и довольство. Никакъ нѣтъ.--И такъ множество имѣнія не содѣлало и тебя самодовольнымъ?- Признаюсь. -- Слѣдственно богатство дополнить всѣхъ недостатковъ человѣческихъ, и успокоить желаній отнюдь не можетъ, хотя оно тебѣ и обѣщало сіе. Но весьма нужно въ размышленіе принять и то, что сокровища не суть такая вещь по естеству своему, которая не могла бы похищена быть у имущихъ ее. Такъ точно, говорю ей. Могъ ли бы ты отрицать сіе, когда оныя ежедневно дѣлаются добычею насильства? Ибо отъ чего слышимы бываютъ по стогнамъ града жалобные вопли, если не отъ того; что хищеніе, пользуясь всѣми непозволительными средствами, простираетъ руку на имущество безсилія?-- Все истинна.--- Симъ доказывается неминуемая нужда избирать нѣчто постороннѣе средствомъ къ сбереженію сокровищь своихъ. Кто, отвѣтствую, станетъ оспоривать сіе?--Но былъ бы человѣкъ совершенно самодоволенъ: когда бы стяжалъ блага не крадомыя и не отъемлемыя.--Безъ сомнѣнія.--И такъ событія совсѣмъ противны намѣреніямъ людей. Ибо чего обладаніе, по мнѣнію ихъ, доставляетъ самодовольство; то дѣлается причиною нужды во внѣш-

немъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы могло богатство отвратить всѣ недостатки отъ человѣка? Ибо богачамъ льзя ли не имѣть алчбы и жажды? Уже ли они неприступны холоду? Но скажешъ: имѣютъ они способъ утолить гладъ и жажду, и защититься отъ мраза. Слѣдовательно богатство можетъ токмо утѣшить скудость, а не освободить ее отъ нуждъ. Если убо алчный зѣвъ ея всегда отверстый, и чего то непрестанно требующій, не затворяется богатствомъ: то и навсегда пребудетъ въ семъ положеніи. Я уже не упоминаю, что природа довольствуется весьма малымъ; а корыстолюбіе ни въ чемъ не успокоевается. Когда богатствомъ не льзя не только отъ другихъ отдалить убожество, но и самому здѣлаться самодовольну: то для чего присвоивать ему возможность ощастливливать людей?

Пусть злато богачу лилось всегдабъ рѣкою,
И не усталою онъ черпалъ бы рукою;
Пусть выя бы его была вся въ жемчугахъ,
Которые ростутъ водъ чермныхъ на брегахъ;
Пускай бы сто воловъ воздѣлывали поле,
И лучшаго плода не льзя желати болѣ:
Но скуки и тогда не можно избѣжать;
Не можно мертвому съ собой богатства взять.

Но чины дѣлаютъ человѣка почтеннымъ и достойнымъ всякаго ува-

женія, озаряя его выгоды лучами своими. Уже ли подлинно народоправители имѣюшъ даръ добрымъ дѣлашь человѣка, и возбраняшь порокамъ гнѣздишься въ его сердцѣ? Обыкновенное ихъ дѣло давашь злодѣйсшву преимущесшво предъ добродѣшелїю, а не искоренящь его. Не мы ли часшо негодуемъ и ропщемъ, чшо чины по большой часши бываюшъ удѣломъ порочныхъ людей? Кашуллъ Нонія не называешъ ли желѣзою, хошя сей на Едильскомъ сидишъ сшулѣ? Слѣдовашельно досшоинсшва не уменьшаюшъ, а еще увеличиваюшъ безобразїе порока. Меньше говоряшъ о несовершенсшвахъ шого, кшо не освѣщенъ лучами славы. Какія грозящїя опасносши могли бы засшавишь шебя, вмѣсшѣ съ Декорашомъ годъ правишь Республикою въ шо время: какъ въ немъ уже усмошрѣлъ шы душу ненависшнаго клевешника и непошребнаго шуша? Не льзя по однимъ знакамъ благородсшва признавашь досшопочшеннымъ шого, кшо не заслуживаешъ оныхъ. При видѣ благоразумїемъ украшеннаго мужа, не воспрянуло ли бы въ душѣ швоей чувсшвїе уваженія къ нему? Сїе слѣдсшвїе неминуемо. Ибо добродѣшель имѣешъ োшличное, и шокмо одной ей свойсшвенное досшоинсшво; кошорое она неудержно сообщаешъ сво-

имъ любителямъ. Когда не льзя ожидать сего отъ воздаемыхъ народомъ почестей: то не заключаютъ онѣ въ себѣ ничего привлекательнаго. — Всего нужнѣе замѣтить слѣдующее: если человѣкъ тѣмъ подлѣйшій почитается, чемъ у множайшихъ людей въ презрѣніи; то достоинство, не сильно будучи уважить того, кого учинило извѣстнымъ свѣту, еще презрительнѣйшими творитъ развращенныхъ. Достойно и праведно сіе. Нечестивцы сами не соотвѣтствуютъ чинамъ, потемняя ихъ сіяніе тучею своихъ пороковъ. Но дабы удостовѣрить тебя, что прямое уваженіе не можетъ быть плодомъ отличительныхъ знаковъ; разсудимъ такимъ образомъ: Ежели многократно бывшій Консуломъ, по случаю пріидетъ въ страны Варварами обитаемыя; то отличія его вперятъ ли тамъ почтеніе къ нему? Когда бы почести были существенною наградою тому, кто украшенъ знаками оныхъ: то всякой народъ воздавалъ бы ему оныя. На примѣръ огонь всегда и вездѣ оказываетъ свою силу. Чины отъ произволенія людей, неосновательно различающихъ одну вещь отъ другой, зависятъ: и потому лишаются свѣта своего, явившись туда, где люди не однихъ законовъ и воспитанія узы но-

ся на себѣ, громкія титлы не признаютъ за истинныя достоинства человѣка. Но сіе касается до иноплеменныхъ народовъ. Не премѣнчиво ли уваженіе къ чинамъ и у самыхъ соотчичей? Преторство, нѣкогда бывшее сильнымъ, теперь есть пустое токмо названіе; и вмѣсто того, чтобъ служить подпорою Сенату, оно еще затрудняетъ и бременитъ его. Въ древнія времена за велико почитался содержатель съѣстныхъ годовыхъ припасовъ. Нынѣ же сыщется ли состояніе подлѣе сея должности? И такъ разсужденія сіи разрѣшаются на выше сказанное; то есть, что лишенные природныхъ красотъ, примѣняясь къ уморасположенію народа, скоро просіяваютъ, но скоро и изчезаютъ. Если знаменитость не сильна уважить человѣка; если съ лучами добродѣтели и ея лучи погасаютъ; если съ перемѣнами времени она совершенно измѣняется, если по соизволенію народному нерѣдко теряетъ всю цѣну свою: то какому быть въ чинахъ качеству привлекательному, не говоря уже о томъ, могутъ ли они другимъ сообщить оное?

Хоть дорогимъ Неронъ каменьемъ украшался,
Хотя и въ Тирскую порфиру облачался:
Но ненависти онъ всеобщей подлежалъ,

Что съ звѣрской лютостью народомъ управлялъ;
Что злостію дыша, мужей достойныхъ чести
Вмѣнялъ съ достойными презрѣнія и мести
Ктожъ таковыхъ, какъ сей, блаженными почтетъ,
Когда имъ честь народъ отъ страха воздаетъ?

Вѣнецъ ли Царскій, и дружеское со владыками земными обхожденіе содѣлаютъ человѣка сильнымъ? Отчасти можно бы ожидать сего, когда бы не измѣнялось самихъ Царей благополучіе. Но наполнена примѣрами древность, и настоящаго времени многія событія гласятъ, колико сильныхъ Государей щастіе превращалось въ горестныя послѣдствія Изрядное могущество, которое не въ силахъ предохранить себя само отъ золъ! Положимъ, что верховная власть ощастливливаетъ человѣка; но когда стѣсняются предѣлы ея, то не бываетъ ли ощутительно уменьшеніе щастія, влекущее за собою недостатокъ, о которомъ понятіе помрачитъ яснѣйшіе дни жизни. И сколь бы ни далеко разливалась сила верховной власти: однако многимъ еще странамъ оставаться должно, на коихъ она ни сколько не подѣйствуетъ. Но откуда могущество, возвышающее жребій человѣка, подрывается; оттуда склабосиліе замѣщаетъ его, пріобыкшія къ скипетру руки не рѣдко принуж-

дая взяться за пастушій посохъ. Посему Государей еще больше, нежели другаго кого, бѣдность преслѣдуетъ. Въ истиннѣ сей Діонисій, бичь рода человѣческаго, прежде самъ испытавъ опасность жребія своего, наконецъ увѣрилъ и друга, почитавшаго блаженными однихъ Царей: когда чрезъ шпагу тайно повѣшенную надъ главою его, сидящаго за однимъ столомъ съ собою, которая держалась на одномъ волоскѣ, довольно ясно доказалъ; что и покоющіеся въ нѣдрахъ изобилія и славы, подлежатъ опасностямъ. Можно ли убо назвать прямымъ могуществомъ то, что имѣющіе ни отъ заботъ жизнь снѣдающихъ избавиться, ни сокрушаться прежде-временнымъ золъ предчувствіемъ не сильны бываютъ. Не льзя сказать, чтобъ безопасность не была желательна для нихъ. При всемъ томъ кажется инымь, что есть довольная причина величаться онымъ. Почтешъ ли ты сильнымъ человѣка, котораго желанія остановляются препятствіями? Уже ли думаешь, что тотъ довольно мощенъ; кто надменно ходитъ, провожаетъ множествомъ рабовъ; кто трепещущихъ предъ нимъ самъ больше страшится; и котораго величіе дабы другимъ примѣтно было, зависитъ сіе отъ воли уважившихъ его? Нужно ли

мнѣ здѣсь входить въ разсужденіе о дружескихъ обращеніяхъ съ Царями; когда доказываю, что сильные надъ животомъ и смертію сами преисполнены слабости? Государи часто не измѣняясь въ щастіи, и часто сами упадая, колико друзей своихъ поражаютъ ударомъ, въ отчаяніе приводящимъ? Неронъ Сенеку, друга и учителя своего, принудилъ умереть насильственною смертію, которой одинъ выборъ зависѣлъ отъ воли сего нещастнаго. Папиніана, долгое время щитавшагося между сильными при дворѣ, наконецъ Антонинъ предалъ воинамъ на заколеніе. Въ то время всякъ изъ нихъ желалъ отрещись отъ отличій своихъ. Сенека отдать все имѣніе свое Нерону, и въ безъизвѣстное мѣсто удалить себя старался; но тяжесть ожесточеннаго на нихъ рока повлекла ихъ въ пропасть гибели; и ни одинъ не могъ успѣть въ своихъ желаніяхъ. И такъ что за могущество, если трепещутъ онаго тѣ самые, къ коимъ принадлежитъ; и если оно какъ не дѣлаетъ безопасными въ то время, когда имѣть его желаютъ; такъ и отказаться отъ него не льзя при перемѣнѣ обстоятельствъ: слаба защита дружество, которое не на добродѣтели, но на пользахъ земныхъ основано. Съ кѣмъ соединяетъ васъ союзомъ люб-

въ щастїе ваше: того же самаго послѣ вооружаетъ противу васъ нещастїе. Но какая язва смертоноснѣе врага, подъ именемъ друга, какъ змїй въ травѣ, кроющагося?

Могущественнымъ быть и громкимъ кто желаетъ:
Тотъ страсти буйныя свои пусть укрощаетъ.
Въ разставленну грѣхомъ когда увязнетъ сѣть,
Не радость долженъ онъ, а скорбь тогда имѣть.
Хотябъ Индїйскїй весь народъ тебя боялся,
И Ѳуленъ дальнѣйшїй во всемъ повиновался:
Но немощь отъ себя скорбей мракъ удалитъ,
И вопли жалобны нещастныхъ прекратитъ,
Неложный признакъ есть ничтожнѣйшїя власти,
Коль всю не престаютъ тебя смущать напасти.

А слава коль часто обманчива, колико постыдна бываетъ! Нѣкоторый Трагикъ справедливо восклицаетъ: О слава, слава! сколько людей, ничего не значущихъ, содѣлала великими въ очахъ современниковъ и потомства! Ибо многїе присвоивши себѣ названїе, рѣдкїе дарованїя знаменующее, хищнымъ образомъ исторгали единодушную о себѣ хвалу изъ устъ народа. Ненавистнѣе сего можетъ ли что быть? Лестнѣйшихъ похвалъ, но ложно приписуемыхъ, конечно должны стыдиться тѣ, коимъ оныя воздаются. Хотя бы кто заслугами прїобрѣталъ ихъ; но симъ подкрѣпится ли свидѣтельство совѣсти ра-

зумнаго человѣка, который доброту сердца своего цѣнитъ не по народной молвѣ, но по здравымъ сужденїямъ о нравственности? Если похвально возвѣщать свѣту о себѣ; то постыдно будетъ находиться въ безъизвѣстности. Но поелику (сїе мы не давно видѣли) надлежитъ быть многимъ народамъ, до которыхъ слухъ о частномъ человѣкѣ дойти не можетъ: слѣдовательно, кого мы почитаемъ знаменитымъ человѣкомъ, тотъ есть безславенъ у населяющихъ большую часть, свѣта. Начать рѣчь о народной любви не токмо излишнимъ почитаю, но за недостойное вмѣняю и упоминать о ней; любовь сїя, (ибо не предшествуютъ ей здравыя сужденїя,) никогда не бываетъ тверда и продолжительна. Отсюда кто не видитъ, сколь тщетно и маловажно имя благородства? На него ежели посмотрѣть со стороны поколѣнїя; есть чужое. Ибо тогда не иное что означаетъ, какъ хвалу воздаемую ради заслугъ предковъ. Когда знаменитость прїемлетъ силу отъ названїя: то тѣмъ токмо и слѣдуетъ быть знаменитыми, кои заслужили сїи названїя. Слѣдовательно изящность рода не сообщитъ знатности тому, кто не имѣетъ внутренняго благородства. Ежели есть какое добро носить на себѣ прежде бывшихъ род-

ственниковъ пышные титлы; то сіе по моему мнѣнію: что на потомковъ налагаютъ они особенный долгъ, быть подражателями добродѣтели и мужества предковъ своихъ.

Щастливо или нѣтъ жизнь люди провождаютъ,
Ея теченіе равно всѣ начинаютъ,
Единъ міровъ Творецъ со всей ихъ лѣпотой:
Онъ роги далъ лунѣ, а солнцу свѣтъ златой:
Животными земли Онъ неселилъ поверхность,
И бытіемъ Ему должна свѣтилъ нещетность.
Онъ души заключилъ безсмертныя въ тѣлахъ,
Но милость къ нимъ вполнѣ откроетъ въ небесахъ.
И такъ всѣ смертные должны быть благородны;
Хотя по внѣшности они весьма несходны.
Почтожъ ссылаться вамъ на знатный предковъ родъ?
Коль всякъ языкъ Отца единаго есть плодъ:
Не можно никому быть выродкомъ въ природѣ,
Всякъ можетъ знатенъ быть, и въ равной жить свободѣ.
Что многи равенствомъ не пользуются правъ,
Причиною тому ихъ развращенный нравъ.

Что сказать мнѣ о услажденіяхъ тѣлесныхъ, которыхъ достиженіе есть многомятежно, за насыщеніемъ же оныхъ слѣдуетъ горькое раскаяніе? Колико болѣзней, колико нестерпимыхъ скорбей, обыкновенно производятъ они въ людяхъ пресыщенныхъ ими? При вкушеніи оныхъ чувствуютъ ли какую пріятность, сего не знаю. Но кто только захочетъ безпристрастно воспомянуть о своихъ бывшихъ веселостяхъ: тотъ

уразумѣетъ, что послѣдствія ихъ суть одна штокмо печаль и разскаяніе. Ежели они въ состояніи содѣлать людей блаженными; то нѣтъ причины, почему бы не можно было назвать блаженными и безсловесныхъ животныхъ, которыхъ всѣ наклонности имѣютъ цѣлію только наполненіе желудка. Въ невинныхъ пріятностяхъ и утѣхахъ могла бы протекать жизнь четы брачной: но весьма странное и ужасающее природу, сказано нѣгдѣ; не знаю, кто що враговъ и мучителей обрѣлъ въ своихъ сынахъ, коихъ расположеніе колико втекаетъ въ чувствованія родителей, не нужно сказывать тебѣ, опытомъ сіе изъвѣдавшему, и теперь о томъ же сокрушающемуся. Въ такомъ случаѣ не могу я не одобрить мыслей Еврипида моего, по мнѣнію коего самая неудача въ избраніи себѣ жены чада раждающей, щастливымъ дѣлаетъ человѣка.

Таковъ всѣхъ сластолюбцовъ жребій!
Таковъ плодъ чувственныхъ веселій!
Они не могутъ услаждать,
Что бы тогдаже не уязвлять:
Пріятности гдѣ изливали,
Оттоль какъ пчелы улетали,
Въ тоску ввергая сердце всѣхъ,
Лишеньемъ чувствія утѣхъ.

И такъ очевидная есть истина, что стези, по которымъ человѣкъ надѣется

достигнуть блаженства, вовсе не туда ведутъ его; и никого, къ чему обѣща-ютъ, не могутъ привести. Но во время шествія его по онымъ, сколько встрѣчается опасностей и стремнинъ; сіе нынѣ же покажу тебѣ въ весьма кратких словахъ. Что? деньги ли собирать ты намѣренъ? отнимешъ у имущаго оныя. Съ высоты величія блистать желаешъ? Предъ имѣющимъ власть возводить на оную, уничижишъ себя: и желая чанами отличиться отъ другихъ, чрезъ раболѣпныя происки прежде самъ учинишся жертвою безславія. Могущество желательно тебѣ? Но подлежа вѣроломнымъ и тайнымъ умышленіямъ подданныхъ, всегда будешъ принужденъ терзаться чувствованіемъ страха и боязни. Лучами ли славы озариться желаешъ? Но развлекаясь трудностію и разнообразностію дѣлъ, и долженствуя часто жертвовать имъ жизнію, не узришъ спокойныхъ дней. Въ сластолюбіи ли и распутности иждиваешъ время бытія своего? Но кто безъ презрѣнія и отвращенія помыслитъ о рабѣ тѣла, подлѣйшей и самой неустойчивой вещи? Не маловажнымъ ли и скоро изчезающимъ благомъ хотѣнія свои успокоиваютъ и тѣ, кои хвалятся тѣлесными совершанствами? Уже ли человѣкъ больше

слона, а вола сильнѣе? Уже ли тигры уступятъ тебѣ въ скорости движенія? Воззрите лучше на пространства небесныя, на незыблемую твердость; гдѣ величественныя громады движутся съ непонятною и плѣнительною скоростію; и престаньте удивляться вещамъ, почти ничего не значущимъ. Небо заслуживаетъ вниманіе наипаче по образу правленія вселенною; на которой взирая не льзя не удивляться, не льзя не благоговѣть къ Правителю. Самая красота лица не маловременна ли и скоротечна? и неудобь-измѣняемѣе ли цвѣтовъ сельныхъ? Если бы, какъ говоритъ Аристотель, люди посмотрѣли на нее глазами рысей, взоромъ проницающихъ темныя тѣла: то при видѣ внутреннихъ частей, тѣло самаго Алкивіада жилище заразъ и прелестей, не содѣлалось ли бы предметомъ крайняго омерзѣнія? Слѣдовательно, когда ты почитаешся лѣпообразнымъ; то мнѣнія сего начало не природа твоя, а слабость очей взирающихъ на тебя. Помыслите: не излишно ли желать совершенствъ тѣлесныхъ, когда то, чему платите дань удивленія, истребляется слабымъ огнемъ тридневной горячки? По взаимномъ сличеніи всего сказаннаго, должно будетъ вообще заключить: не могущее исполнить того,

что обѣщаетъ людямъ, и въ себѣ не вмѣщающее всѣхъ благъ, ни къ блаженству не ведетъ, ни само по себѣ не дѣлаетъ ихъ блаженными.

Какой мракъ слѣпоты нещастныхъ покрываетъ,
Коль кто изъ васъ спезю изъ виду потеряетъ!
Вы злата на цвѣтныхъ не ищете древахъ,
И на высокихъ сѣть не ставите горахъ
Для рыбъ, существовать въ водѣ опредѣленныхъ;
Въ лѣсахъ не ищете вы камней драгоцѣнныхъ:
Козъ въ Тирскихъ никогда не ловите мѣляхъ.
Познали хитрецы: какихъ морей на днахъ,
Скрываются отъ глазъ каменья дорогія?
Гдѣ краски лучшія и самыя цвѣтныя?
И нѣжною брега чьи рыбой превосходятъ?
(*) Ехиновъ множество колючихъ гдѣ находятъ?
Но мѣсто знать, добро гдѣ истое живешъ,
За нужное никто изъ васъ не признаетъ.
Того, что внѣ еще странъ звѣздныхъ превысокихъ,
Въ пещерахъ ищете, въ разсѣлинахъ глубокихъ!
Чегобъ такого мнѣ безумцамъ симъ желать?
Дабы имъ щастія дотодѣ не видать,
Доколѣ опыты ихъ скорбны не научатъ,
Что здѣсь его ища, себя лишъ только мучатъ.

До сего мѣста образъ мнимаго щастія довольно кажется обнаруженъ. Когда ясно видишь его; порядокъ требуетъ показать, въ чемъ состоитъ прямое благополучіе. Вижу, говорю ей, что ни довольства чрезъ богатство,

---

(*) Сія рыба, прикрытая колючимъ веществомъ, ловится близъ приморскаго города, *Мизенъ*, именуемаго.

ни могущества чрезъ власть. ни уваженія чрезъ чины, ни знаменитости чрезъ славу, ниже на конецъ чувствія чистѣйшихъ веселій чрезъ погруженіе себя въ мірскія забавы имѣть отнюдь не можно.— Узналъ ли ты причину невозможности сея?— Кажется мнѣ, что какъ бы чрезъ скважину, въ кою проникаетъ очень слабый свѣтъ истинны, смотрю на оную: но отъ тебя самой желалъ бы получить яснѣйшее свѣдѣніе о ней?— Способъ къ сему весьма близокъ. Ибо что просто и нераздѣльно по естеству, то, заблуждая люди, дѣлятъ на части; и понятія объ истинномъ и совершенномъ смѣшиваютъ съ понятіями о ложномъ и несовершенномъ. Во всемъ достаточное можетъ ли быть безсильно? Никакъ, говорю ей. Правильно отвѣтствуешъ; ибо въ чемъ что слабосильнѣе есть другаго, въ томъ защиты себѣ требуетъ со стороны.— Такъ подлинно.— Посему довольство и могущество суть одно и тоже по существу.— Не иначе и мнѣ кажется.— Но вмѣщающее въ себѣ оба сіи совершенства, должно ли быть презираемо? или напротивъ заслуживаетъ всякое почтеніе? О последнемъ предложеніи и сомнѣваться, говорю, не можно.— И такъ къ довольству и могуществу надлежитъ и ува-

женіе присоединить; и о всѣхъ трехъ, какъ бы объ одной вещи, судить.-- Конечно; ибо цѣлію имѣемъ истинну.-- О существѣ заключающемъ въ себѣ сіи три блага, продолжаетъ она, такъли, какъ о маловажномъ и не благородномъ, мыслишъ? Понеже ты уступилъ, что недостатка ни въ чемъ не имѣть, значитъ тоже, что быть поставлену на высочайшемъ степени могущества, и уважаему отъ всѣхъ: то смотри, чтобъ не казалось оно лишеннымъ знаменитости, и потому съ нѣкоторой стороны униженія достойнымъ больше, нежели какое нибудь существо другое. Соображая, отвѣчаю ей, понятія съ его природою, не льзя не почесть оное знаменитымъ во всемъ пространствѣ сего слова. Слѣдуетъ убо согласиться и на сіе, что знаменитость существенно не различествуетъ отъ трехъ вышшихъ свойствъ блаженства.-- Конечно.-- И такъ самодовольное, силами своими все получить могущее, почтенное, благородное, не во всегдашнемъ ли веселіи находится?-- Отъ чего бы родилось въ немъ какое нибудь неудовольствіе и скука, и вообразить того не можно.-- И такъ нужно сознаться, что человѣкъ погруженъ бываетъ въ потокахъ радостей; ежели дѣйствительно одаренъ всѣми совер-

шенствами вышереченными. Отсюда же непосредственно слѣдуетъ, что хотя довольства, могущества, знаменитости, уваженія, услажденія не одни суть названія: однако оныя сущностію своею ни сколько не разнствуютъ между собою.-- Сіе заключеніе есть самое естественное.-- Слѣдовательно что одно и просто по естеству, то поврежденный человѣческій разумъ р з-дѣляетъ; и въ непричастномъ сложенія стараясь обрѣсти части, ни части, которая не существуетъ, ниже вещи самой, о бытіи коей безпогрѣшительно мыслитъ, не постигаетъ.-- Какимъ это обр зомъ? Кто, отвѣтствовала она, обогатить себя старается, тотъ для избѣжанія скудости, нерадитъ о могуществѣ: любитъ находиться въ низкомъ состояніи, не многимъ быть извѣстенъ, и даже естественныя требованія ограничиваетъ, дабы не расточить богатств имъ собраннаго. Но можно ли быть довольнымъ тому: кто не силенъ, кого сокрушаютъ досады; кого низкость состоянія приводитъ въ презрѣніе у другихъ; котораго наконецъ низкость породы покрываетъ мракомъ неизвѣстности. А кто одного токмо могущества желаетъ; тотъ небрежетъ о имуществѣ, затворяетъ входъ въ сердце

каждому сладостному для чувствъ влїянїю; честь и слава, которыхъ права суть очень драгоцѣнны, безъ силы производятъ одни токмо пустые звуки въ ушахъ его. Сколь же во многомъ и сей недостаточенъ есть, самъ ты видишъ. Ибо иногда случается, что нужнаго не имѣетъ, и такъ же подлежитъ болѣзненнымъ чувствованїямъ; а когда сїи невыгоды не избѣжны для него, то и предметъ хотѣнїй его перестаетъ быть силенъ. О чинахъ, славѣ и тѣлесныхъ услажденїяхъ такимъ же образомъ надобно судить. Ибо когда каждое изъ сихъ частное благо есть то же, что вообще взятыя; то избирающїй для себя одно только изъ нихъ, а о прочихъ небрегущїй, не получяетъ и того, что избираетъ. Что произойдетъ, вопрошаю ее, если кто нибудь пожелаетъ имѣть всѣ оныя вмѣстѣ? Таковаго воля устремилась бы прямо къ блаженству; но достигнетъ ли его посредствомъ благъ, никогда не могущихъ устоять въ обѣщанїяхъ своихъ? Никакъ нѣтъ, отвѣчалъ я? Отвѣтъ сей доказываетъ, продолжала она, что ты на мнимое щастїе, какъ не представленную мысленнымъ очамъ твоимъ картину, смотришъ теперь, и видишъ причины, по коимъ оно не сильно успокоить сердца человѣческаго

обрати же умственный свой взоръ въ противную сторону. Ибо тамъ въ одно мгновеніе ока узришъ изображеніе истиннаго щастія. Но и слѣпой, сказую ей, видитъ оное; потому что не за долго ты сама мнѣ показала его, описывая свойства мнимаго. Ибо, ежели не обманываюсь я, истинное и совершенное щастіе есть то, что въ одно и тоже время творитъ человѣка самодовольнымъ, сильнымъ, знаменитымъ и веселитъ его Но дабы извѣстно было тебѣ, что я еще больше приближился ко святилищу истинны, открою тебѣ мысли слѣдующія. Ежели какая вещь едино изъ сихъ добро, (понеже всѣ оныя въ совокупности тоже составляютъ, что и каждое въ особенности), доставить можетъ: то не колеблясь признаю ее за совершенное блаженство. Сколь ты счастликъ питомецъ мой! что сію истинну соединилъ съ прежнею? Можно ли мнѣ поступить иначе, отвѣчалъ я? Но стяжаніе временныхъ и скоротечныхъ вещей признаешъ ли за средство учиниться блаженнымъ?-- Никакъ нѣтъ, и невозможность сего столько мнѣ доказана, что больше желать не льзя.-- Отсюда слѣдуетъ заключить, что земныя вещи суть или токмо образы истиннаго блага, или хотя надѣляютъ смертныхъ нѣкото-

рыми благами, но несовершенными.— Сходствуютъ съ твоими и мои мысли о семъ.— И такъ довольно замѣтилъ разность между прямымъ щастіемъ и между имѣющимъ одну личину онаго. Остается тебѣ еще узнать: съ которой стороны, и какимъ путемъ достигать истиннаго? Сего то, сказалъ я, уже давно и нетерпѣливо ожидаю отъ тебя. Но когда, продолжала она, предпринимая и маловажныя дѣла, какъ угодно было Платону нашему поступить въ Тимеѣ, сперва надлежитъ просить Божїей помощи: то какъ ты думаешъ приуготовитъ себя; чтобъ удостоиться сего важнаго открытія: гдѣ существуетъ обитель верховнаго блага? Должно и намъ, отвѣтствовалъ я, послѣдовать сему примѣру, и умолять Отца свѣтовъ о ниспосланіи духа разума; пренебрегшіе сіе правило, никогда успѣшно не начинаютъ и не оканчиваютъ своихъ предпріятій. Точно такъ, рекла; и въ тужъ минуту воспѣла слѣдующіе стихи.

(*) О Ты, что разума вліяньемъ непресѣчнымъ
Міръ правишъ, небесе Зиждитель и земли!
Кругамъ временъ итти, отъ вѣка равнотечнымъ,
Велишъ, и движешъ все, недвижимъ николи.
Не внѣшнiи коего причины побудили,

*) Вся молитва сія основана на невразумительномъ Платона ученіи о мірѣ.

Устроить грубаго громаду вещества;
Но крайняго добра тѣ свойства преклонили,
Что гнусной зависти незнають естества.
Верховнѣйшихъ красотъ лучами самъ сїяешъ,
И сообразенъ видъ тебѣ природы всей;
Ты по примѣру все верховну устрояешъ,
Отъ вѣка обнося въ умѣ мїръ красный сей:
Дабы онъ волею Твоей осуществленный,
Былъ выну совершенъ собою и въ частяхъ.
Стихїи мѣрою Тобою сопряженны,
Чтобъ острый мразъ леталъ на пламенныхъ вихрахъ,
И сухость съ влагою жестокой при не знали:
Чтобъ легкїй огнь никакъ горѣ не воспарилъ,
И тяжкїя земель твердыни не ниспали.
Ты душу среднюю, что тройственныхъ есть силъ,
Мїръ оживляющу чудесно сопрягая,
На члены раздѣлилъ приличнѣйшїе ей!
Въ вращеньи вихрь она двоякїй изъявляя,
Круголинейною всегда течетъ стезей;
Превѣчному уму себя уподобляетъ
И движетъ сходно съ нимъ небесныхъ сонмы тѣлъ.
Однимъ тобой творимъ изъ ничего бываетъ
Безплотный всякїй духъ, всѣ жители земель:
Возницу коимъ давъ легчайшую Ебирну,
Иныхъ вселяешъ здѣсь, а инныхъ въ небесахъ:
И внемлющихъ людей закона гласу мирну
Вчиняешъ паки въ ликъ, что въ выспренныхъ кругахъ.
Даждь вознестись душѣ въ обители небесны,
Свѣтъ славы своея благоволи явить:
Даждь зрѣть источникъ благъ, ни въ чемъ злу не примѣсный,
Не помраченный взоръ души въ тебя вперить.
Отъ узъ умъ разрѣши, нощь прожени глубоку,
И самосущнѣйшимъ мнѣ свѣтомъ возсїяй;
Ты праведныхъ покой, ты цѣль разумну оку,
Всѣмъ Творче, вождь, животъ, вся словомъ содержай·

Образъ несовершеннаго и совершеннаго блага уже извѣстенъ тебѣ: намѣрена я еще показать, въ чемъ состоитъ сущность послѣдняго. При томъ за нужное почитаю прежде всего разсудить: можетъ ли таковое добро находиться въ природѣ вещей, дабы намъ, изключая истинное понятіе о подлежащей вещи, не подвергнуться суесловію, представляя въ умѣ одинъ ея призракъ. Что верховное благо существуетъ, и что изъ него яко источника изтекаютъ всѣ блага; сего не признавать значитъ отрицаться разума. Ибо всего недостаточнаго несовершенство открывается чрезъ раздробленіе совершеннаго. А посему ежели что кажется съ какой нибудь стороны несовершеннымъ: то съ той же самой нужно быть совершеннымъ существу другому. Не допустивъ истиннаго совершенства, даже вообразить не можно причины бытія несовершенствъ. Естество вещей начало существованія получило не отъ разрушенія и нецѣлости; но совершенно и цѣльно создано будучи, съ высоты изящества низпадаетъ въ сіи крайности, изтощеваясь по мѣрѣ приближенія его къ своему концу. Если убо, (что не давно показано было) находится на земли щастіе бренное и недостаточное: не сумни-

тельно и то, что существует другое твердое и совершенное. Очень основательно, отвѣтствую ей, и твердо заключено. О мѣстѣ жилища его, продолжала она, разсуждай такимъ образомъ: благость Бога, который имѣетъ безпредѣльную власть надъ всѣми тварями, доказывается всеобщимъ душъ человѣческихъ понятіемъ о немъ. Ибо если разумъ ничего Бога лучшаго вообразить не можетъ; то изящнѣйшее всего кто усумнится почесть благимъ? Разумъ присвояя Богу благость, купно убѣждаетъ допустить въ немъ бытіе добра всесовершеннаго. Если онъ не будетъ имѣть его, то не будетъ и Владыка вселенной. И въ такомъ случаѣ слѣдовало бы предположить еще существо Бога превосходнѣйшее, которое въ себѣ заключало бы верховное добро, и древнѣе бы его казалося: потому что существованіе совершеннаго всегда предшествовало бытію недостаточнаго. И такъ, дабы въ безконечность не простирать умствованій, надобно признаться, что всевысочайшій Богъ есть преисполненъ верховнаго и совершеннѣйшаго блага. Но мы опредѣлили, что совершенное благо есть истинное блаженство. Слѣдственно обитель блаженства нигдѣ, какъ въ Богѣ. — Согласенъ я, и ни какъ не могу противорѣчить тебѣ. Прошу, насто-

итъ она, внимательнымъ окомъ разума посмотрѣть, сколь свято, и безъ ослабленія истинны, можно иначе доказать; что Богъ преисполненъ высочайшаго блага. Какой бы, вопрошаю ее, былъ еще способъ къ сему?--Не думать, что сей общій всѣхъ Творецъ извнѣ получилъ крайнее благо, которое въ немъ находится; или отвергать предубѣжденіе сіе: что хотя оно и естественно ему; но какъ Бога, такъ и блаженства, сущности различны между собою. Ибо если начнешъ мыслить, что Богъ извнѣ получилъ оное благо; то дающее можетъ признать превосходнѣйшимъ пріемлющаго. Но согласіемъ жертвуемъ изъ всѣхъ вѣрнѣйшей истиннѣ, допущая, что Богъ безконечно превышаетъ всѣ существа. Ежели предположить, что благо нераздѣльно съ Богомъ, но съ сущностію его не сходствуетъ, то говоря о немъ, яко всеобщемъ началѣ вещей, пускай кто нибудь откроетъ, кто сіи различныя существа соединилъ между собою? Напослѣдокъ ни съ чемъ несходствующее не есть одно и тоже съ тѣмъ, отъ чего отличается. Слѣдственно различное отъ верховнаго блага, не есть благо верховное. Не лѣпо мыслить такъ о Богѣ, о коемъ извѣстно, что превзойти его ничто не можетъ. Ибо никакой вещи не льзя

быть лучше начала бытія своего. И такъ начало всего сущаго не весьма ли свойственно нарицаю высочайшимъ добромъ? Очень свойственно, отвѣтствую ей.--Уступилъ же ты, что верховное благо есть то же, что блаженство?--Такъ точно. Слѣдовательно, продолжала она, что и Богъ есть блаженство, не льзя тебя не допустить.--Какъ не оспориваю прежнихъ предложенїй, такъ вижу, что и нанесенїе сїе слѣдуетъ изъ оныхъ. Посмотри еще, рекла она, съ другой точки зрѣнїя; та же самая истинна не тверже ли доказывается слѣдующимъ общимъ положенїемъ: два верховныя блага различныя между собою совсѣмъ не возможны. Одно изъ оныхъ не есть то, что другое; слѣдственно совершеннымъ быть ни которому не можно, когда у одного не находится того, что другое имѣетъ. О недостаточномъ же никто не скажетъ, что оно превыше всего. Убо верхоныя блага противныхъ свойствъ быть никакъ не могутъ. Между прочимъ доказано уже, что блаженство и Богъ то же суть, что высочайшее добро. И такъ верховное блаженство ничемъ не разнствуетъ отъ верховнаго Божества. Ничего, говорю ей, ни вѣрнѣе истинны сей, ни основательнѣе твоего умствованїя, ни Бога достойнѣе заключить

не можно. Сверхъ сего, прервала рѣчь мою, по примѣру Геометровъ, кои предварительно доказавши нужныя положенія, наносятъ частное что либо, теперь и я выведу нѣкоторое заключеніе изъ прежнихъ разсужденій. Ежели люди не прежде дѣлаются блаженными, какъ достигнувъ блаженства, которое есть то же, что Божество: и слѣдовательно надлежитъ быть Божествомъ тому, кто блаженъ. Наблюденіе законовъ образуетъ правосудныхъ, любомудріе мудрыхъ; такимъ же образомъ по полученіи свойствъ Божескихъ, надлежитъ людямъ содѣлаться богами. Почему всякъ блаженствующій есть Богъ; въ прямомъ смыслѣ взятое Божество только одно существуетъ; чрезъ сопричастіе же ничто не препятствуетъ быть Богами очень многимъ существамъ. Прекрасна, говорю ей, и купно драгоцѣннѣйшая мысль сія; которую ты называй хоть заключеніемъ, хоть послѣдствіемъ.--Ничто также не сильно красотою и твердостію своею превзойти слѣдующую истинну, которую соединить съ вышшими здравой разумъ велитъ. Какую именно, вопрошаю ея? Когда блаженство, отвѣчала она, по видимому многое содержитъ въ себѣ: то сіе множество на подобіе ли разнородныхъ частей входитъ въ со-

ставъ его? Или въ количествѣ семъ заключается одно нѣчто такое, изъ чего состоитъ вся блаженства сущность; а прочія блага отъ него зависятъ, и суть не иное что, какъ его принадлежности? Желательно мнѣ, сказалъ я, дабы ты объяснила сіе примѣромъ.--Почитаемъ ли добромъ блаженство?—Не просто добромъ, но еще верховнымъ, отвѣтствую ей.--Присоедини къ сему, что оно для всѣхъ возможно. Ибо есть тоже, что довольство и могущество въ высочайшемъ степени. Уваженіе, знаменитость, и услажденія тѣлесныя также блаженствомъ считаются?--Чтожъ отсюда?--Всѣ блага сіи: довольство, могущество и проч. члены ли суть блаженства? или каждое изъ оныхъ ко благу верховному какъ главѣ своей относится?--Теперь разумѣю, предложенный вопросъ; но рѣшеніе онаго отъ тебя самой слышать желаю.--Узелъ его вотъ какъ развязывается: если бы сіи блага были члены блаженства, то между собою бы различествовали. Ибо изъ соединенія частей хотя происходитъ одинъ составъ; но во взятыхъ порознь находится не малое различіе. Но уже показано было, что каждое изъ оныхъ благъ имѣетъ одинакія свойства съ прочими. Слѣдственно не льзя имъ быть члена-

ми; иначе изъ одного члена блаженство будетъ состоять, что есть не возможно. О семъ, говорю я, ни сколько не сомнѣваясь; прочее желаю слышать.-- Другихъ благъ зависимость отъ блага верховнаго есть не меньше очевидна. Ибо потому лестно всякому довольство, что признаютъ его добромъ для себя; потому сильными быть желаютъ, что могущество также благомъ считаютъ. Тоже самое побуждаетъ людей домогаться чиновъ, знаменитости и всѣхъ пріятностей чувственныхъ. Всего убо привлекательнаго основаніе и корень есть добро. Ибо въ чемъ ни само добро, ни образъ его не находится; того желать не свойственно природѣ человѣческой. Напротивъ того къ вещамъ, одну только благовидность имѣющимъ, многіе прилѣпляютъ свое сердце. Сіе доказываетъ, что доброта вещей есть первая движительница воли. Но главная цѣль желаній человѣка состоитъ въ томъ, для чего онъ желаетъ какой нибудь вещи. На примѣръ, верхомъ ѣздящій для подкрѣпленія силъ тѣлесныхъ, предметомъ имѣетъ не столько движеніе, сколько свое здоровье; слѣдовательно предположивъ, что желаніе какой бы то ни было вещи произходитъ отъ мнѣнія, что она есть добро; каждому не столько сама вещь, сколь-

ко добро, въ ней заключающееся, желательно. Но мы признали за блаженство то, для полученія чего устремляемся за прочимъ. Всѣхъ убо дѣйствій человѣческихъ одинъ есть конецъ, блаженство. Изъ сего слѣдуетъ подтвердить, что сущность блага и блаженства есть одна и та же.--Не знаю, кто бы могъ противорѣчить тебѣ. -- Впрочемъ я показала уже, что Богъ и истинное блаженство ни чѣмъ не разнствуютъ между собою. Справедливо, говорю ей.- И такъ надеждно заключить можемъ, что и Бога сущность состоитъ въ добрѣ, а не въ другомъ чѣмъ.

Сюда стремися всякъ страстямъ порабощенный,
И въ бѣдственныя ихъ оковы заключенный,
Отъ коихъ тупится вся острота умовъ:
Здѣсь вы почіете отъ всѣхъ своихъ трудовъ.
Удары волнъ отнюдъ здѣсь пристань не колеблютъ
Въ сіи убѣжища нещастныхъ всѣхъ пріемлютъ.
Хотя обогатитъ пескомъ *Тагъ* золотымъ:
Въ владѣньи ль будетъ чьемъ *Ермъ* съ берегомъ своимъ;
Хоть драгоцѣнные *Индъ* камни доставляетъ,
Близъ жарка пояса которой протекаетъ:
Однако чрезъ сіе души не просвѣтишъ,
Но окрестъ сущу мглу тѣмъ болѣе сгустишъ.
Чѣмъ разумъ льстится вашъ, и сердцемъ что владѣетъ:
Во мрачныхъ нѣдрахъ то земля своихъ имѣетъ.
Святыя славы свѣтъ, сый прежде всѣхъ временъ,
Міръ силой коего стоитъ и оживленъ,
Единъ лишъ сохранитъ отъ гибельныхъ паденій
Людей борющихся со мракомъ чувствъ, сужденій

Его сіяніе возмогшій ощутить
И солнца краснаго зракъ ни вочто вмѣнитъ.

Согласенъ съ тобою, сказалъ я. Ибо все, что ни говорила, укрѣплено твердыми и убѣдительнѣйшими доводами.-- Колико обязанъ мнѣ будешъ, познавши самую сущность блага! Безконечно отвѣчалъ ей: ибо тогда возъимѣю ясное понятіе о Богѣ, который есть то же, что благо --Открою тебѣ всѣ красоты ея, на крѣпчайшихъ разума началахъ основываясь; только смотри, чтобъ не изчезло изъ твоей памяти заключеніе, не давно выведенное. Положись на меня, говорю ей.-- Не было ли показано тѣбѣ, что вещи, возбуждающія желаніе многихъ, не суть истинныя и совершенныя блага по причинѣ взаимнаго ихъ несходствія; и когда каждая изъ нихъ всегда имѣетъ нѣчто несвойственное другимъ; то и происходящее отъ нихъ щастіе не можетъ быть цѣльное и всесовершенное? Не говорила ли также что прямое благополучіе тогда онѣ образуютъ, когда видъ ихъ и дѣйствія совершенно сходны между собою, такъ, что если кто богатъ, тотъ долженъ быть и мощенъ, и почтенъ, и знаменитъ, и всегда веселъ? Предположивъ, что не всѣ блага суть одно и то же, нѣтъ причины включать оныя въ число предметовъ желаній.--- Сіе доказано было,

и ни съ которой стороны не сумнительно.--- Когда вещи, между собою различныя, не суть блага, и перемѣняются во благо, преставъ имѣть разность въ ихъ свойствахъ; то не на единствѣ ли утверждается доброта всякой вещи? И мнѣ такъ кажется, отвѣчалъ я.-- Но уступаешъ, или нѣтъ, что каждая вещь потому хороша, что участвуетъ въ добрѣ?-- Какъ не уступить сего.-- И такъ для той же причины надобно тебѣ допустить, что единство и доброта суть одно и тоже. Ибо совершенно подобна сущность тѣхъ вещей, коихъ произведенія имѣютъ одинакія свойства.-- Ни сколько не могу тебѣ противорѣчить.-- Извѣстно ли тебѣ, вопросила меня, что все сущее дотолѣ живетъ и дѣйствуетъ, доколѣ пребываетъ единособіемъ; (unum metaph) но разрушается и изчезаетъ, когда сего единства не будетъ въ немъ?-- Какимъ ето образомъ?-- На примѣръ, продолжала она, когда душа, сопряженная съ тѣломъ, пребываетъ въ семъ союзѣ; тогда состоящее изъ оныхъ существо называется животнымъ. Пусть сіе единособіе уничтожится разрывомъ, то есть, разлученіемъ духа съ плотію; тотчасъ изчезнетъ вещь прежде бывшая; и извѣстно, что она тогда уже

не есть животное. Тѣло даже самое, доколѣ въ связи членовъ его видна единообразность, представляетъ видъ человѣка; но ежели тогожъ тѣла части потеряютъ единообразіе, то оно престанетъ быть, чѣмъ прежде было. Такимъ же образомъ обозрѣвая все прочее, еще больше утвердимся въ истиннѣ сей, что всякая вещь дотолѣ ипостасно существуетъ докодѣ составляетъ единособіе (unum metaph.)--Въ подробнѣйшее о семъ разсужденіе входя, вездѣ усматриваю истинну словъ твоихъ.--Находится ли такое существо, въ какомъ бы кругу дѣятельности оно ни поставлено было отъ природы, которое желало бы себѣ уничтоженія? Касательно животныхъ, отвѣтствовалъ я, въ коихъ видны знаки желанія и отвращенія, нѣтъ, кажется, ни одного изъ нихъ такого, (если не будетъ къ тому нудимо отъ внѣшнихъ причинъ) которое было бы не животолюбиво, и ускоряло смерть свою. Ибо каждое животное любитъ свое бытіе, а отъ смерти и пагубы бѣгаетъ. Но какое надлежитъ мнѣ имѣть понятіе о злакѣ, о древахъ и вещахъ вовсе бездушныхъ, крайне колеблюсь въ семъ.-- Почто колебаться, когда вопервыхъ видишъ, что травы и древа родятся на мѣстахъ имъ приличныхъ; и доколѣ имъ опредѣлено

расти и усиливаться, дотолѣ не могутъ они лишиться соковъ своихъ, и тлѣть. Однѣ травы въ поляхъ, другіе изъ горъ возникаютъ на лице земли. Однѣ въ болотахъ, другіе на камняхъ растутъ; для иныхъ плодородною землею бываютъ пески безплодные; такъ, что ставъ перенесены на другое мѣсто, тотчасъ увядаютъ и сохнутъ. Всему пристойное даруетъ природа; и печется, едва ли не нѣжнѣе всѣхъ матерей, о соблюденіи бытія вещей, могущихъ еще продолжать оное. Что значитъ, что всякое растѣніе, какъ бы уста свои углубивши въ землю, извлекаетъ оттуда пищу себѣ посредствомъ корней, и чрезъ сердечко и кожу сообщаетъ крѣпость всему тѣлу? Къ чему клонится, что нѣжнѣйшая часть тѣла его всегда сокрыта во внутренности, и извнѣ ограждена твердымъ деревомъ; наружная же, корою называемая, бываетъ противоположена перемѣнамъ воздушнымъ, такъ какъ оборонитель способный къ пренесенію суровости оныхъ. Не льзя надивиться тому тщанію природы, каковое доказывается разпложеніемъ вещей всякаго рода, и умноженіемъ сѣменъ. Кто не знаетъ, что всѣ существа произведены со способностію не только временное бытіе имѣть; но, такъ сказать, въ

безконечные вѣки простирать свой родъ, по примѣру машинъ заведенныхъ? Что касается до неодушевленныхъ, то не подобнымъ ли образомъ и изъ нихъ каждое требуетъ сроднаго себѣ? Ибо почто пламень огненный несется въ горняя, а земля долу бываетъ нудима тяжестію своею: ежели таковыя мѣста и движенія имъ несвойственны? Части твердыхъ тѣлъ, каковы суть камни, между собою соединены весьма тѣсно и плотно; и силѣ разсоединяющей ихъ противоборствуютъ всею упругостію своею. Жидкія же, какъ то, вода, воздухъ, хотя внѣшнимъ силамъ, раздѣляющимъ оныя, уступаютъ удобно; но пресѣченной ихъ взаимной союзъ скоро возстановляютъ. А огонь не допущаетъ никакой дѣлимости. Надлежитъ памятовать, что теперь разсуждаемъ мы не о произвольныхъ движеніяхъ души познающей; но о естественномъ побужденіи, общемъ всякой вещи. Оно въ насъ дѣйствуетъ, когда пищу принятую глотаемъ, не помышляя о ней; или когда дышемъ, будучи погружены въ глубокомъ снѣ. Ибо самыхъ животныхъ любовь къ бытію не есть плодъ вольныхъ дѣйствій душевныхъ; но началомъ себѣ имѣетъ неизмѣнные законы природы. Воля часто избираетъ смерть насильственную,

отъ которой содрогаетъ естество: а средство, коему животные обязаны продолженіемъ своимъ, то есть, произведеніе подобныхъ себѣ, она возбраняетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ; хотя природа всегда требуетъ онаго. И такъ источникъ бытолюбія есть не душа самая, но побужденіе каждой вещи врожденное. Первѣйшая пружина существованія тварей, которую промыслъ міромъ управляющаго вложилъ въ нихъ, состоитъ въ естественномъ желаніи продолжать бытіе дотолѣ, доколѣ оно возможно для нихъ. Почему нѣтъ причины сомнѣватися о животолюбіи каждой твари. Признаюсь, говорю, что положенія, до сего бывшія мнѣ неизвѣстными, теперь кажутся и ясны и неоспоримы. Животолюбивому, продолжала она, и единство желательно. Ибо безъ сего никакая вещь не можетъ существовать въ сродномъ ей видѣ. Конечно, отвѣчаю ей.-- Убо единства всѣ существа желаютъ.-- И сего не оспориваю.-- Между прочимъ было доказано, что единство ничѣмъ не разнствуетъ отъ блага.-- Такъ точно.-- Слѣдовательно всякая вещь стремится ко благу, которое опредѣлить можно такимъ образомъ: *Верховное благо есть то, что для всѣхъ желательно.* Ничего, говорю ей, не можно вообразить

справедливѣе сего. Ибо всеобщая тварей бытія цѣль или есть уничтоженіе и замѣщеніе ихъ другими подлежащими въ свою чреду томуже ничтожеству; или, если назначенъ какой конецъ, общій всѣмъ тварямъ, то состоитъ оный въ верховномъ добрѣ.--- Чрезмѣрно радуюсь сему, питомецъ мой! ибо уже средней истинны лучь освѣтилъ теперь душу твою. Напослѣдокъ само собою открылось, въ чѣмъ ты прежде признавалъ свое невѣденіе.--- Въ чѣмъ именно?-- Вотъ въ чѣмъ: какой есть конецъ всего существующаго? Но поелику изъ истиннъ, подкрѣпляемыхъ истиннами же, заключили мы, что то, къ чему вообще всѣ стремятся, должно быть благо: слѣдственно и цѣль бытія всякой вещи ничемъ не разнствуетъ отъ добра.

Чтобъ неизвѣстности во тьмѣ не пресмыкаться,
Исканьемъ истинны рѣшившися заняться,
Пускай на самаго себя взоръ обратитъ,
И сердца тщательно углы всѣ обозритъ.
Въ его сокровищахъ искать да научится,
Что получить извнѣ, вотще, безумно льстится.
Что заблужденія скрывалось въ черной мракъ:
То свѣтлостію своей превзойдетъ Фебовъ зракъ,
Хоть съ грубымъ веществомъ сутъ души сопряженны;
Но прежнихъ не совсѣмъ онѣ идей лишенны; (*)
И сѣмя истинны посѣяно во всѣхъ.

(*) Г. Сочинитель допущаетъ прежде-бытіе душъ.

Иначе отъ чегобъ въ наукахъ былъ успѣхъ?
Что ставъ вопрошены, готовы вы къ отвѣту;
Сей должно отнести даръ не къ тому ли свѣту,
Которой внутрь души не преставетъ сіять?
Всякъ неизвѣстное начавшій узнавать,
Когда вамъ истинну кто нову открываетъ,
Забвенны мысли лищь въ умѣ возобновляетъ.

Послѣ сего весьма, говорю, согласенъ я съ Платономъ: потому что о семъ уже вторично мнѣ напоминаетъ. Въ первый разъ сказанное тобою забылъ я по причинѣ болѣзни, разстроившей не одно тѣло, но и душу. На что отвѣтъ ея былъ таковъ: обозрѣвши прежнія истинны, весьма легко и скоро возобновишъ въ своихъ мысляхъ, то въ незнаніи чего ты давно сознался мнѣ. Что такое? спрашиваю у ней.- Планъ правленія міромъ.--Помню, что въ разсужденіи сего былъ я совершенной невѣжда. Хотя и предвижу теперь твое объ ономъ сужденіе; однако для большей ясности очень желаю послушать тебя --Не за долго предъ симъ отнюдъ не колебался ты, признать Бога правителемъ свѣта. Единожды, говорю ей, навсегда увѣренъ въ сей истинѣ, и вкращцѣ изложу причины тому. Міръ сей, составленный изъ толико различныхъ и между собою противныхъ частей, не былъ бы еди-

нообразенъ; когдабъ не было существа, могущаго взаимно согласить и соединить ихъ. Различїе и вражда уже соединенныхъ тѣлъ разрушили бы мїръ; ежели бы не находилось одного, въ рукахъ у себя держащаго узелъ ихъ связи, отъ цѣлости коего зависитъ союзъ всѣхъ прочихъ. Притомъ не зрѣли бы мы ни порядка такъ постояннаго, ни законовъ движенїя толико совершенныхъ относительно къ мѣсту, времени, дѣйствїямъ ихъ, пространству, качествамъ; когда бы не существовалъ одинъ, которой самъ будучи недвижимъ, располагаетъ всѣми различїями премѣнъ. Существо сїе, о немъ же живутъ и дѣйствуютъ всѣ прочїя, не касаясь его сущности, нарицаю употребительнымъ у всѣхъ словомъ: Богъ. Выслушавъ сїе, она начала рѣчь слѣдующую: Когда такимъ образомъ мыслишъ, то уже очень близокъ къ тому, чтобъ участвовать въ блаженствѣ, и щастливо паки узрѣть отечество свое; но разсмотримъ наше предложенїе. Не правда ли, что къ блаженству причислили мы довольство? и не уступилиль, что Богъ есть самое блаженство?--Такъ точно. — Слѣдовательно онъ и въ правленїи мїромъ не требуетъ никакихъ внѣшнихъ вспоможенїй; ибо предположивъ въ немъ не-

достатокъ, не льзя будетъ признать его самодовольнымъ.--Сему неминуемо слѣдовать должно. Убо никто, какъ единъ Богъ располагаетъ вселенною -- Неоспоримо. --- Но было показано, что Богъ есть тоже, что высочайшее благо.--Помню. -- И такъ повсемственному надлежитъ быть благоустройству въ мірѣ: когда въ міроправленіе втекаетъ, піокмо Богъ единъ, ничѣмъ не различествующій отъ блага; и когда благость его, сіе утѣшительное для тварей свойство, есть, такъ сказать, твердыня, на ней же громада свѣта стоитъ, неизмѣнна и цѣла.---Твои разсужденія очень сходны съ моими понятіями, и хотя на догадкахъ основываясь, однако предвидѣлъ я, что ты сказать хотѣла.--Вѣрю сему. Ибо, кажется мнѣ, что теперь внимательнѣе смотришъ на свѣтъ истинны: но что намѣрена еще сообщить тебѣ, не меньше прежняго очевидно. Что такое, вопрошаю ее?--- Когда міроправленіе основаніемъ себѣ имѣетъ благость Бога; и всякая вещь, (что доказано уже) отъ природы стремится къ добру, распространяющемуся по мѣрѣ ихъ силъ: то можно ли сумнѣваться, что оно есть свободное, а не рабское.--Такъ сему быть надлежитъ; иначе для чего бы Владыку свѣта признавать благимъ и правосуднымъ суще-

ствомъ? Посему нѣтъ ничего такого, что бы держась порядка природы, предпринимало противное Богу. Нѣтъ точно, говорю.--Успѣетъ ли въ чемъ нибудь силящїйся идти противъ того, котораго право на блаженство мы признали неограниченнымъ?- Ни въ чемъ.--И такъ ничто не желаетъ, и не можетъ противиться верховному благу.--Точно такъ.--Слѣдовательно верховное благо есть то, что полномочно правитъ природою, и однимъ веселїемъ покаряетъ ее власти своей. Содержанїе здѣланныхъ заключенїй, а паче всего образъ изложенїя мыслей толико утѣшительны для сердца; что не льзя не стыдиться мнѣ безумїя своего, шумный ропотъ подъемлющаго. Читалъ ты, рекла она, баснословное повѣствованїе о Гигантахъ, возставшихъ противу неба: хотя они повинны были всей ярости мщенїя, однако низложила ихъ кроткая и милостивая десница. Не желательно ли тебѣ сличить доводы? При со ударенїи лучей ихъ свѣта можетъ быть, возникнетъ искра неизвѣстной истинны. Сїе зависитъ, говорю, отъ твоей воли. -- О всемогуществѣ Бога никто не сомнѣвается.--Никто изъ здравомыслящихъ. Для Всемогущаго же, продолжала, нѣтъ ничего невозможнаго?--Конечно нѣтъ. Отсюду можно

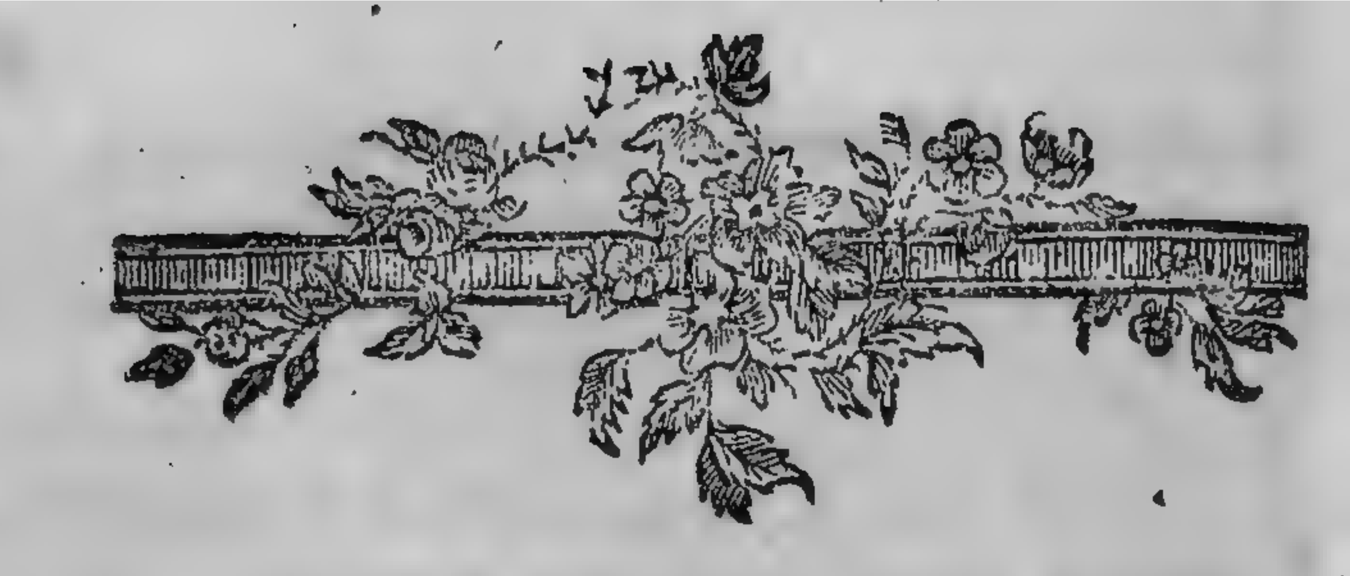
ли заключить, что и зло творить онъ силенъ? Допустить сїе, значитъ утвердить нелѣпость, отвѣтствую ей. И такъ зло, сказала, есть ничто, когда оно невозможно тому, коего силѣ все покорствуетъ. Не посмѣваешся ли слабости моей, изъ множества истиннъ составляя Лавиринѳъ, въ коемъ изумленный разумъ мой совершенно теряется; путь вхожденїя твоего въ оной кажется мнѣ тотъ же, которымъ исходишъ оттуда; и обратно. Чрезъ сїе не хочешъ ли изобразить чудесный кругъ простости Божеской? Ибо не задолго предъ симъ начавъ со блаженства, нарицала его верховнымъ благомъ; и утверждала, что обитель онаго въ самомъ Богѣ; что высочайшее благо и совершеннѣйшее блаженство есть самъ Богъ: а чрезъ сїе какъ бы подарила чемъ, сказавъ, что не будучи Богомъ, не льзя быть блаженну. Кромѣ сего, что благо составляетъ сущность Бога и блаженства; что единство ничемъ не различествуетъ отъ блага, для всѣхъ желательнаго; что Богъ вселенною правитъ, вмѣсто кормила употребляя благость свою; что всѣ твари повинуются своему Творцу, принося однѣ вольныя жертвы; и что зло есть одна мечта. И сїе доказывала ты причинами не со стороны взятыми; но

врожденными людямъ, и къ сердцу ближайшими. --- Соразсужденій моихъ съ тобою цѣль есть отнюдь не шутки, а самое важное дѣло, которое Богъ уже помогъ мнѣ окончить, внявъ молитвамъ моимъ. Таковъ точно существа Божія образъ, что оно ни отъ себя ни на едину черту не отступаетъ; ниже заимствуетъ чтолибо извнѣ. Шаръ Сферической, по словамъ Парменида, есть точное изображеніе его. Когда доказательства, не извнѣ взятыя, но въ сущности вещи, о которой мы разсуждали, кроющіяся, здѣсь предложены были: то нѣтъ причины удивляться сему правилу Платонову, что сказуемыя вещи свойственными имъ и выраженіями должны быть объясняемы.

Щастливъ, кто могъ узрѣть источникъ благъ прозрачный;
Щастливъ, кто разорвалъ узилища чувствъ мрачны.
Супруги милой смерть оплакивавъ Орфей,
Толико трогающъ далъ лирѣ тонъ своей,
Что даже естества онъ побѣдилъ уставы:
Привелъ въ движеніе недвижимы дубравы;
Казалось, что лѣса со мѣстъ своихъ бѣгутъ;
И рѣки, восхитясь игрою, не текутъ.
Оставивши боязнь, въ томъ мѣстѣ лань тѣснилась;
Гдѣ страшныхъ львовъ толпа могуществомъ гордилась,
И заецъ робка тварь, что видя пса дрожитъ,
Но трепетно тогда съ нимъ вмѣстѣ возлежитъ.
Когда же сердцемъ онъ такъ сильно уязвился,

Что облакъ горестей съ часу на часъ густился;
Звукъ струнъ, который могъ собою всѣхъ плѣнить,
Когда не сталъ его ни сколько веселить:
Тогда онъ съ жалобой туда свой ходъ направилъ,
Гдѣ вѣчнымъ мукамъ быть предвѣчный предуставилъ
Витийство здѣсь то всіо Поэзіи излилъ.
Здѣсь знаніе свое въ музыкѣ онъ открылъ,
Которымъ мать его родная просвѣтила;
Все, то, что сильная печаль ему внушила;
Чтобъ въ жалость жителей Тенарскихъ привести,
И за собой жену изъ ада возвести.
Треглавый стражъ стоялъ совсѣмъ какъ изумленный
Симъ новымъ пѣніемъ до крайности плѣненный.
Уже и грозные къ винознымъ Божества,
Отмстители злодѣйствъ безсмертны существа;
Видъ строгій премѣнивъ, на жалость преклонились
И слезъ своихъ струей печальной окропились.
Не чувствовалъ уже тѣхъ мщеній Иксіонъ,
Которыя себѣ навлекъ за дерзость онъ;
Танталъ, что при рѣкахъ водъ жаждою томился,
Отъ несмерпимыхъ узъ сей казни разрѣшился;
И коршунъ пѣніемъ тогда доволенъ былъ;
Рвать печень Тиція на части позабылъ;
Не могъ и судія самъ тѣней не смягчиться;
Нещастному сему доколѣ, рекъ, томиться?
Быть такъ: Орфея мы любезной наградимъ,
И лирой куплену супругу отдадимъ.
Но сей столь рѣдкій даръ умѣримъ мы закономъ,
Кой презря, никакимъ не тронетъ насъ струн-
тономъ.
„Изъ нашихъ выходя онъ Тартарскихъ темницъ,
„Не долженъ обращать назадъ своихъ зеницъ.„
Кто страстно любящимъ законы полагаетъ!
Всѣхъ паче правъ любовь собой располагаетъ.
Почти ужъ оставлялъ онъ преисподній мракъ.
И вскорѣ бы жены былъ безпрепятственъ зракъ;

Но не стерпя увы! назадъ онъ обратился;
Узрѣлъ жену, еяжъ убійцей въ мигъ явился.
Вы! точно быть должны предметомъ басни сей,
Имущіе другой свѣтъ цѣлію своей.
Смотрящій, какъ Орфей, на дольная со страстью,
Такомужъ, какъ и онъ, подвергнется нещастью:
Себя лишитъ всего, что лучшее влечетъ,
Коль областью себя лишъ чувственной займетъ.



СОДЕРЖАНІЕ

ЧЕТВЕРТОЙ КНИГИ.

Боецію удивляющемуся, отъ чего добродѣтельные идутъ путемъ терновымъ; а порочные цвѣтами устланной стезею, старается доказать; что первые всегда были и будутъ сильны, какое бы ни постигло ихъ зло; послѣдніе же, пользуясь всѣми дарами щастія, подлежатъ крайнимъ слабостямъ; тѣмъ награды; симъ казни опредѣлены. Порочные еще нещастнѣе бываютъ; когда намъ кажется, что они остаются не наказаны, а наипаче, когда преступленія ихъ соединены съ обидою ближняго. Послѣ сего опредѣляетъ: что такое есть промыслъ? что судьба? Напослѣдокъ увѣряетъ, что всякой случай пріятный или противный людямъ, есть хорошъ самъ въ себѣ.

Когда Философія со всею важностію, особѣ ея свойственною, пропѣла сію

стихи, занимающіе умъ и услаждающіе сердце; тогда, я еще не совсѣмъ забывъ душевную скорбь, глубоко пустившую корень свой, прервалъ напряженіе голоса ея, еще нѣчто говорить желавшей. Предвозвѣстница солнца истинны! возопилъ къ ней; всѣ слова доселѣ слышанныя, въ отношеніи и къ понятіямъ о Богѣ и къ основательности твоихъ умствованій, мнѣ кажутся непреоборимыми. Хотя чувствіе обидъ мнѣ причиненныхъ, давно истребило оныя изъ памяти; однако заключающагося въ нихъ смысла я не совсѣмъ не зналъ прежде сего. Самою главною причиною моего негодованія есть то, что зло существуетъ, или проходитъ безъ наказанія въ мірѣ, котораго правитель есть существо благое. Разсуди сама, колико страненъ одинъ сей случай. Но къ сему неустройству въ свѣтѣ присоединено другое большее. Въ царствованіе нечестія добродѣтель не только награды лишается, но повержена, и безжалостно попираема, лежитъ у ногъ порока, пія горькую чашу казней, злодѣямъ должную. Когда происходитъ сіе въ царствѣ всевѣдущаго, всемогущаго, притомъ одно благо предметомъ своея воли имѣющаго Бога: то какъ надивиться довольно, такъ и жалобъ соразмѣрныхъ несправедливо-

сти такой, произнести никто не может.--- Явленіе сіе крайняго бы достойно было изумленія, и смотрѣть на оное показалось бы ужаснѣе всяких чудовищъ; ежели бы, соотвѣтственно твоимъ мыслямъ, въ домѣ толь великаго, такъ сказать, хозяина, весьма порядочно расположенномъ, уважались одни скудельные сосуды, а златые и сребряные остались въ небреженіи: но сего не бываетъ. Если заключеній, недавно выведенныхъ, не оспориваешь теперь: то изъ свойствъ Творца, о царствѣ коего простираемъ нашу рѣчь, тотчасъ познаешъ; что честные люди всегда находятся въ силѣ, злые же отвержены отъ Бога, и подлежатъ всякимъ слабостямъ; что порокъ отнюдъ не можешъ остаться безъ наказанія, равно какъ добродѣтель безъ награды. Добродѣтельные спокойно и благополучно живутъ, имѣя внутренняго свидѣтеля ихъ честности; а нечестивые вѣчно имѣютъ пасмурное чело, по причинѣ совѣсти напоминающей имъ, что съ приращеніемъ грѣхопаденій возрастаютъ и ожидающія ихъ наказанія. Подобныхъ симъ множество причинъ, кои по усыпленіи жалобъ, заставятъ тебя крѣпко держаться утверждаемаго мною. А какъ образъ истиннаго блаженства и сущ-

ность его уже давно извѣстны тебѣ: то умственно протекши все, что за нужное почитаю предварительно объяснить тебѣ, напослѣдокъ покажу путь въ отечество ведущій; сверьхъ сего прикрѣплю къ душѣ твоей сродныя ей крылѣ, дабы смущенные помыслы проженувъ далече отъ себя, невредимъ ты возлетѣлъ въ отечество свое, и почилъ тамо, подъ моимъ предводительствомъ, моею стезею и въ моей возницѣ.

Подобно птицамъ я одарена крылами,
Чрезъ кои смежною бываю съ небесами.
Пусть только быстрый умъ къ себѣ ихъ прикрѣпитъ,
То съ омерзѣніемъ на шаръ земный воззритъ,
Безмѣрно воздуха пространство прелетая,
И мрачны за собой всѣ тучи оставляя.
Кого движенье Еѳирное живитъ:
Куда не можетъ огнь, въ тѣ страны тотъ паритъ;
Тогда, какъ въ звѣздные онъ краи устремится,
И по одной стезѣ съ свѣтиломъ гордымъ мчится:
Иль Марса въ слѣдъ несясь, которой изъ Планетъ,
Краснѣйшіе лучи и большій свѣтъ льетъ:
Или къ Сатурну быстръ полетъ свой направляя,
Гдѣ мразность царствуетъ жестокая, сѣдая:
Иль обтекая кругъ тьмочисленныхъ Міровъ,
Которыми красясь, нощный сіяетъ кровъ.
Когдажъ симъ образомъ вездѣ перебываетъ;
Тогда на обонъ-полъ вселенной поспѣшаетъ,
Чтобъ на Еѳирные взлетѣть ему хребты,
Гдѣ будетъ зрителемъ предвѣчной красоты.
Здѣсь Скипетры земнымъ Владыкамъ раздающій!

Здѣсь создано уже творить непрестающій!
Что движетъ вихрями Міровъ, покоясь самъ,
Разполагаетъ всемъ, сообразясь вещамъ.
Какъ только во страну сію ты возвратишся,
О коей позабывъ, всечасно суетишся:
Нынь помню, скажешъ, здѣсь отечество мое!
Отсюда получилъ я бытіе свое!

По выслушаніи сея пѣсни, сказалъ я, очень пышны обѣщанія твои; однако надѣюсь, что ты въ состояніи исполнить ихъ. Стоитъ только удовленное вниманіе мое не прерывать медленностію. -- Съ самаго начала удостовѣрься въ томъ, что добродѣтельныхъ всюду сопровождаетъ могущество, а порочныхъ крайняя слабость. Истинны сіи одна другую доказываютъ. Ибо когда благо и зло противныхъ свойствъ между собою; то по допущеніи силы перваго, откроется безсиліе втораго: если ломкость зла будетъ извѣстна; не льзя сумнѣваться о твердости блага. Но дабы совершенно склонить тебя на мое мнѣніе; для сего двумя способами буду доказывать оное, утверждая предложеніе наше то съ той, то съ другой стороны. Два суть начала, отъ коихъ зависитъ каждый плодъ дѣяній человѣческихъ: воля и могущество. Никто не предпріемлетъ того, чего не желаетъ; а совершенно безсильнаго воля остается безуспѣшною. И такъ видя

стремящагося къ какой нибудь цѣли, и не достигающаго оной, надежно заключишь, что не достаетъ въ немъ силы. Это очень ясно, говорю ей, и не оспоримо со всѣхъ сторонъ. Но всякой въ томъ, что въ состоянїи учинить, сильнымъ; а чего не можетъ, безсильнымъ считаться долженъ. -- Признаюсь.-- Помнишъ ли послѣдствїе доводовъ прежнихъ, коего смыслъ таковъ: каждое намѣренїе воли человѣческой, которою движутъ тысяща желанїй, имѣетъ одну цѣль, т. е. блаженство? Помню, отвѣтствую ей, и сїе было мнѣ доказано. Приводишъ ли на мыслъ себѣ, что блаженство есть тоже, что благо; а по сему желанїе блаженства всегда бываетъ сопряжено съ желанїемъ блага? Нѣтъ нужды, говорю, приводить, когда оно живо изображено въ памяти.-- Можно ли заключить отсюда, что всѣ вообще люди, какъ добрые, такъ и злые стремятся къ добру?-- Какъ не можно?-- Впрочемъ извѣстно, что чрезъ полученїе добра дѣлаются добрыми.-- Правда.-- Слѣдственно въ добродѣтельныхъ не существуетъ ли совершенная соразмѣрность силъ и желанїй?-- Такъ и мнѣ кажется.-- Но ежели бы злые достигали желаемаго; не могли бы оставаться злыми.-- Такъ точно.-- А когда для

тѣхъ и другихъ желательно добро; но одни получаютъ оное, а другїе всю жизнь проводятъ въ прехожденїи отъ одного призрака къ другому: то ни малѣйшей нѣтъ причины сомнѣваться въ могуществѣ честныхъ людей и въ слабости злыхъ. Кто, говорю ей, о семъ сумнѣвается: тотъ ни сущности вещей, ни послѣдствїя доказательствъ разумѣтъ не можетъ. Положимъ, продолжала она, два человѣка, которымъ было бы предложено одно и тоже производить естественнымъ образомъ; но одинъ изъ нихъ началъ бы дѣйствовать слѣдуя порядку природы; другой же такъ поступать не могъ, и свойственнымъ природѣ образомъ не исполнилъ предложеннаго ему дѣла, а только бы подражалъ исполняющему: то котораго изъ нихъ почелъ бы ты сильнѣйшимъ? Хотя угадываю, говорю ей, что ты чрезъ сїе внушить мнѣ хочешъ; однако желаю, чтобъ ты пространнѣе о семъ сказала.-- Допущаешъ ли, что движенїе ходящаго есть естественно людямъ?--- Какъ не допустить?-- Не сомнѣваешся ли въ томъ, что ногъ должность приводитъ въ дѣйство движенїе сїе?-- Ни мало.-- И такъ если кто въ состоянїи будучи ходить на ногахъ, начнетъ посредствомъ ихъ переносить себя съ мѣста на мѣсто; а другой, кото-

раго ноги къ исполненію сего долга не способны отъ природы, будетъ двигаться, опираясь на руки: кого изъ нихъ сильнѣе признать надлежитъ? Продолжай, говорю ей, далѣе рѣчь свою; ибо никто не сумнѣвается, что могущій въ дѣйство производить естественныя дѣла сообразно естества законамъ; есть крѣпчайшій того, кто не въ состояніи здѣлать сіе.— Верховнаго блага, которое для избиранія добрымъ и злымъ людямъ равно предложено, первые тщатся достичь поступками природою предписанными; т. е. благими дѣлами: а послѣдніе силятся получить его разными не позволенными прихотями, для успѣха въ намѣреніи употребляя средства совсѣмъ противныя оному. Уже ли ты иначе мыслишъ о семъ?— Никакъ нѣтъ; не токмо сказанное теперь, но и послѣдствіе онаго очевидно. Уступленное мною увѣрительно доказываетъ добродѣтельныхъ крѣпость, а порочныхъ безсиліе.— Правильными сужденіями предваряешь меня, и это (какъ обыкновенно врачи питаются надеждою) есть хорошій знакъ; видно, что природа твоя очень хорошо сопротивляется болѣзни. А какъ нынѣ усматриваю въ тебѣ великую охоту и способность распространить округъ ду-

шевнаго зрѣнія; то изъ причинъ цѣлую цѣпь составлю, и предложу тебѣ. Посмотри самъ, не слабосильны ли развратные люди, когда не могутъ достичь того, къ чему ведетъ, и почти нудитъ ихъ естественная склонность? Что съ ними послѣдуетъ, ежели лишатся толико сильныхъ и не преодолимыхъ побужденій? Что, ежели яснѣйшій лучь, коимъ природа озаряетъ путь къ блаженству, угаснетъ? Но подробнѣе разсуди о ихъ слабости. Предметъ подвиговъ ихъ не маловажныя и смѣха достойныя награды, которыхъ они достигнуть и получить не могутъ: но высочайшее и совершеннѣйшее добро; и не успѣваютъ въ томъ, для чего развлекаются дневными и нощными суетами. Съ сей точки зрѣнія могущество добродѣтельныхъ весьма примѣтно. Ибо самъ ты сознался бы въ быстротѣ и легкости того, кто, кромѣ ногъ собственныхъ ничего не пріемля въ помощь себѣ, обозрѣлъ бы всѣ удобопроходимыя части поверхности земной: для чего же не признать сильнымъ обладателя вещи, полагающей предѣлъ всѣмъ желаніямъ? Отсюду паки видна противулежащая сторона; т. е. что безсиліе есть вѣчный спутникъ злонравія. Ибо почто люди, не радя о добродѣтели, пре-

даются пороку? Отъ невѣденія ли: что полезно и что вредно для нихъ? Если такъ, то льзя ли быть слабѣе слѣпоты невѣжества? Или понимаютъ то, чему слѣдуютъ? Но мы видимъ, что мятежныя прихоти дѣлаютъ ихъ безсмысленными и опромѣтчивыми при всякомъ шагѣ, такъ, что они суть совершенные плѣнники невоздержности, отъ коей изсякаетъ весь источникъ крѣпости. Или на конецъ зная свойства добра, и желая его, отверзаютъ сердце впечатлѣніямъ всякой грѣховной мерзости? Въ семъ случаѣ не только сильными быть, но и существовать перестаютъ; ибо уничтожается то, что измѣняетъ концу всеобщему. Иному можетъ показаться странно, что о злыхъ, (коихъ большая часть зрима въ свѣтѣ,) говорю такъ, какъ о не сущихъ: однако сіе есть неоспоримая истинна. Я не отрицаю, что злые, яко злые, находятся въ мірѣ: но не допущаю того, чтобъ они существовали въ чистомъ и прямомъ смыслѣ слова сего. Человѣческій трупъ назовешъ ты человѣкомъ мертвымъ; но просто человѣкомъ нарещи не можешъ: такимъ же образомъ порочные, въ качествѣ порочныхъ не изключены изъ союза вещей; но колеблюсь допустить бытіе ихъ во всей

силѣ слова сего. Ибо существуетъ то, что держится порядка, и природѣ слѣдуетъ: а измѣняющее ей, измѣняется и въ своемъ существѣ. Но возразишъ мнѣ: злые всю еще со способностiю дѣйствовать. И я не отрицала бы сего; еслибы способность ихъ вела начало свое отъ силъ, а не отъ слабости. Они способны ко злу, которое было бы невозможно для нихъ, когда бы утвердили себя во благѣ. Таковая возможность яснѣе всего доказываетъ ничтожность ихъ могущества. Ибо ежели зло (какъ мы не давно заключили) есть сущее ничто; то они, будучи способны ко одному злу, ни къ чему суть не способны. Сiе довольно вразумительно. Но дабы зналъ ты степень могущества добрыхъ: для сего предварительно сказала я, что блага верховнаго ничто не превосходитъ силою.-- Справедливо сiе.-- Но не можетъ оно зла творить.-- Это правда.- Отсюда слѣдуетъ ли заключить, что порочные сильнѣе добродѣтельныхъ? Заключитъ развѣ одинъ безумецъ. Мощность ихъ, возразила она, простирается даже до зла.-О ежели бы она не простиралась!-Когда убо всесиленъ есть способный токмо къ добру, а не тѣ существа, коихъ бытiе кромѣ добра еще зломъ ознаменяется: то самая возможность творить зло есть несу-

мнительный знакъ безсилїя. Сверхъ сего было показано, что могущество полагаетпся въ числѣ вещей, достойныхъ быть цѣлїю человѣческой воли; и что все желательное относится ко благу, какъ ко главѣ своей. А возможность грѣшить не можетъ отнестися ко благу; слѣдственно не надобно желать ея. Впрочемъ сама природа внушаетъ желанїе быть сильнымъ. И такъ возможность творить злое, не доказываетъ могущества. Все сїе подтверждаетъ добродѣтельныхъ крѣпость, а развратныхъ крайнюю слабость. Отсюда явствуетъ истинна Платонова мнѣнїя: что одни мудрые могутъ дѣлать то, что хотятъ; порочные же занимаются не тѣмъ, что удовлетворяетъ ихъ волѣ, но что льститъ одной чувственности, увлекающей волю за собою. Ибо ища въ забавахъ края желанїй своихъ, подъемлютъ всякїя тяжести; но тщетны бываютъ труды ихъ, суетны усилїя. Законный блаженства наслѣдникъ есть человѣкъ добрый а не злонравный.

Похъяты отъ земли на вознесенной тронъ,
Въ порфиру и драгой одѣянны виссонъ,
Отвсюду воиновъ ограждены толпою:
Но злополучнѣе всѣхъ кажутся судьбою,
Не различаяся въ дѣянїяхъ отъ злыхъ.
Лишь титловъ не мѣшать въ сужденїя о нихъ:

Увидишь, что всякъ часъ ихъ бременятъ оковы,
Минулъ ли плѣнъ какой? они впадаютъ въ новый.
Здѣсь гнѣвъ надъ разумомъ верхъ завсегда беретъ
Когда волненіе въ крови произведетъ:
Они снѣдаются тоской, то вплѣнъ попавши,
То ложною себя надеждою ласкавши.
Одинъ служа столько тираннамъ человѣкъ,
Свободы сладостной во весь не вкуситъ вѣкъ:
Желаній края онъ отнюдь не достигаетъ,
Коль пагубнымъ страстямъ себя порабощаетъ.

И такъ видишь ли, колико пре зрителенъ жребій безчувственныхъ к добродѣтели? какой свѣтъ озаряетъ любящихъ ея? Сіе ясно доказываетъ необходимость наградъ добрымъ людямъ а злымъ истязаній. Предпріятій человѣческихъ конецъ, для котораго производится какое дѣло, есть возмездіе. Тако чрезъ поприще текущему предлежитъ въ награду вѣнецъ, которой побудилъ его яться бѣгу. Но я показала, что блаженство есть то самое благо, которое влечетъ къ себѣ всѣхъ умы и сердца? Слѣдовательно можно назвать его возмездіемъ подвиговъ, простирающимся до всѣхъ людей. При томъ благо сіе есть нераздѣлимо отъ честныхъ; ибо отнюдъ не назовутъ честнымъ того, кто въ себѣ не имѣетъ онаго. Посему благонравіе не остается безъ наградъ, ему принадлежащихъ. Слѣдовательно, сколькобъ злые ни

ополчались противу добрыхъ; вѣнецъ славы вѣчно не спадетъ со главы мудраго мужа, и вѣчно украшать его будетъ. Ибо красота, добродѣтели сродная, отнюдъ несовмѣстна нечестію. Если бы добродѣтельной человѣкъ увеселялся добромъ, извнѣ полученнымъ: то или другой кто могъ бы у него похитить оное; или самой тотъ, кто его надѣлилъ имъ. Веселящая совѣсть есть слѣдствіе благонравія; и посему никакъ не можетъ быть въ злой душѣ. Напослѣдокъ, ежели награда потому желательна, что нарицается благомъ; то участвуя въ послѣднемъ, льзя ли не имѣть перваго? Какая же награда? Всѣхъ прочихъ изящнѣйшая и превосходная. Возобнови въ памяти послѣдствіе не давно выведенное и послѣ заключай такъ: когда благо есть одно знаменительное слово съ блаженствомъ; то для чего благонравіе не признать за средство содѣлаться блаженнымъ? Блаженнымъ же свойственно быть богами. Слѣдовательно награда честныхъ людей, которую ни время истребить, ни власть уменьшить, и ни нечестіе другихъ затмить не можетъ, состоитъ въ томъ, что они дѣлаются божествами. Если сіе истинно; то о наказаніи, всюду преслѣдующемъ злыхъ, никто здравомыслящій не усумнится

также. Благо и зло, равно какъ наказаніе и награда, совершенно различны между собою: то бывающему при награжденіи добрыхъ людей должно такъже противное соотвѣтствовать, когда злые истязываются. Но всякій истязуемый не колеблясь, скажетъ; что истязывая его, даютъ ему чувствовать зло, а не благо. Слѣдственно порочные, (если только безъ пристрастія посудятъ о себѣ самихъ,) могутъ ли считать себя ненаказанными, когда мерзостію золъ не токмо мучимы, но и заражены бываютъ? Съ противолежащей стороны добрыхъ, посмотри теперь на наказаніе, сопровождающее злыхъ. Не задолго предъ симъ я показала тебѣ, что всякое существо содержитъ въ себѣ единство, и сіе единство есть благо. Изъ чего слѣдовало заключить, что каждая вещь, по видимому, должна быть добра въ своемъ существѣ; что уклоненіе отъ блага уничтожаетъ ее; что развращенные перестаютъ быть, чемъ были прежде. Впрочемъ наружность еще извѣщаетъ, что они были нѣкогда человѣки; а человѣчества лишились, предавшись увеселеніямъ чувствъ, а не разума. Изкаженнаго убо пороками никакъ не можешъ почитать человѣкомъ. Томится ли жаждою корысти наглый грабитель? Уподобишъ его

волку. Лютый и безпокойный нравъ занимаетъ ли языкъ клеветою и злословіемъ? Соравнишъ съ собакою. Внутренно не радуется ли умысливший неправду, которой не льзя другимъ примѣтить? Равенъ будетъ лисицамъ. Скрежещетъ ли зубами, и возмущаетъ воздухъ своимъ крикомъ запальчивый? Почтутъ его носящимъ въ себѣ львиное сердце. Одержимый робостію, и къ бѣгу склонный, не трепещетъ ли того, что совсѣмъ не опасно? О таковомъ заключатъ, какъ о боязливомъ животномъ. Въ праздности ли кто, и мракѣ невѣжества иждиваетъ время свое? Сей живетъ какъ оселъ. Легкомысленъ и превратенъ будучи въ своихъ мысляхъ, ежечасно не перемѣняетъ ли кто свои желанія? Тотъ ни чемъ не разнствуетъ отъ пернатыхъ и вѣтра. Погружается ли кто во блатѣ мерскихъ и нечистыхъ похотей? Тотъ наслаждается удовольствіемъ, свиніѣ сроднымъ. И такъ, (поелику прехожденіе изъ состоянія человѣческаго въ божеское не совмѣстно людямъ управляемымъ чувственностію,) нечестіе лишая людей человѣчества, превращаетъ ихъ во звѣрей.

По долгомъ плаваньи, Улисса вѣтръ пригналъ
Ко острову, гдѣ градъ сооруженъ стоялъ,

Жилище красоты отъ многихъ отличенной
Богини, сѣменемъ вождя планетъ рожденной;
Къ которой новый гость какъ скоро приплываетъ,
Очарованное тому питье даетъ.
Волшебница сія во что не премѣняетъ?
Инаго странника въ кабана превращаетъ:
Въ льва Мармарицкаго преобразившись сей,
Пріемлетъ крѣпость всю его зубовъ, ногтей,
Тотъ въ волка превращенъ коль плакать начинаетъ;
То голосомъ, звѣрамъ симъ свойственнымъ, рыдаетъ,
Облекся тигра въ плоть Индійскаго другой:
Но царствуетъ въ душѣ его глубокъ покой.
Не могъ Аркадскій богъ на жалость не склониться
Заразѣ не далъ сей на ихъ вождя излиться:
Которой множествомъ иныхъ бѣдъ отягченъ.
Но изъ гребцовъ никто отъ яду не спасенъ:
Его испивши, весь видъ прежній потеряли,
Звѣрями ставъ, себя позвѣрски и питали.
Едина ихъ душа избѣгнула премѣнъ,
Оплакивающа себѣ несродной плѣнъ.
Какъ руку слабою волшебную не счесть?
И сколь ничтожно зло трава сильна нанесть!
Видъ внѣшній измѣнить конечно имъ возможно;
Но естество людей есть вѣчно, непреложно.
Такой духъ крѣпости въ ихъ лонѣ сокровенъ,
Которой веществу отнюдь не подчиненъ.
Тотъ человѣчества скорѣе ядъ лишаетъ,
Что душу самую смертельно уязвляетъ:
Своею ѣдкостью насквозь все проходя,
А тѣлу слабому ни сколько не вредя.

За симъ, признаюсь, сказалъ я, что порокъ дѣйствительно преобразуетъ людей въ дикихъ звѣрей; хотя внѣшній образъ человѣчества и остается

при нихъ. Но что касается до нечестія, со всею лютостію устремляющагося на добродѣтель, то мнѣ не желательно, чтобъ оно было успѣшно.- Тщету и суетность его не премину доказать тебѣ въ приличномъ мѣстѣ. А здѣсь скажу, что по лишеніи ихъ сего мнимаго могущества весьма много облегчится ихъ наказаніе. Ибо (что можетъ быть не вѣроятно покажется иному;) надлежитъ съ ними послѣдовать большему нещастію, когда совершатся желанія ихъ; нежели тогда, когда не могутъ они удовлетворить своей волѣ. Если хотѣнія простирать къ беззаконному есть бѣдственно; то способность производить ихъ въ дѣйство, еще бѣдственнѣе; безъ которой плодъ воли слѣпотствующей оставался бы въ предѣлахъ одной возможности. Почему, (ибо каждое подвержено своей крайности) тройственное нещастіе преслѣдуетъ тѣхъ; которые желаютъ, могутъ творить и содѣваютъ злое.--Здраво заключаешъ: однако очень бы я доволенъ былъ, когдабъ они поскорѣе избавились злополучія сего, лишась возможности грѣшить. Избавятся, отвѣчала, еще скорѣе, нежели какъ ты хочешъ; или нежели какъ сами они помыслятъ о своемъ освобожденіи. Толико въ тѣсныхъ предѣлахъ жизни сея нѣтъ

ничего такого, чего бы ожиданіе душа будучи безсмертна, почла долговремен-нымъ: и притомъ великая злыхъ надежда, огромная и высокая беззаконій машина часто и здѣсь обрушивается, сверхъ всякаго чаянія; что поистиннѣ умѣряетъ ихъ бѣдность. Ибо ежели нечестіе бѣдными дѣлаетъ; то по мѣрѣ времени, какъ долго человѣкъ служитъ ему, нужно увеличиваться и самой бѣдности. Я сочла бы людей злой получнѣйшими изъ всѣхъ тварей под солнцемъ: если бы злости ихъ не пре-кращала смерть, послѣдняя черта вещей. Нанесеніе сіе для меня странно; и хотя трудно допустить его; однако вижу, что оно крайне сходствуетъ съ принятымъ прежде за истинну.--Здраво ты мыслишъ: кто не соглашается на заключеніе; тотъ долженъ или доказать, что нѣкоторая ложъ таится въ предъидущемъ; или увѣрить, что изъ сличенія предложеній не слѣдуетъ такъ заключать. Иначе уступивъ предъидущее, безумно спорить о нанесеніи. Ибо и сіе, о чемъ имѣю предложить еще, покажется не меньше удивительнымъ; но оно есть необходимое слѣдствіе прежнихъ истиннъ. Что такое, спрашиваю у ней? Порочные наказуемые, отвѣчала, гораздо щастливѣе остающихся ненаказанными. Не намѣрена я

здѣсь доказывать общими мыслями; т. е. что мщеніе за законъ и страхъ мученій исправляютъ злые нравы, и выводятъ ихъ на прямый путь; что страданія ихъ бываютъ для прочихъ побужденіемъ удаляться предосудительнаго: другую покажу тебѣ причину сего, почему больше бѣдствуютъ не наказанныя нечестивцы, не пріемля въ разсужденіе ни исправленія ихъ, ниже вліянія истязаній на нравственность другихъ. --- Прошу открыть.--Прежде признали, или нѣтъ, мы добрыхъ щастливыми, а злыхъ нещастными? Признали, отвѣчаю ей. Если убо, продолжаетъ она, провождающій жизнь въ смутныхъ часахъ, въ утѣшеніе себѣ получитъ какое нибудь добро; бѣдность его не будетъ ли сноснѣе бѣдности того, для котораго едино зло живо?--- Такъ и мнѣ кажется.--Къ сему нещастію пусть еще новое зло присоединится, тогда участь не будетъ ли горестнѣе прежней? и не гораздо ли она тягостнѣе судьбы, облегчаемой сопричастіемъ въ добрѣ нѣкоемъ?--Какъ же не такъ?--Слѣдовательно караемые злодѣи еще пользуются нѣкоторымъ добромъ, разумѣю здѣсь самое наказаніе, которое, въ отношеніи къ правосудію, есть благо. Они избѣгая мученій, навлекаютъ на себя нѣчто большее со-

дѣяннаго ими зла, а именно ненаказанность. Не могу отрицать.--И такъ преступники не законно освобожденные отъ наказанія, гораздо злополучнѣе вкушающихъ отъ чаши мщенія за законъ. Итакъ сугубо грѣшатъ тѣ судіи; кои не даютъ имъ чувствовать мукъ достодолжныхъ.---Кто сіе оспоритъ?-- Никто также и сего не будетъ оспоривать, что всякая справедливость есть добро, и всякая неправда, зло.-- Все сіе есть послѣдствіе вышшихъ заключеній; но мнѣ желательно знать: допущаешъ ли какія наказанія смерти совозслѣдствующія? -- Величайшія; онѣ состоятъ въ болѣзненномъ чувствіи, толикожъ вѣчномъ, какъ и душа. Но я не намѣрена теперь разсуждать о семъ. Все сказанное къ тому клонится, дабы зналъ ты, что могущество злыхъ, котораго вовсе не заслуживающими они казались тебѣ, есть одна мечта; что наказанія неизбѣжны для нихъ и въ сей жизни; что возможность, о скоромъ коей прекращеніи ты просилъ Бога, есть не долговременна: что съ продолженіемъ ея увеличивается и бѣдствіе человѣка; которой былъ бы нещастливѣйшій изъ всѣхъ смертныхъ, ежели бы она вѣчно оставалась при немъ. Напослѣдокъ, дабы увѣрился ты, что гораздо тягостнѣе жребій преступни-

ковъ несправедливо освобожденныхъ отъ наказанія, нежели пострадавшихъ отъ руки правосудной. Слѣдовательно злые люди, которыхъ считаютъ ненаказанными, еще больше страждутъ.--Вникая въ твои доводы, думаю я, что справедливѣе ихъ ничто быть не можетъ. Но если обратить вниманіе на общія о семъ сужденія человѣческія; то утверждаемое тобою не токмо не вѣроятно, но и недостойно слуха кажется. Правду говоришъ, рекла она. Ибо очей своихъ, пріобыкшихъ ко тьмѣ, люди никакъ не могутъ возвести на ясной свѣтъ истинны. Они уподобляются птицамъ, видящимъ предмѣты только въ нощное время. Совратившись съ того пути, которымъ ведетъ ихъ природа, и одни пожеланія страстей избирая себѣ въ руководителя, щастіемъ почитаютъ вольность грѣшить, и ненаказанность. Но уставъ Законодавца природы есть таковъ. Ежели выборъ твой будетъ управляемъ изяществомъ вещей; то нѣтъ тебѣ нужды въ судіи, награду опредѣляющемъ; самъ ты прилѣпился къ лучшему. Послѣдовалъ ли въ тебѣ перевѣсъ на худдьшую сторону? Внѣ себя не ищи мстителя за то; отъ собственной неусмотрительности уже самъ хватаешъ зло подъ видомъ блага. Тако попеременно взирая на

исполненную мерзостей землю, и на небо, (предполагается такое время, въ которое окружающія тебя вещи всѣбы изчезли) казался бы ты то смѣсившимся со бреніемъ, то сущимъ у звѣздъ. Безсмысленный народъ сему не внемлетъ. Чтожъ изъ того? Уже ли мы должны примѣнять свои сужденія къ мыслямъ подобныхъ звѣрамъ? Еслибъ слѣпотствующій забылъ и то, что онъ прежде пользовался зрѣніемъ; и думалъ при томъ, что онъ имѣетъ всѣ чувственныя орудія: то усматривающихъ въ немъ недостатокъ сей, уже ли бы мы за слѣпыхъ почли? Ибо такъ же не успокоятся они и въ сей, равно неоспоримой, истиннѣ: что нещастнѣе суть причиняющіе, нежели терпящіе обиду. Желалъ бы я самъ, говорю ей, выслушать причины тому.--Уже ли будешъ отрицать, что всякой развратный достоинъ мести?--Никакъ.--О злополучіи же нечестивцовъ увѣрены мы съ разныхъ сторонъ. Правда, отвѣчаю ей. Слѣдственно ты не сомнѣваешся и о бѣдности заслуживающихъ наказаніе. На все согласенъ.--И такъ предположивъ, что ты судія обстоятельно свѣдущій о всемъ происходившемъ съ судимыми, оскорбившаго, или оскорбленнаго судилъ бы достойнымъ наказанія? конечно, пострадавшаго удоволь-

ствовалъ бы я мученіемъ озлобителя.-Такимъ образомъ нещастнѣе бы казался тебѣ обидѣвшій, нежели обидимый.--Подавши согласіе на предъидущее, надлежитъ допустить и послѣдствіе онаго.--Почему какъ сія мысль: что нечестіе само по себѣ есть зло для людей, такъ и другія изъ нея, яко отрасли изъ корня, возникающія, совершенно оправдываютъ положеніе наше, то есть: нанесенная обида творитъ нещастнымъ не притѣсненнаго, но притѣснившаго. Нынѣ же, говоритъ она, совсѣмъ иначе поступаютъ Ораторы. Ибо о пострадавшихъ и огорченныхъ силятся возбудить въ судіяхъ сожалѣніе вмѣсто того, чтобъ побуждать ихъ жалѣть больше о обидѣвшихъ: которыхъ къ суду, аки болящихъ ко врачу, должны обвинители призывать не съ разъяреннымъ на нихъ духомъ, но съ любовнымъ и сострадательнымъ; чрезъ что защитниковъ стараніе или вовсе было бы не дѣйствительно, или, если желаютъ доставить какую нибудь пользу человѣчеству, премѣнилося бы въ образъ обвиненія. Преступники самые, хотя сквозь малѣйшее отверстіе воззрѣвши на сокровища добродѣтели ими оставленной, кроющіяся подъ ея стопами; и усмотрѣвъ, что болѣзни, ощущаемыя

при наказанїи, смываютъ съ нихъ всѣ нечистоты порока. Преступники говорю, въ чаянїи примириться съ совѣстїю, претерпѣваемыя мученїя конечно сочли бы добромъ для себя; отвергнули бы стряпчихъ ходатайство, во всемъ предавшись волѣ доносителей и судей. И вотъ почему, сердца мудрыхъ никогда не возмущаются болѣзненнымъ теченїемъ крови, отъ ненависти раждаемымъ. Ибо добрыхъ, изключая самаго безсмысленнаго, будетъ ли кто ненавидѣть? А злымъ быть зложелателемъ вовсе нѣтъ причины: потому что порокъ есть болѣзнь душевная. Но если страждущїе тѣломъ заслуживаютъ не ненависть, а сожалѣнїе о нихъ; то кольми паче надлежитъ не утѣснять, но щадить тѣхъ людей, надъ коихъ душею тиранствуетъ злонравїе лютѣйшее всякой немощи тѣлесной.

Что пользы матежей толико возбуждать:
И собственной рукой нить жизни пресѣкать?
Коль разрѣшиться вамъ желательно отъ тѣла,
Не мните, чтобы смерть приходомъ къ вамъ коснѣла:
Не тщится умѣрять она быстръ бѣгъ коней,
Не рѣдко вземлюща среди весеннихъ дней.
Которыхъ левъ, тигръ, вепрь, медвѣдь, змѣй уязвляютъ,
Взаимно тѣ мечемъ другъ друга закалаютъ.
Сварливый ли сего началомъ есть ихъ нравъ?
Иль отдаленность странъ? или несходство правъ?

Что страшный иногда свирѣпствуетъ огнь брани,
И звѣрству платятся постыднѣйшія дани.
Сей лютости не льзя прямой причины дать
Заслугамъ хочешъ ли ты должное воздать?
Люби незлобіемъ и правдою живущихъ,
И сожалѣй о злыхъ, правъ честности не чтущихъ.

Теперь понятно мнѣ благополучіе и злополучіе, истые плоды добродѣтели и порока. Однако всїо еще не могу увѣриться, чтобъ щастіе, и простонародно понимаемое, нѣкоего добра не заключало въ себѣ. Ибо никто изъ здравомыслящихъ не пожелаетъ лучше претерпѣть ссылку, убожество и безславіе; нежели жить въ изобиліи, быть въ уваженіи, силѣ, и находясь въ своемъ отечествѣ, украшаться отличіями. Знаки нравственнаго правленія яснѣе зримы бываютъ, когда судьба народа находится во власти человѣка мудраго и добродѣтельнаго, особливо когда законъ, темница и прочія истязыванія собственно принадлежатъ пагубнымъ гражданамъ, для коихъ оныя и уставлены. И такъ видя, что все превратно течетъ въ мірѣ, что дань беззаконія налагается на добродѣтель; что грабительство ненаказанно простираетъ руку на право безсилія, крайне недоумѣваю и желаю знать причину толикаго неустройства и безобразія въ свѣтѣ? Меньше бы я удивлялся сему,

когда бы вѣрилъ: что начало всѣхъ сущихъ въ мірѣ перемѣнъ зависитъ отъ слѣпаго случая. Понятіе же зделанное о Богѣ, правителѣ вселенной, еще увеличиваетъ мое изумленіе; и если нѣтъ причины тому, для чего онъ добрыхъ иногда надѣляя пріятною, а злыхъ горестною судьбою, часто подвергаетъ первыхъ крайней бѣдности, а послѣднихъ желанія увѣнчаваетъ успѣхомъ; то явленія сіи, не знаю, будутъ ли сколько нибудь различествовать отъ случайной дѣлъ встрѣчи. Ни мало не удивительно, отвѣчала на сіе, ежели кто, не постигая чертежа природы, мыслитъ, что дѣйствія ея въ величайшемъ находятся замѣшательствѣ. Но хотя и не извѣстна тебѣ причина сего расположенія; однако зная, что благій правитель все вѣсомъ и мѣрою устрояетъ, ни мало не сумнись о томъ, что безъ довольной причины ничего не бываетъ въ мірѣ.

О свойствѣ сѣверныхъ звѣздъ кто не извѣстился,
Путь коихъ съ западомъ такъ тѣсно съединился,
Что чуть не коснутся верьха вечернихъ водъ;
Въ движеньи отъ чего медлителенъ Воотъ,
Не скоро въ Океанъ огонь свой погружающъ,
Но звѣзды прочія восходомъ предваряющъ:
Тотъ въ изумленіе великое придетъ,
Не знавъ, какимъ путемъ въ природѣ все течетъ.
Когда весь кругъ Луны казаться долженъ ясенъ,

Пусть сталибь блѣдными рога ея отъ пятенъ;
Пусть въ мигъ бы звѣздный свѣтъ въ нощи быть виденъ сталь
Которой полныя луны блескъ помрачалъ:
Явленія сіи людей бы взволновали,
Которы изумясь, въ мѣдь частобъ ударяли (*)
На Коръ волнуемой всякъ смотритъ не чудясь,
Что страшно онъ реветъ, на берега лиясь;
И что Фебъ снѣжныя громады распускаетъ,
Когда ихъ жаркими лучами освѣщаетъ:
Причину можно всѣмъ здѣсь безъ труда узнать,
Тамъ неизвѣстности тѣхъ могутъ колебать,
Которыхъ рѣдкое столѣтье производитъ:
Къ вамъ изступленіе съ нечаянностью ходитъ,
Невѣденія мракъ былъ толькобъ удаленъ:
Тогда никто ни чѣмъ не будетъ изумленъ.

Справедливо говоришь. Но поелику ты взялась открывать источникъ всего неизвѣстнаго, и довольную причину всѣхъ странныхъ явленій: то прошу нынѣ исполнить обѣтъ свой; и какъ оныя приводятъ разумъ мой въ крайнее замѣшательство, подробнѣе изъяснить ихъ. Тогда она осклабясь, рекла: предметъ смятенныхъ мыслей твоихъ, которой изслѣдовать нынѣ побуждаешъ меня, затруднительнѣе всѣхъ прочихъ,

(*) Г. Боецій здѣсь мѣтилъ на суевѣріе тѣхъ народовъ, кои при всякомъ странномъ явленіи ударяли въ мѣдь. Симъ они чаяли отвратить зло отъ себя: ибо все необычайное считали предзнаменованіемъ какого нибудь бѣдствія.

такъ что едва ли можно обнять оный умомъ. Ибо онъ такого свойства, что по изглажденіи одного сумнѣнія о немъ, другія безчисленныя, какъ главы Гидры, возникаютъ: и одна огненная живость разума можетъ остановить сіе. При разсужденіи о сей матеріи, обыкновенно вопрошаютъ о простости промысла, о связи судьбы, о внезапныхъ случаяхъ, о знаніи и предопредѣленіи Божескомъ, и о свободности воли: все сіе рѣшить, коликаго стоитъ труда, самъ ты понимаешь. Но какъ рѣшеніе сего входитъ такъ же въ составъ врачеванія тебя; то постараемся отвѣтствовать на всѣ вышеозначенные вопросы, хотя мы и въ тѣсныхъ заключены предѣлахъ времени. Ежели пѣніе музъ веселитъ душу твою: то сіе сладостное чувствованіе надобно отложить, доколѣ въ порядокъ привожу доказательства мои, и изъ соединенія ихъ составляю нѣчто цѣлое. Покорствую, сказалъ я, воли твоей. За симъ, какъ бы посторроннѣе взявъ за начало рѣчи, разсуждала такимъ образомъ: Происхожденіе и бытіе каждаго существа перемѣнами сопровождаемаго, движимость, зависимость, порядокъ, внутреннѣе и наружное строеніе суть плоды неизмѣняемаго Божескаго разума. Сей разумъ въ неизмѣримой объятно-

сти простѣйшія умныя дѣятельности начерталъ многоразличныя виды вещей, еще прежде существованія ихъ. Таковой чертежъ, въ отношеніи къ чистѣйшему свѣту Божія разумѣнія, нарицается Промысломъ; а въ разсужденіи того, что движетъ и устрояетъ Богъ, древніе наименовали судьбою. Различіе того и другаго удобно примѣнитъ тотъ, кто вникнетъ въ ихъ сущность. Промыслъ есть дѣйствіе общаго всѣхъ Творца, располагающее Вселенною: а судьба есть самой порядокъ въ дѣйствіи движимыхъ существъ, посредствомъ коего промыслъ крѣпитъ въ особенности всѣ части свѣта, крѣпитъ и весь міра составъ. Промыслъ совсѣмъ тѣмъ, что вещи различны и неисчислимы суть, вдругъ объемлетъ оныя: а судьба приводитъ въ движеніе всякую изъ нихъ порознь, коимъ назначено свое мѣсто, свое образованіе и свое время бытія, такъ, что осуществленіе порядка здѣланнаго въ умѣ Божескомъ, есть промыслъ: а изъявленіе его во времени именуется судьбою. Оба они различествуютъ между собою; однако одно другому подчинено. Роковой порядокъ есть слѣдствіе промысла. Художникъ сперва въ умѣ начертываетъ образъ вещи, еще не покоренной зако-

намъ времени, которую зДѣлать намѣренъ; и потомъ уже приступаетъ къ произведенію ея: такъ и промыслъ отъ вѣка имѣетъ присущь себѣ планъ всей вселенной; а судьба слѣдуетъ его предписанію въ назначеніи мѣста и времени творимому Богомъ. Слѣдственно, хотя потаенъ образъ вліянія судьбы на міръ, которое пусть кто хочетъ пояснять чрезъ дѣйствія или служебныхъ духовъ, или души міра, или всея природы, или чрезъ движеніе тѣлъ небесныхъ; или наконецъ теченіе вещей безпрерывною цѣпію послѣдующихъ, пусть припишетъ кто силѣ и искусству всѣхъ или нѣкоторыхъ Ангеловъ; однако въ каждомъ случаѣ пребудетъ истинною сіе, что въ разумѣ Божескомъ представленный чертежъ вещей, созидаться имѣющихъ, недвижимый и простый есть промыслъ: судьба же есть временной порядокъ и союзъ оныхъ, до того бывшій ничто, но послѣ начавшій двигаться. И такъ что покорено судьбѣ, то покорено и промыслу, изъ правилъ котораго и судьба отнюдъ не можетъ выступать. Но есть существа, которыя завися отъ промысла, неподчинены судьбѣ. Они будучи близки къ первому Божеству, не измѣняются ни въ чемъ, и удалены отъ непостоянства, которое изъ колесъ, около одной оси вер-

тящихся ближе всѣхъ къ средоточію, то болѣе и сходствуетъ съ нимъ, и само дѣлается почти средоточіемъ прочихъ, окружающихъ его: внѣшній же самый вращаясь по окружности, величиною превышающей окружность внутреннихъ, чемъ далѣе становится отъ недѣлимой точки, въ срединѣ его поставленной, тѣмъ паче разширяется: и ежели которой нибудь изъ сихъ круговъ соединившись съ средоточіемъ, заступитъ одно и тоже мѣсто съ нимъ; сложность свою перемѣнитъ на простость, и престанетъ внутрь себя заключать множество мѣстъ и обширность. Подобнымъ образомъ, что отъ самосущнаго разума отстоитъ дальше, то ощущаетъ и сильнѣйшее вліяніе судьбы, которое ослабляется по мѣрѣ приближенія ко всеобщему средоточію. Кто уже совершенно приближился къ неизмѣняемости Всевышняго существа: тотъ ставъ недвижимъ, преодолѣваетъ всѣ насильствія рока. Слѣдовательно, какъ относится къ существующему раждающееся, къ вѣчности время, къ средоточію кругъ; такъ же относится роковая цѣпь послѣдствій измѣняющихся къ простости промысла, котораго всѣ дѣйствія суть единообразны. Судьба движетъ небо и всѣ тѣла небесныя, въ смѣшеніи стихій хранитъ размѣръ,

и взаимною ихъ мѣною преобразуетъ вещи. Она не допущаетъ уничтожиться ни единому роду животныхъ и растѣній, изъ коихъ каждое раждается изъ своего сѣмени, кроющагося въ нѣдрахъ природы. Она даже дѣянія и жребій людей связуетъ неразрывнымъ союзомъ съ ихъ началами. А какъ все сіе уставлено неизмѣннымъ промысломъ; то и должно быть неизмѣнно. Ибо самой лучшій бываетъ образъ міроправленія, когда сущая въ Божескомъ умѣ простость, даетъ природѣ чертежъ извѣстный и опредѣлительный; а сей чертежъ изъ назначенныхъ предѣловъ выйти не позволяетъ вещамъ, перемѣнѣ подверженнымъ, въ коихъ иначе не нашли бы мы ничего кромѣ смѣшенія и безпорядка. Слѣдственно, хотя вамъ не могущимъ изъяснить многія темныя мѣста плана, по которому вселенная правится, все кажется неустройствомъ и безпорядкомъ: при всемъ томъ не можете отрицать, что во всѣхъ событіяхъ и въ самыхъ случайныхъ дѣлъ встрѣчахъ, живо изображена Премудрость, все устрояющая во благое. Ибо и тѣ люди, кои цѣну бытія знаютъ по одному чувственному услажденію, цѣлію дѣйствій никакъ не предполагаютъ зла. Что ища блага, хватаютъ они тѣнь онаго; причиною сему

не законъ міродержца, но ихъ собственныя заблужденія. Но возразишь мнѣ на сіе: можетъ ли быть худьшее неустройство въ свѣтѣ, когда добродѣтель то щастлива бываетъ, то изнемогаетъ въ забвеніи и бѣдности: такъ какъ одни порочные не находятъ никакихъ препятствій своимъ желаніямъ, а другихъ жизни путь бываетъ весьма тягостенъ?-- Человѣческія сужденія о нравственности уже ли почитаешь ты безошибочными? О добродѣтеляхъ и порокахъ отзывы людей весьма разногласны; за что въ одной странѣ награждаютъ, за то въ другой казнятъ. Уступимъ, что человѣкъ можетъ различать добрыхъ отъ злыхъ: въ состояніи ли онъ узнать внутреннее, какъ о тѣлахъ говорится, душъ сложеніе. Ибо не знающій такъ же чудомъ почтетъ сіе, отъ чего для однихъ тѣлъ здравыхъ полезно употреблять сладкую, а для другихъ горькую пищу и питіе? Почему иныхъ болящихъ изцѣляютъ слабыя, а другихъ крѣпкія лѣкарства? Но врачь знающій, въ какомъ положеніи человѣкъ здоровый, и въ какомъ больной находится, и понимающій сложеніе страждущихъ, ни мало не удивляется тому. Чтожъ почесть здравіемъ душъ; если не благонравіе? Что болѣзнію, какъ не злонравіе? И

кто строитель всякаго блага, или оберегатель отъ золъ; какъ не Богъ, Владыка и целитель умныхъ силъ? Онъ взирая съ высоты промысла, узнаетъ, что есть сроднаго каждой изъ вещей, и всѣмъ сроднымъ надѣляетъ ихъ. И такъ непремѣнный порядокъ природы потому людямъ кажется страненъ, и потому приводитъ всѣхъ ихъ въ изумленiе; что извѣстенъ единому Творцу. Ибо (соразмѣрно силамъ ума человѣческаго, словомъ коснемся нынѣ глубины Божеской) образъ дѣйствiй всевѣдущаго промысла не всегда, кажется имъ, сходствуетъ со свойствами того, котораго признаетъ праведнымъ и вѣрнымъ блюстителемъ истинны. Но и Луканъ, очень извѣстный намъ человѣкъ, сказалъ: *побѣждающая сторона богамъ угодна была, а побѣжденная Катону.* Почему узрѣвши на земли произшедшее что либо сверхъ твоего чаянiя, надежно защищай, что благоустройство находится во всемъ мiрѣ; смѣсь же существуетъ въ одномъ людей восбраженiи. Предположимъ такого человѣка, благонравiе коего и людямъ не сумнительно, и Богу прiятно: но можетъ быть не имѣетъ онъ великодушiя; слѣдственно, страшась лишиться земнаго щастiя, коего впрочемъ не льзя бы согласить съ честно

стію, очень близокъ онъ къ развращенію; ежели съ нимъ встрѣтятся, какія бы то ни было огорченія. Для сей причины рука, раздающая блага, щадитъ того, которой чрезъ нещастіе можетъ потерять величайшее изъ сокровищъ добродѣтель; дабы терпѣнія путемъ отнюдъ не шелъ тотъ, съ наклонностями котораго удручаемая бѣдность несовмѣстна. Иной украсилъ себя пресвѣтлымъ ликомъ всѣхъ добродѣтелей, и чрезъ то весьма приблизился къ божеству: то провидѣніе несправедливымъ дѣломъ считаетъ, вести его по стезѣ терніемъ устланной, и отвращаетъ отъ него даже тѣлесныя немощи. *Ибо тѣло мужа святаго*, по словамъ гораздо вышшаго меня, *есть жилище силъ*. Добродѣтельные люди часто бываютъ Оракулами своего вѣка, главными Народоправителями, чтобъ притупить жало нечестія усиливающагося. Богъ даетъ нѣкоторымъ чувствовать горести и утѣхи міра, такъ же сображаясь со нравами. Однихъ дни безоблачные претворяетъ въ мрачные, дабы душа ихъ, упоенная щастіемъ, не разтворенным никакою желчію зла, не поработила себя распутству; для коего часто ничего священнаго не бываетъ: другихъ добродѣтель искушается страданіями, кото-

рыми злые наказуются, а добрые утверждаются во благѣ. Однихъ душа приходитъ въ разслабленіе, и погружается въ уныніе отъ страха подвергнуться бѣдствіямъ удобопреносимымъ; другіе исполнены невнимательности къ нещастію, по наступленіи котораго неуваженіе ихъ уступаетъ въ сердцѣ мѣсто печали и сокрушенію. Таковыхъ промыслъ болѣзненными приключеніями ведетъ къ самопознанію. Нѣкоторые смерть достойную хвалы потомства предпочитая долговременной жизни, часто расторгали цѣпи, привязывающія человѣка къ міру. Иные преслѣдованіями разврата ни мало не поколебавшись въ терпѣніи, примѣромъ своимъ увѣрили прочихъ, что добродѣтель непобѣдима отъ зла. Что всѣ сіи приключенія носятъ на себѣ очевидные знаки благости и премудрости Божеской, слѣдственно всегда клонятся ко благу тѣхъ людей, съ коими встрѣчались, сіе есть истинна несумнительная. Тѣ же суть начала щастія и нещастія людей злонравныхъ. Послѣднее никого не приводитъ въ удивленіе; поелику всѣ увѣрены, что злые должны быть, и бываютъ предметомъ всеобщей ненависти. Раны, коими рука правосудія поражаетъ ихъ, для прочихъ страшнымъ творятъ омоченіе устъ въ чашѣ

грѣха; возъимѣвшаго же дерзновенiе вкусить отъ нея вразумляютъ. А первое научаетъ добрыхъ безпогрѣшительно судить о благахъ, часто и пороку служащихъ. Есть люди толико опрометчивые и ропотные, что убожество вмѣсто того, чтобъ исправить, еще ожесточаетъ ихъ въ злодѣйствѣ. Таковыхъ немощь врачуетъ промыслъ богатствомъ. Они вникая въ мятущуюся совѣсть свою, и сличая жизнь со своимъ жребiемъ, можетъ быть, трепещутъ, при воображенiи о потерѣ вещи имъ прiятной. А какъ лишиться щастiя ужасно для нихъ: то измѣняются во нравахъ, и становятся добрѣе. Иные неправедно обогатившись, погибли отъ руки насилiя. Нѣкоторымъ изъ нихъ уступлено право быть стражами закона, дабы честные отъ страха быть жертвою ихъ лютости, не ослабѣвали въ добродѣтели; а относительно ко злымъ, служили бы они бичемъ гнѣва Божiя. Какъ благонравiе не можетъ имѣть общенiя со злонравiемъ: такъ же и развратные не могутъ быть единогласны. Какоежъ послѣдствiе сего? Когда по причинѣ различiя пороковъ, терзающихъ совѣсть, развратные бываютъ не одинакихъ мыслей; и не рѣдко раскаеваются даже въ своихъ поступкахъ: то промыслъ Божiй отсюда извлекъ и

показалъ свѣту важное чудо; а именно, злые властелины не рѣдко добрыми дѣлаютъ своихъ подчиненныхъ. Мысль о развратности ихъ увеличиваетъ горесть наказаній; и потому истязуемые дыша ненавистію на своихъ мучителей, часто возвращались къ обильной жатвѣ добродѣтели, стараясь ни въ чемъ не сходствовать съ тѣми, коихъ взоръ имъ ненавистенъ. Поелику Богъ силенъ есть обращать зло столь же премудро и свято, какъ добро, ко всеобщему благу; допущая оное или по неизбѣжности, или желая чрезъ то доставить лучшее совершенство, или большее несовершенство отвратить. Каждое звѣно міра такъ стройно, что выступивъ за предѣлы одного какого порядка, неизбѣжно дѣлается членомъ другаго; дабы безразсудности ничего возможнаго не было въ царствѣ промысла. Но я не имѣю столько силъ, чтобъ проникать всю бездну судебъ Божескихъ, и тебѣ повѣдать о ней. Притомъ въ тѣсномъ округѣ ума человѣческаго не могутъ помѣститься понятія о всѣхъ орудіяхъ, употребляемыхъ промысломъ. Ограничимъ убо наше любопытство познаніемъ токмо сего: что Богъ, Творецъ всея природы, обращаетъ каждой случай къ пользѣ; а какъ требуетъ, и еще печется самъ, чтобъ твари изоб-

ражали его совершенства; то вселенная совершенно не приступна злу. Слѣдовательно почитаемое отъ другихъ излишествомъ, тебѣ покажется необходимымъ, когда умственно воззришъ на планъ промысла. Но вижу, что ты обремененъ трудностію вопроса сего, и изнемогъ отъ продолжительности рѣшенія онаго: и потому, можетъ быть, ожидаешъ, чтобъ я облегчила слухъ твой пріятностію стихотвореній. Се вода изъ Кастальскихъ источниковъ почерпнутая! Испѣй ея, дабы не сказать мнѣ ни одной такой истинны, коя не здѣлала бы впечатлѣнія въ умѣ твоемъ.

Планъ, по которому Вселенной правитъ Вышній,
Когда желаешъ ты еще яснѣе видѣть:
Воззри внимательно на высоту небесъ.
Тамъ бывшій искони свѣтила миръ блюдутъ,
Залогомъ коего есть общее устройство.
Фебъ двигнутый огнемъ, питающимъ природу,
Теченія Луны не запинаетъ хладной:
Созвѣздіе, что ходъ свой въ вихряхъ совершаетъ,
Вкругъ свѣта полюсовъ вращаяся всегда,
Во слѣдъ другихъ отнюдъ не погрузится въ море.
Въ опредѣленный часъ нощь вечеръ предвѣщаетъ:
Люциферъ красны дни, вскрывающъ тьмы завѣсу.
Любовь начало естъ коловращенья вѣчна,
И царства мирнаго, что въ звѣздныхъ зришъ краяхъ,
Ея же правиламъ подчинены Стихіи,
Сухая, влажная, союза не терпя,
Взаимно бы мѣста одна другой давали,

Что бы со мразомъ зной войны не начиналъ,
Огонь туда летѣлъ, гдѣ вѣчна тишина,
Отъ тяжести земля всегда стремилась долу.
Онажъ причиною весеннихъ всѣхъ цвѣтовъ,
И обонянїю и очесамъ любезныхъ,
Во время лѣтнее, живительнаго зноя,
Что лишнюю сосетъ мокроту изъ растѣнїй,
Плодовъ, которыми Творецъ вѣнчаетъ осень,
И снѣжнаго ковра, что стелетъ вамъ зима.
Мїръ оживляющїй прекрасной сей порядокъ
Рожденїя вещей и смерти есть виновникъ.
Притомъ Творецъ на все сїе зритъ съ горьнихъ мѣстъ,
Поддерживая самъ существъ предлинну цѣпь.
Владыка всѣхъ, Господь, источникъ и начало,
Премудрый судїя, законодатель свѣта;
Громады движимы къ той точкѣ возвращаетъ,
Съ которой начали онѣ чертить круги,
Блудящїя на путь опредѣленный ставитъ.
Когда бы не было движенїй коловратныхъ,
То вмѣсто зримаго во всѣхъ частяхъ порядка
Послѣдовала бы повсемственная смѣсь.
Всѣ вещи любятъ сей движенія законъ,
Всегда любезенъ имъ къ верховному путь благу.
Все существующе дотолѣ существуетъ,
Доколѣ держится начала своего.

Наконецъ уже ли видишъ послѣдствїе словъ вышереченныхъ? Какое, вопрошаю ее?— Вотъ! какое: не одно щастїе, но и нещастїе есть благо.— Возможно ли? Выслушай меня, ракла она. Прїятная и горестная участь ниспосылается Промысломъ или для того, чтобъ наградить и поощрить добрыхъ; или чтобъ наказать и исправить злыхъ: слѣдовательно та и другая суть добро.

Ибо одна на правосудіи основана, а другая на пользѣ. -- Преисправедливое заключеніе! И ежели разсужду о промыслѣ и о судьбѣ, которыхъ свойства не давно ты показала, то мысль сія кажется мнѣ непреоборимою. Однако позволь отнести ея ко мнѣніямъ необычнымъ для людей. Почемужъ? Вопросила меня.-- Всѣ они часто употребляютъ въ своихъ разговорахъ: такого и такого состояніе очень жалостное! -- И такъ не желательно ли тебѣ, разсужденія наши нѣсколько приспособить къ рѣчамъ народнымъ, дабы въ умствованіи своемъ не показалась я чрезмѣрно отступившею отъ обыкновенныхъ мыслей человѣческихъ? Какъ угодно, отвѣтствую ей. Почитаешъ ли добромъ полезное.-- Какъ не почитать! - Что упражняетъ человѣка во благѣ, или изкореняетъ въ немъ злыя склонности: то полезно ему.-- И сіе не оспоримо.-- Слѣдовательно есть и добро для него. Что, какъ не сіе, заключить слѣдуетъ? Но присвоить себѣ добро сіе не могутъ или подвизающіеся въ добродѣтели, и борющіеся съ бѣдствіями; или только что начавшіе защищаться отъ вихря страстей; коимъ увлеченный на всѣхъ частяхъ времени оставляетъ слѣды оковъ рабства. --- Безотрицательно сіе.---

Что касается до пріятностей жизни, наградою служащихъ добрымъ людямъ, простолюдины уже ли не почитаютъ ихъ благомъ? Никакъ нѣтъ; онѣ бываютъ предметомъ всеобщаго выбора.-- А злодѣевъ участь безъ сомнѣнія горестная, но должная и полезная, ибо въ уздѣ содержитъ ихъ; по общему мнѣнію людей заключаетъ ли въ себѣ что нибудь желательное? Она, отвѣчаю я, представляется имъ въ образѣ несноснѣйшаго состоянія.-- И такъ видишъ самъ, что мы соображаяся съ сужденіями народа, открыли такую истинну, о которой онъ никогда не мыслилъ.-- Какую?-- Изъ уступленнаго явствуетъ благополучіе тѣхъ, (какаябъ ни была участь ихъ на земли), которые или уже ублажаются въ нѣдрахъ добродѣтели, или блиски къ тому, или только что посвятили себя ей; и злополучіе развратныхъ, иногда ходящихъ по пути цвѣтами усланному, но всегда исполненному не избѣжныхъ пропастей.-- Это сущая истинна, хотя бы никто не дерзалъ сознаться въ ней.-- И такъ разумный не долженъ досадовать, когда нещастіе вооружается противъ него: равно какъ храброму мужу не пристойно негодовать на звукъ орудій военныхъ. Ибо въ обоихъ случаяхъ самая труд-

ность служитъ средствомъ послѣднему, осѣнить жилище свое лавромъ всеобщаго уваженія къ нему; а первому доказать, что добродѣтель его ни примѣрами, ни досажденіями нечестія, смертнаго ея противника, не колеблется. Добродѣтель потому добродѣтелію нарицается, что есть не преодолима. Вы смертные! коимъ предлежитъ поприще ея, поселены на землѣ не съ тѣмъ, чтобъ утопать въ забавахъ, и чрезъ нихъ изсушать источникъ жизненный; потщитесь быть выше всѣхъ приключеній, дабы ни бѣдствіе не подавило сѣменъ добродѣтели вашей; ни щастіе не развратило сердца. Держитесь, сколько можно, средняго пути. Кто съ него совращается, тотъ нерадитъ о своемъ благополучіи, и труды его остаются не увѣнчаны наградою. Ни отъ кого, какъ отъ васъ, зависитъ щастіе и нещастіе ваше. Ибо всякое мрачное облако носящееся надъ небосклономъ щастія, или упражняетъ человѣка въ добродѣтели, или изкореняетъ въ немъ привычку ко злу, или бываетъ местію.

Мста разлучившему закономъ сопряженныхъ;
Сколь долго въ Марсовомъ стоялъ Атреидъ полѣ!
Уже чрезъ десять лѣтъ онъ Трою раззорилъ!
На флотѣ Греческомъ во путь свой отправляясь,
И крови не щадилъ, чтобы по вѣтру плыть:

Отецъ былъ обнаженъ, жрецъ дщерь свою заклалъ,
Какихъ не пролилъ слезъ о спутникахъ Улиссъ?
Которыхъ Полифемъ ужасный поглотилъ,
Тогда таившійся въ пространнѣйшей пещерѣ.
Но дорого за то чудовище платило;
Оно было очей въ часъ тотъ же лишено.
Не тяжестьюль трудовъ есть славенъ Геркулесъ,
Центавровъ гордыхъ онъ на выю стать дерзнулъ,
И льва свирѣпаго лишилъ своей добычи;
Онъ мѣткою стрѣлой пернатыхъ поражалъ,
И яблоко въ глазахъ похитилъ у Дракона,
Во шуйцѣ золота тягчайшее держа;
И цѣпь на Цербера стройную возложилъ.
Тиранъ, отъ коего страдала тьма людей,
Не Геркулесомь ли въ снѣдь конямъ былъ предложенъ?
Его же отъ руки погибнулъ злобный змій,
И Ахелой рѣка при устьѣ скрылась въ землю.
Антея на пескахъ Ливійскихъ онъ сразилъ,
И смертью Какуса гнѣвъ погасилъ Евандровъ.
Твердь цѣлу рамена имѣвшія здержать,
Кабана пѣною замѣчены были;
Всѣ подвиги его тѣмь наконецъ верщились,
Что весь небесный сводъ на выѣ приподнялъ;
За что и награжденъ сожительствомъ съ богами.
Неутомимости зря таковой примѣръ,
И вы потщитесь течь симъ мужества путемъ.
Почто трудовъ яремъ толико васъ страшитъ?
Побѣда надъ землей преноситъ въ горній Міръ

СОДЕРЖАНІЕ

ПЯТОЙ КНИГИ.

Что такое есть случай; существуетъ ли свобода воли; какой образъ предузнанія Божескаго; въ какомъ разумѣ можетъ быть допущено дѣйствіе рока на міръ, здѣсь описываетъ Философія. Потомъ доказываетъ, что предузнаніе Бога не испровергаетъ свободы человѣка. Сіе предложеніе со всѣми его принадлежностями разсматриваетъ она съ самыхъ лучшихъ сторонъ; и наконецъ рѣшитъ оное.

По таковомъ разглагольствіи со мною, хотѣла она заняться разсужденіемъ другаго рода, и открытіемъ иной неизвѣстной мнѣ истинны. Я же отъ того удержавъ ея, сказалъ: увѣренія твои справедливы и достойны тебя. Но что давно я слышалъ о Промыслѣ, то нынѣ даетъ мнѣ чувствовать самый опытъ; то есть: что вопросъ о

Промыслѣ запутанъ другими многими узлами сумнѣнія. Желаю знать: почитаешъ ли случай за нѣчто существенное? И что онъ такое?-- Нынѣ поспѣшаю исполнить долгъ обѣта моего открытіемъ пути въ отечество. А предлагаемое тобою хотя очень полезно знать; однако оно отдалено нѣсколько отъ цѣли нашихъ намѣреній. Посему и надлежитъ тебѣ взять предосторожность, дабы постороннимъ не ослабить напряженіе ума, и не истощиться въ силахъ, потребныхъ къ прохожденію прямаго пути, нами проложеннаго. Въ разсужденіи сего, сказую ей, не имѣй никакого страха. Ибо познаніе того, чемъ я услаждаюсь, послужитъ мнѣ отдохновеніемъ. Коль скоро разсужденія твои получатъ самый вышшій степень вѣроятности, ни съ которой стороны не подлежа сумнѣніямъ; то не будетъ причины не довѣрять послѣдствіямъ ихъ. Тогда, покорствую, рекла она, воли твоей, и тотчасъ начала слово свое со слѣдующаго: Если кто опредѣлитъ случай чрезъ произшествіе, должное началомъ своего бытія движенію, въ которомъ участія не имѣлъ ни разумъ, ни содѣйствіе причинъ; то утверждаю, что таковый случай безъ сумнѣнія есть ничто; и признаю его, изключивъ знаменованіе вещи под-

лежащей, совершенно пустымъ звукамъ слова. Какое мѣсто можетъ оставаться несмысленности, когда Богъ все въ порядкѣ содержитъ? Мнѣніе сіе: *изъ ничего ничто не бываетъ*, толико справедливо, что никто изъ древнихъ не оспоривалъ онаго: хотя впрочемъ они понимали сіе не о дѣйствующемъ началѣ, но о подлежащемъ вещественномъ, (de subjecto materiali); то есть: о природѣ всѣхъ вещественныхъ силъ, считая ее за нѣкую основу міра. Но что произошло бы на свѣтъ безъ всякаго посредства причинъ: то въ очахъ каждаго было бы произведеніемъ ничтожества. Когда сіе противорѣчитъ разуму; то и случай не возможенъ, взятый въ прежнемъ смыслѣ. Чтожъ, говорю ей? Уже ли то есть ничтожность, что праведно назвать можно случаемъ, или случайностію? Не вѣрнѣе ли всего сказать, что оно есть нѣчто существующее въ природѣ; хотя простолюдины умомъ не постигаютъ того, чему названія сіи могутъ быть свойственны? Аристотель мой, отвѣтствовала она, въ сочиненіяхъ Физическихъ краткимъ и къ истиннѣ ближайшимъ образомъ опредѣлилъ случай.— Какъ, на примѣръ? Когда, продолжала она, человѣкъ приступитъ къ дѣлу, предложилъ себѣ

какой нибудь конецъ; но не достигши сего, получитъ различную вещь отъ той, которая была въ намѣреніи: то событіе сіе именуется случаемъ. На примѣръ, ежели бы кто для возделанія нивы плугомъ дробя землю, обрѣлъ груду злата, въ ней сокрытаго. Таковое произшествіе хотя считается случаемъ, но не есть плодъ ничтожества: ибо имѣетъ оно свои причины, отъ которыхъ не предвидѣннаго и нечаяннаго стеченія родился случай. Если бы замледѣлецъ не оралъ поля; если бы въ томъ мѣстѣ не скрылъ денегъ своихъ, желавшій соблюсти оныя: злато конечно не было бы найдено. И такъ начало всѣхъ случайностей, въ мірѣ сущихъ, есть не намѣреніе лица дѣйствующаго, но постороннія причины, внезапно встрѣчающія, и на одно что нибудь дѣйствующія. Ни закопавшій злата въ землю, ни угобжавшій ниву, не имѣли въ мысляхъ того, что оно найдется: но, какъ сказала я, въ которое мѣсто случилось первому зарыть сокровище свое, на то же самое другой разсудилъ посѣять сѣмена. Слѣдовательно опредѣлить случай можно такимъ образомъ: случай есть событіе нечаянное, относительно къ намѣренію лица, послѣдовавшее изъ содѣйствія причинъ. А стеченіе силъ и дѣйствіе

ихъ на одно чтолибо, произходитъ изъ порядка природы, въ коемъ содержащїяся вещи неизбѣжно слѣдуютъ одна за другою, и которой самъ завися отъ Промысла, творитъ все во время свое, и въ своемъ мѣстѣ поставляетъ.

Изъ каменистыя Ахаменской горы,
Гдѣ врагъ той самою стрѣлой бываетъ раненъ,
Которую пустилъ въ бѣгущихъ отъ него,
Евфратъ и Тигръ текутъ слїянно межъ собой,
Но скоро такъ тещи они перестаютъ.
Они сливаются вторично подъ конецъ,
Смѣживъ все плывшее раздѣльно до того:
Влекомые водой обломки и суда.
И видъ теченїя отъ случая зависитъ:
Однакъ смѣшенїя и раздѣленья водъ,
Причина кроется во положеньи мѣстъ.
Такимъ же образомъ обуздана судьба,
Котора и тогда природы чинъ хранитъ,
Когда вамъ кажется отъ узъ разрѣшена.

Понимаю твои мысли, и во всемъ согласенъ я съ тобою. Но по допущенїи сея связи причинъ, дѣйствующихъ на одинъ какой нибудь предметъ, не испровергнется ли свободность нашей воли? И самое дѣйствованїе душъ человѣческихъ не будетъ ли, такъ сказать, обложено цѣпью роковою? Никакъ нѣтъ, рекла. Потому что разумное существо не можетъ быть безъ силы, свободно хотящей, и свободно мысля-

щей. Что отъ природы можетъ поль- зоваться свѣтомъ разума, то имѣетъ способность различать вещи; слѣдо- вательно самъ собою знаешъ, чего убѣ- гать, и къ чему прилѣпляться надле- житъ. Кто признаетъ вещь за пред- метъ достойный желанїй; тотъ си- лится получить ея, а отъ недостой- ной удаляется. И такъ существа ра- зумныя желаютъ и отвращаются без- принужденно. Однако, не во всѣхъ на- ходится одинакїй степень свободы. Ибо вышшїя и къ божесшву ближай- шїя существа имѣютъ проницатель- ный умъ, не поврежденную волю и со- вершенную соразмѣрность могуществ- и желанїй. Что касается до душъ человѣческихъ, то надлежитъ имъ быть свободнѣе, когда онѣ созерцаютъ Бо- жескїй разумъ: понижается сїе свой- ство, сродное однимъ духамъ, когда съ превыспренняго Неба низпадаютъ въ область вещества, особливо, ежели еще тѣлесными членами связуются. Крайнему подвергаются рабству, если мракъ страстей, затмивъ свѣтильникъ совѣсти ихъ, утвердитъ надъ ними владычество чувственности, обильнѣй- шаго и единственнаго источника золъ. Ибо преставъ взирать на самосущную и превѣчную истинну, коль скоро онѣ низведутъ очи свои на сїю мрачную

юдоль; то тотчасъ покроетъ ихъ облако невѣжества и пристрастій, прольется на нихъ ядъ порока, отравляющій всѣ пріятности жизни; и сіе плѣненіе зависитъ нѣкоторымъ образомъ отъ собственнаго ихъ произволенія. Но отъ вѣчности предвидящій все, и промышляющій о мірѣ Богъ, недрѣмлющимъ окомъ взираетъ на сіе, и располагаетъ сообразно качествамъ вещей. Ничего нѣтъ не проницательнаго для очей Его; къ услышанію всего внемлющія ушеса Онъ имѣетъ.

Какими не вознесъ свѣтъ солнечный хвалами,
Сладчайшими Гомеръ вѣщающій устами:
Однако Фебъ своихъ блистаніемъ лучей
Не можетъ проникать земли нѣдръ и морей.
Отнюдъ сего съ Творцемъ вселенной не бываетъ:
Онъ отъ высотъ небесъ въ мигъ все обозрѣваетъ,
Ни черной мглы нощей, ни толщи мрачныхъ тѣлъ,
Очамъ его признать не можемъ за предѣлъ.
Что было, нынѣ есть, и что впредъ случится,
То окомъ разума Его мгновенно зрится.
Его лишь солнцемъ льзя тебѣ прямымъ назвать,
Единъ онъ силенъ все живить и освѣщать.

За симъ говорю ей: еще большее прежняго сумнѣніе паки затмѣваетъ мои понятія. Что за сумнѣніе, она вопросила меня? Но уже сама угадываю причину твоего смущенія. Кажется мнѣ, отвѣчалъ я, противорѣчіемъ сіе: Богъ

предузнаетъ все грядущее, и свобода человѣческая чрезъ то не испровергается. Ибо если Богъ все предусматриваетъ, и ни въ чемъ не можетъ быть обманутъ: то каждой вещи существованіе необходимо, которой событіе предвидѣно имъ. Слѣдовательно ежели Онъ не только дѣла человѣческія, но намѣренія и склонности отъ вѣка видитъ; то свободность воли уже не можетъ имѣть мѣста. Одни тѣ дѣйствія и желанія воспослѣдовать могутъ, которымъ предшествовало знаніе безошибочнаго предувѣденія Божескаго. Ежели вещи въ другую сторону, нежели куда направленіе ихъ прежде примѣчено было, уклониться могутъ: то Богъ будетъ имѣть уже не твердую способность проникать мракъ будущности, а мнѣніе неизвѣстное; на каковое о Богѣ понятіе согласиться, значитъ отступить отъ разума. Никакъ не одобряю я и тотъ способъ, коимъ нѣкоторые надѣются разрѣшить узелъ вопроса сего. Ибо говорятъ они: Не событіе вещи зависитъ отъ предузнанія, но предузнаніе отъ событія; чрезъ что неизбѣжность вся упадаетъ на противоположную сторону. Поелику, продолжаютъ они, предузнаніе никакъ не дѣлаетъ неминуемымъ бытіе случиться имѣющаго; но будущему пред-

видѣну быть Богомъ непремѣнно нужно. Какъ будто бы затрудненіе состояло въ претолкованіи сихъ двухъ вопросовъ: предузнаніе ли есть виною необходимости грядущихъ вещей; или необходимость грядущихъ предузнанія? Но я потщусь доказать теперь, (какой бы ни былъ порядокъ причинъ и ихъ соотношенія,) что неизбѣжность завсегда бываетъ сопряжена съ произшествіемъ вещей предвидѣнныхъ, хотя бы предузнаніе Божіе и не влекло ея за собою. На примѣръ если кто сидитъ, то мысль о сидѣніи его, неминуемо должна быть справедлива: и обратно ежели истинно заключеніе о чьемъ либо сидѣніи, то сидѣніе есть непремѣнное дѣйствіе. Слѣдовательно необходимость находится въ обоихъ случаяхъ: въ одномъ необходимость сидѣнія, а въ другомъ истинны. Однако каждый не потому сидитъ, что другіе безпогрѣшительно заключаютъ о такомъ его положеніи; но для того вѣрно знаютъ сіе, что сидѣніе предшествовало ихъ мыслямъ. И такъ хотя въ одномъ изъ оныхъ надлежитъ искать начала справедливости; однако какъ то, такъ и другое подлежитъ равной неминуемости. Такимъ же образомъ должно судить о предувѣденіи и о будущихъ вещахъ. Ибо предваритель-

ное свѣденіе о нихъ хотя основываешся на событіи ихъ; и послѣднее отнюдь не зависитъ отъ перваго: совсѣмъ тѣмъ непремѣнно нужно со стороны Бога напередъ знать имѣющее случиться, а со стороны предвидѣннаго явиться существомъ: что одно довольно служитъ къ испровержению свободы человѣческой. Къ томужъ коликая превратность мыслей, событіе временныхъ вещей почитать виною превѣчнаго знанія? Думать: Богъ потому предвидитъ грядущее, что оно осуществится нѣкогда, не значитъ ли тоже, что верховное предувѣденіе подчинять давно случившемуся? Сверхъ сего, какъ неминуемо бытіе того, о чемъ точно знаю, что оно существуетъ; равно неизбѣжно послѣдованіе будущаго, о которомъ я безошибочно увѣренъ. И такъ событіе вещи предузнанной есть не обходимо. Напослѣдокъ кто иначе о вещи, нежели каковою она есть, мыслитъ; тотъ имѣетъ не знаніе, а мнѣніе обманчивое, далеко отстоящее отъ вѣрности перваго. Предположивъ убо явленіе вещи будущей неизвѣстнымъ, и могущимъ не воспослѣдовать, льзя ли будетъ предузнать ее? Какимъ образомъ самому знанію не совмѣстенъ примѣсъ лжи; также и предметъ его не можетъ имѣть свойствъ, различныхъ отъ приписуе-

мыхъ ему. Ибо точность знанія основана на томъ, чтобъ всякая вещь непремѣнно была такою, какою понимають ее посредствомъ онаго. Чтожъ? какой будеть образъ предварительнаго Божія знанія о будущемъ неизвѣстномъ? Ежели онъ почитаетъ непремѣннымъ будущее событіе тѣхъ вещей, кои могутъ и не быть; обманывается: такъ о Богѣ мыслить не токмо есть безумія знакъ, но и изрещи дерзко. Когда Богъ о грядущемъ заключаетъ такъ, что оно равно можетъ быть и не быть; то что сіе за предузнаніе, которое въ себѣ не заключаетъ ничего вѣрнаго, ничего постояннаго? И чемъ оно разнствуетъ отъ сего прорицанія Тиресіи, смѣху достойнаго: *что скажу; то или сбудется, или нѣтъ?* Богъ утверждаясь на началахъ, присвоительныхъ мнѣніямъ и догадкамъ человѣческимъ, какой бы успѣхъ возъимѣлъ; ежели бы Онъ подобно людямъ разсуждалъ о томъ, чего произхожденіе неизвѣстное, какъ о неизвѣстномъ? А когда мракъ сумнѣнія отнюдъ не совмѣстенъ самосущному источнику свѣта, отъ вѣчности сіяющаго; то событіе вещей имъ предвидѣнныхъ есть неминуемое слѣдствіе. Симъ испровергается свобода всѣхъ намѣреній и дѣяній человѣческихъ: безпогрѣшительное предузнаніе Божеское

творитъ ихъ непремѣнными. По допущеніи сего, не всю ли потеряютъ цѣну дѣла человѣческія? Ибо не будетъ уже причины награждать добрыхъ, и злыхъ наказывать; когда самопроизвольное движеніе сердца не заслужило того. За беззаконіе вмѣнится, что теперь почитается самою справедливостію; т. е. наказаніе порока и награжденіе добродѣтели: если людей къ тому и другому роду дѣяній не собственная влечетъ воля, а нудитъ извѣстная неизбѣжность будущаго. И такъ пороки и добродѣтели не иное что были бы, какъ смѣсь ничемъ не разнствующихъ между собою дѣлъ. Уступивъ, что отъ предузнанія теченіе и порядокъ всѣхъ явленій зависитъ, и предпріятія человѣческія не суть вольныя; виною пороковъ нашихъ надобно будетъ поставить Творца благъ всяческихъ; чего развратнѣе можетъ ли быть мысль какая? Слѣдовательно, не было бы причины ни надѣяться, ни просить. Ибо почто имѣть упованіе на Бога, или возсылать къ нему мольбы; когда все желаемое, такъ сказать, оковано цѣпью послѣдствій непремѣнныхъ? Такимъ образомъ пресѣчется у человѣка единственное съ Богомъ сообщеніе, то есть, надежда и молитвы. Цѣною достодолжнаго уничиженія предъ Создателемъ

сподобляемся жить подъ Его благодатію; и оно, какъ сказали мы, есть единственный способъ человѣчеству разглагольствовать съ Божествомъ, и съ симъ неприступнымъ Свѣтомъ прежде, нежели начнемъ созерцать Его соединиться: то (если Богослуженіе, допустивъ необходимость событія грядущихъ вещей, надобно признать ни къ чему не служащимъ,) помощію чего возмогутъ люди совокупиться съ верховнымъ Владыкою Вселенной, и въ немъ успокоеваться? Слѣдственно родъ человѣческій, ставъ отдѣленъ отъ своего начала, неизбѣжно будетъ подлежать тлѣнію и ничтожности.

Какому приписать враждебну существу
Начало мятежей противныхъ естеству?
Какогобь Божества такъ дѣйствовала сила,
Что между истиннъ двухъ брань страшну поселила?
Коль частное о нихъ сужденіе идетъ,
Тогда всякъ съ разумомъ за сходны признаетъ,
А если межъ собой онѣ соединятся,
И защищавшіе начнутъ ихъ отрицаться.
Не правдаль, что у нихъ вражды нѣтъ никакой,
И непремѣнную блюдутъ связь межъ собой?
Но мрачнымъ веществомъ нашъ разумъ обложенный,
Въ предѣлахъ зрѣнія до крайности стѣсненный,
Не можетъ въ тонкость весь союзъ вещей познать.
Почтожъ онъ мучится желаніемъ понять?
Увѣренъ ли, что зрѣть скорбей источникъ тщится?
Но знать извѣстное, кто столько суетится?
Когда что изъ вещей сокрыто отъ него?

То слѣпо къ оному стремится для чего?
Кто неизвѣстнаго когда нибудь желаетъ?
Льзяль слѣдовать тому, что умъ не постигаетъ?
Невѣждѣль съ истинны кровъ темный совлекать?
Или открытую ему ли разпознать?
Когда душа была еще не воплощенна,
И свѣтлостей святыхъ не столько отчужденна,
Моглаль какъ общихъ свойствъ вещей не понимать,
Такъ и различія ихъ сущностей не знать?
Хотя ее мгла чувствъ отвсюду окружила,
Но теперь себя не вовсе позабыла,
Знать общее вещей дано и нынѣ ей.
И цѣлью истинну имѣющій своей,
Увидитъ свѣтъ ея, но сквозь завѣсу мрака,
Пребудетъ тайною вещей подробность всяка.
Идеи общи всякъ въ умѣ теперь плодитъ,
И отвлеченія во страны чаще зритъ,
Что бы забвенное въ душѣ возобновилось,
И знаніе ея въ предѣлахъ разширилось.

Тогда рекла она: искони приносятъ сію жалобу на предузнаніе Божеское, о которомъ какъ Маркъ Туллій, дѣлившій прорицаніе на виды, очень много разсуждалъ, такъ и ты многократно покушался описать свойства онаго; хотя по сіе время еще ни одинъ изъ васъ довольно ясно и твердо не рѣшилъ сомнѣній. Непроницаемости сей причиною есть слабость ума человѣческаго, не могущаго представить себѣ: какимъ образомъ Богъ предузнаетъ; что когдабъ нѣсколько было понятно, то не осталось бы въ разумѣ никакой тем-

ноты касательно предузнанія. И такъ понятіе твое объ ономъ учинить раздѣльнымъ, и всѣ затрудненія уничтожить сама попытаю; но прежде потщусь изложить то, что трогаетъ тебя въ чувствительнѣйшее мѣсто. Для чего кажется тебѣ не удовлетворительнымъ сіе рѣшеніе: поелику предузнаніе не можно поставить виною необходимости событія будущихъ вещей; то никакъ не испровергаетъ оно свободы воли? О неизбѣжности имѣющаго случится заключаешъ ты уже ли изъ другаго чего, а не изъ самыхъ предузнанныхъ существъ, кои не могутъ не произойти? И такъ, когда предварительное знаніе не увеличиваетъ необходимости будущаго, чего ты и самъ прежде не отрицалъ; то почто плоды воли причислять къ неизбѣжнымъ событіямъ. Положимъ, (дабы видны тебѣ были слѣдствія сего) что предузнанія нѣтъ совершенно. За симъ произведенія воли будутъ ли непремѣнны? Ни мало. На мѣсто сего ложнаго положенія поставимъ истинну; то есть: что Богъ предузнаетъ, но не есть причиною неминуемости произшествій; то я думаю такъ же, что свобода человѣческихъ дѣйствій останется во всей ея цѣлости. Но скажешь на сіе: предузнаніе ежели не причина, то по край-

ней мѣрѣ есть знакъ необходимости будущихъ вещей. Когда такъ, то событія ихъ, и не будучи предвидѣны, всегда бы пребыли необходимыми. Потому что всякой знакъ показуетъ одни качества вещи, но въ самое произведеніе ея не втекаетъ. И такъ прежде всего должно тебѣ доказать, что каждое въ свѣтѣ явленіе есть неизбѣжно; если хочешь увѣрить, что предварительное свѣденіе есть не сумнительной признакъ сея неминуемости. Ибо не доказавъ неизбѣжности событій, нельзя и предувѣденіе почесть знакомъ вещи, которая не существуетъ. Извѣстно же, что твердое доказательство взимается не изъ знаковъ, и не изъ побочныхъ причинъ; но изъ вѣчныхъ началъ истинны. Можно ли, возразишь ты, не послѣдовать тому, чего бытіе Богомъ предвидѣно? Уже ли дѣйствительно думаешь, что я отрицаю событіе той вещи, коея существованіе предвидѣло Существо всевѣдущее; а не предпочитаю прочимъ всѣмъ мысль сію: что хотя будущее и исполнится, но сего исполненія необходимость не находится въ природѣ онаго? Въ истиннѣ сей утвердитъ тебя разсужденіе слѣдующее. Множество явленій бываетъ въ очахъ нашихъ. Возмемъ въ примѣръ кучаровъ, которые правятъ

лошадьми, и перемѣняютъ ихъ бѣгъ по своему изволенію; сообразно сему суди и о прочемъ. Возможно ли хотя одно изъ дѣйствій кучара признать плодомъ неминуемости? Никакъ. Суетна была бы изобрѣтательность искуства, если бы все сбывалось по неизбѣжности. Слѣдовательно что существуя, не зависитъ отъ необходимости; то не получивъ еще бытія, такъ же не подлежитъ ей. И такъ изъ событій будущихъ и не всѣ покорены законамъ необходимости. Ни отъ кого не надѣюсь слышать, чтобъ настоящія вещи, прежде нежели возникли изъ ничтожности, имѣли другую сущность. Отсюда заключить можно, что онѣ и предузнаны будучи, сбываются свободно. Какъ знаніе не дѣлаетъ неизбѣжнымъ бытіе настоящихъ вещей, такъ предузнаніе грядущихъ. Но не доказано еще, говоришь ты, льзя ли рѣшительно заключать о событіи такихъ вещей, кои могутъ быть и не быть. Сіе кажется тебѣ противорѣчіемъ; и думаешь, что за предузнаніемъ непремѣнно должна слѣдовать необходимость произшествій. Безъ сея необходимости, ничего по твоему мнѣнію не льзя предвидѣть; и знанія предметомъ должно быть нѣчто извѣстное и непреложное. Если же событія сумнительныя, какъ несум-

нительныя предузнаются; то предузнаніе ихъ будетъ основано на мракѣ мнѣнія и догадки, а не на свѣтѣ чистыхъ понятій. Сужденіе о вещи не сообразное ея сущности считаешъ ты несовмѣстнымъ прямому знанію. Таковое заблужденіе раждается отъ сей ложной мысли: что все человѣческое знаніе беретъ основу единственно отъ силъ и естества понимаемыхъ вещей; что все напротивъ бываетъ. Каждая вещь дѣлается извѣстною посредствомъ силы не ея, но разсуждающихъ о ней. Ибо (дабы изъ краткаго примѣра сіе было видно) та же самая круглость тѣла иначе чрезъ зрѣніе, иначе чрезъ осязаніе познается; помощію перваго мы изъ отдаленности вдругъ объемлемъ всю вещь, лучами изображаемую на днѣ глаза; а чрезъ послѣднее очень приближенно ставши, и руками касаясь всея шара поверхности, постепенно узнаемъ фигуру онаго. Самый человѣкъ иначе зримъ бываетъ чувствами, иначе воображеніемъ, иначе разумомъ, иначе разумѣніемъ (intelligentia). Чувствамъ онъ представляется въ видѣ изображенія вещественнаго. Воображеніе разсуждаетъ объ одномъ только образѣ его безъ вещества. А разумъ и сіе превышаетъ, отвлеченно углубляясь въ са-

мый видъ (Speciem perpendit), крующiйся внутрь единособiи (individuum). Разумѣнiя же око еще дальновиднѣе. Оно находясь внѣ округа общихъ понятiй, взираетъ на простый ихъ образъ, (Simplicem formam Contuetur) такъ, что ничего нѣтъ ему не проницательнаго. Паче всего надлежитъ вникнуть въ сiе, что мыслящая вышшая сила вмѣщаетъ въ себѣ и низшей понятiя; а низшая отнюдъ не можетъ досяцы высоты познанiя первой. Потому что какъ чувство внѣ вещества есть не дѣйствительно, такъ воображенiю не льзя видѣть общiе виды вещей, а разуму простой ихъ образъ; но разумѣнiе, какъ бы сверьху смотря, понявши образъ вещей, рѣшительныя сужденiя производитъ и о всѣхъ ихъ свойствахъ; однако такъ, какъ понимаетъ оно образъ самой, кромѣ его никому другому неизвѣстной. Разумѣнiе объемлетъ и общiя понятiя, и воображаемой видъ тѣла, и вещество чувствуемое, хотя не употребляетъ въ помощь ни разумъ, ни воображенiе, ни чувства, въ одно, такъ сказать, мгновенiе ока предвидя все. Подобно сему разумъ созерцая общее что либо, безъ посредства вообраденiя и чувствъ понимаетъ воображаемыя и чувствуемыя вещи. Онъ отвлеченно судя о человѣкѣ, опредѣ-

ляетъ его такимъ образомъ: *человѣкъ есть животное двуногое, разумное.* Сіе понятіе хотя есть общее, однако всякъ знаетъ, что вещь чрезъ него означаемая есть таковая, которую воображаютъ и чувствуютъ; и что разумъ о ней судитъ не посредствомъ воображенія и чувства, но посредствомъ своея силы. Самое воображеніе, хотя способностію видѣть предметы, и снимать съ нихъ картины, одолжено тѣлеснымъ орудіямъ души; однако во время ихъ покоя, чувствуемыя вещи созерцаетъ отличнымъ и себѣ только сроднымъ образомъ. И такъ знай, что мыслящія существа познавая вещи, дѣйствуютъ своею, а не понимаемыхъ вещей силою. И сіе есть ближе къ истиннѣ: ибо когда всякое сужденіе есть дѣйствіе судящаго; то слѣдуетъ заключить, что каждый отправляетъ свое дѣло самъ собою, а не чрезъ другихъ.

Изъ знаменитѣйшихъ Аѳинскихъ мудрецовъ,
Забвенью преданныхъ отъ множества вѣковъ,
Упорно многіе и смѣло защищали,
Что будтобъ внѣшнія тѣла начертавали
Въ душѣ и образы и мысли о вещахъ:
Подобнымъ образомъ на писменныхъ листахъ,
Гдѣ знаковъ никакихъ, ни чертъ нѣтъ проведенныхъ,
Буквъ становятъ ряды различно сопряженныхъ,
На оныхъ тростію или перомъ пиша.
Но если существо разумное душа,

И сильная во всѣхъ ей свойственныхъ движеньяхъ,
Страдаетъ окрестныхъ вещей при впечатлѣньяхъ,
Ни коимъ образомъ не дѣйствуя одна,
И если о вещахъ понятія она,
Какъ лица зеркало, въ себѣ изображаетъ:
Откудажъ душу свѣтъ такой осіяваетъ,
Что въ состояніи природу созерцать
И тайну связь ея законовъ проникать?
Какаябъ о вещахъ судила порознь сила?
И приобрѣтенны понятія дробила?
Что раздѣленному начальный видъ даетъ?
И къ истиннѣ стезей различною идетъ,
То вышшимъ чемъ либо, то низшимъ занимаясь,
А послѣ на себя оттуда возвращаясь?
Душѣ могуществомъ какъ тѣлъ не превышать,
На коихъ знаки лишь возможно полагать?
Простыяжъ мысли всѣ суть слѣдствія страданій,
Какъ побудительной причины прочихъ знаній.
Когда иль свѣта лучь проникнетъ очеса
Иль голосъ звучный чей колеблетъ ушеса:
Въ мигъ отъ такой душа вспрянувши перемѣны,
Предметовъ образы, которы ей врожденны,
Со внѣшними сличивъ, рѣшеніе кладетъ.
Вотъ! какъ чрезъ чувства умъ вашъ вещи познаетъ.

Если при впечатлѣніи, получаемомъ отъ тѣла, хотя извнѣ представившіяся ихъ качества дѣйствуютъ на орудія чувственныя, и не усыпно бдящей душѣ предшествуетъ страданіе тѣла, аки побудительная причина производитъ понятія объ ономъ и возбуждать въ памяти покоящіеся образы вещей: если, говорю, при впечатлѣніи

тѣлъ душа не страждущею почитается, но помощїю своея силы разсуждаетъ о страданїи тѣла: то существа ли ни съ чемъ тѣлеснымъ не сопряженныя, будутъ отличать одну вещь отъ другой не чрезъ разумъ свой, но чрезъ предметы внѣшнїе? Сколько родовъ различныхъ существъ, столько различныхъ степеней познанїя. Одно только чувство, лишенное всѣхъ прочихъ познанїй, дано недвижимымъ животнымъ: каковы суть раковины морскїя и другїя симъ подобныя, кои на камняхъ питаются, ни сколько не перемѣняя мѣста. А воображенїе движимымъ животнымъ, въ которыхъ примѣтна нѣкоторая страсть отвращенїя и желанїя. Разумъ же свойственъ одному человѣку, равномѣрно какъ разумѣнїе существенно только Богу. Посему то знанїе превосходитъ всѣ прочїя, которому сверхъ своихъ истиннѣ еще извѣстны истинны и другихъ знанїй. Чтожъ? если чувство и воображенїе по противорѣчатъ умозрѣнїю, говоря: что зримое разумомъ не есть общее чтолибо. Ибо чувствуемое и воображаемое не составятъ общаго. Или одного разума сужденїя суть справедливы, и нѣтъ ничего чувствами понимаемаго: или, (какъ совершенно извѣстно, что свѣденїе о многихъ ве-

щахъ приобрѣтается чрезъ чувства и воображеніе) отвлеченныя заключенія его о частной вещи, яко объ общемъ чемъ либо, будутъ ложное мечтаніе. На сіе возраженіе разумъ будетъ такъ отвѣчать: что онъ и чувствуемой и воображаемой вещи свойства созерцаетъ, отвлеченно судя объ оныхъ; но чувства и воображеніе не въ состояніи достигнуть округа общихъ понятій. Потому что понятіямъ ихъ не льзя выступить за предѣлы изображеній тѣлесныхъ. Но въ отношеніи къ знаніямъ, надлежитъ всегда полагаться на разсужденіе твердѣйшее и совершеннѣйшее. При сей убо распрѣ, мы одаренные силою умствовать, воображать и принимать впечатлѣнія отъ внѣшнихъ предметовъ, чьи, какъ не разума представленія одобрили бы? Подобно сему человѣческій умъ никакъ не вѣритъ, что Божеское разумѣніе на будущее взираетъ отлично отъ него. „Ибо, по твоему разсужденію, не можетъ быть предузнано такое событіе, которое не есть необходимо. Слѣдовательно нѣтъ предузнанія; если допустить оное, то всякое явленіе будетъ плодъ неминуемости„. Когда бы мы сверхъ разума, въ коемъ участвуемъ, еще Божескія имѣли понятія: то какъ нынѣ утвер-

дили, что чувство и воображенїе должны уступить разуму, такъ тогда сказали бы, что польза и истинна требуютъ отъ ума человѣческаго, чтобъ онъ покорилъ себя Божїю разумѣнїю. Устремимъ убо, ежели силы позволяютъ, око умное въ высоту, съ которой всевѣденїю тьма полднемъ является; тамъ разумъ нашъ узритъ то, чего ему никакъ не можно усмотрѣть въ себѣ самомъ; а именно: какимъ образомъ событїе могущее и не воспослѣдовать, предвидитъ Богъ точно и опредѣлительно, и не на догадкахъ утверждаясь, но на знанїи верховномъ и безпредѣльномъ?

Сколь разновидны суть животныя земныя!
Однимъ даны тѣла не соразмѣрно длинны,
Что пресмыкаются на чревѣ по земли,
Слѣдъ за собой браздѣ подобный оставляя.
Другїя легкими бїя крылами воздухъ,
Возносятся на нихъ въ безоблачну страну.
Симъ сродно двигаться посредствомъ данныхъ ногъ,
И пажить находить въ лѣсахъ или поляхъ.
Хотя по внѣшности они весьма различны,
Но долу каждаго лице преклонено,
И къ чувственности всѣ понятия ихъ цѣлятъ.
Одинъ лишь человѣкъ чело горѣ возноситъ,
Легокъ и прямо въ верхъ стоитъ своей главой;
На землю смотритъ онъ презрительнѣйшимъ окомъ.
Свѣтильникъ разума коль не совсѣмъ угасъ,
То самый тѣла видъ вотъ что тебѣ внушаетъ:
Лице ко небесамъ имѣя обращенно,
И очи мысленны туда же возводи.

Не за долго предъ симъ показано, что сведенiе о вещахъ есть дѣйствiе силы не вещей познаемыхъ, но мыслящихъ существъ; то разсудимъ теперь, по мѣрѣ способностей нашихъ, о состоянiи Бога, дабы увидѣть: какого рода Его знанiе? Богъ вѣченъ, сiю истинну гласитъ общее всѣхъ народовъ согласiе. Разсмотримъ убо, что есть вѣчность? Ибо она дастъ намъ понятiе о существѣ и знанiи Божества. Вѣчность есть безконечное наслажденiе совокупно всемъ бытiемъ: что изъ сличенiя ея со временемъ яснѣе видно. Все временное настоящее вихремъ быстраго послѣдованiя уносится отъ прошедшаго къ будущему, и нѣтъ ничего такого въ связи вещей, что бы могло обьять вдругъ всея жизни пространство. Оно дня завтрешняго еще не достигло, а вчерашняго уже лишилось. Днешняя жизнь ваша не такъ же ли изчезаетъ, какъ и минута движущаяся и улетающая? Слѣдовательно, что подлежитъ перемѣнамъ времени, то хотя бы, сходственно съ Аристотелевыми о мiрѣ мыслями, не имѣло ни начала, ни конца бытiя своего: однако не могло бы почитаться вѣчнымъ. Ибо совокупно всего пространства существованiя своего обнять и занять не можетъ: будущее завсегда отстоитъ отъ него. И такъ

по справедливости вѣчнымъ надлежитъ то почитать, для чего будущее и прошедшее есть настоящимъ: а вѣчному существу какъ всѣ дѣйствія его, такъ и самая безконечность времени должны быть всегда присущи. Весьма убо погрѣшаютъ тѣ, кои (поелику міръ сей безначальнымъ и безконечнымъ призналъ Платонъ) мыслятъ, что оной совѣченъ Творцу своему. Ибо безконечно существовать, что Платонъ міру приписывалъ; и вдругъ всемъ бытіемъ наслаждаться, что единому Богу свойственно, суть понятія очень различныя между собою. Богъ долженъ казаться древнѣе тварей, не по количеству времени, но по свойству простаго и духовнаго Его существа. Безконечное время хотя сображается съ состояніемъ неподвижнаго бытія, въ коемъ нѣтъ ни прошедшаго ни будущаго: но какъ оно ни изобразить, ни сравниться съ нимъ не можетъ; то вмѣсто покоя находится въ движеніи, и того, чтобъ имѣть простость присущія, раздробляется на малѣйшія части безчисленныхъ будущихъ и прошедшихъ послѣдованій. Части времени, какъ сказали мы, не совокупно, но преемственно существуютъ; однако оно своею некончаемостію тому, чего изобразить не можетъ, кажется отъ части ревнуетъ,

ни на едину черту не отстая отъ настоящаго бытія мгновеній. Отъ сей связи его со мгновеннымъ бытіемъ, (ибо сіе хотя весьма несовершенно, но изображаетъ бытіе Божіе,) произходитъ то, что все, съ чемъ оно воспослѣдовало, существующимъ кажется. Вселенная не могши быть въ покоѣ, вступила въ неизмѣримый путь времени; и въ движеніи состоитъ ея бытіе, которое безъ движенія совсѣмъ ей не совмѣстно. Почему если хочемъ давать имена свойственныя вещамъ: то слѣдуя Платону, да назовемъ Бога вѣчнымъ, а міръ всегдашнимъ. Въ умѣ каждаго мыслящаго существа печатлѣются истинны сообразно его природѣ; Богу же свойственна вѣчность и то состояніе, въ которомъ нѣтъ ничего кромѣ настоящаго: и по тому должно въ немъ быть такое значіе, которое объемлетъ все не порознь, а совокупно, и безпредѣльный кругъ прошедшихъ и грядущихъ вѣковъ созерцаетъ такъ, какъ настоящее время. Слѣдовательно, сію всеобъятность ума его приличнѣе наречи не предузнаніемъ, а знаніемъ непрерывной цѣпи преемственности, или послѣдованій. И она свойственнѣе именуется промысломъ. Богъ все отъ малой до великой вещи соединяетъ подъ одно обозрѣніе свое, и какъ бы

съ превеликой высоты смотря, видишъ все произходящее, произшедшее и имѣющее произойти въ мірѣ. Почто убо событіе того, что озаряется свѣтомъ Божескаго знанія, почитаешъ ты неизбѣжнымъ; когда люди не дѣлаютъ необходимымъ извѣстное имъ? Уже ли воззрѣніе твое на предлежащіе очамъ предметы увеличиваетъ необходимость ихъ бытія? Никакъ. Если существованіе человѣковъ сколько нибудь можетъ сравнено быть съ существованіемъ Бога: то какимъ образомъ вы видите сущее въ настоящемъ времени, такимъ же Богъ все созерцаетъ въ вѣчности. Слѣдовательно предузнаніе Божіе отнюдъ не премѣняетъ естества и качествъ вещей; грядущее отъ вѣка присуще ему въ такомъ же видѣ, въ какомъ нѣкогда осуществится. Въ немъ нѣтъ слїянія сужденій о вещахъ, но однимъ умственнымъ взоромъ разпознаетъ онъ и неминуемое произшествіе и зависящее отъ воли. Тако вы смотря на идущаго человѣка, и на солнце отъ востока къ западу катящееся, различаете оба предметы сіи, въ одно время поражающіе зрѣніе; и перваго дѣйствіе считаете произвольнымъ, послѣдняго же обращеніе необходимымъ. Посему Божеское предузнаніе не превращаетъ сущности вещей, кои въ разсужденіи Бога всегда

какъ настоящія, а относительно ко времени еще будущія. Оно есть не догадка, но познаніе на незыблемыхъ началахъ истинны основанное; ибо какъ событіе вещи грядущей, такъ и то, что оно можетъ не воспослѣдовать, не сокрыто отъ разумнаго Божія свѣта. Но если здѣсь возразишъ, что тому не льзя не быть, чего бытіе предузнано Богомъ: чего не бытіе невозможно, то збывается неизбѣжно; и возразишъ не въ подтвержденіе царства судьбы: то я конечно сознаюсь въ справедливости сего умозаключенія, но согласиться на оное, изключая зрителя Божества, едва ли кто дерзнетъ. Возраженіе сіе можетъ рѣшиться такимъ образомъ: одно и тоже будущее событіе въ отношеніи къ знанію Божества есть необходимо, а касательно его самаго свободно и неизбѣжности не подчинено. Необходимость есть двоякаго рода: одна простая; (Simplex) не возможно, на примѣръ, чтобъ человѣкъ не былъ смертенъ; другая условная, на примѣръ, если вѣрно знаешъ, что какой нибудь извѣстной тебѣ человѣкъ ходитъ теперь; то сіе движеніе его есть необходимое дѣйствіе. Извѣстное въ одно и тоже время не можетъ быть иначе, нежели какъ представляется чувствамъ и разуму; но сія условная

необходимость не влечетъ за собою, необходимости простой. Источникъ ея есть не сущность вещи, но предположенiе условiй. Произвольно ходящаго движенiе не есть принужденно, хотя противное ему, т. е. покой, и не возможенъ. Равнымъ образомъ произшествiе предвидѣннаго не можетъ не исполниться, хотя совсѣмъ оно не подлежитъ необходимости. Богъ на грядущее, зависящее отъ свободной причины, взираетъ такъ какъ бы уже на осуществленное. А потому событiе онаго относительно только къ его знанiю необходимо; но само въ себѣ взятое равно можетъ быть и не быть. И такъ событiя, предвидѣнныя Божествомъ, суть точны и не сумнительны; но нѣкоторыя изъ нихъ зависятъ отъ свободной воли: они воспослѣдовавши, не измѣняются въ своей сущности. Ибо находясь внутрь своихъ началъ могли и не воспослѣдовать.---Что за свободность, если всякiй будущiй случай, относительно къ знанiю Божескому, есть неизбѣженъ?--Сiе сумнѣнiе уже предварила я. Солнца восхожденiе и хожденiе человѣка не могутъ не быть въ вышеозначенномъ случаѣ: но перваго движенiе есть слѣдствiе неминуемости, другаго же есть слѣдствiе воли. Такимъ же образомъ бытiе всего зри-

маго Богомъ не минуемо; но однихъ явленій начала вторыя слѣдуютъ въ дѣйствіяхъ своихъ неизмѣнному порядку, промысломъ предуставленному; другихъ же свободно дѣйствуютъ. Безпогрѣшительно убо сказали мы, что все предузнанное, относительно къ свѣдѣнію Божества, есть необходимо, но само въ себѣ не подлежитъ року. Тако чувствуемыя вещи, относительно къ разуму, суть нѣчто общее, а по существу своему частное. Но скажешъ: перемѣна намѣренія зависитъ отъ моей воли; слѣдовательно могу уничтожить предузнаніе, перемѣнивъ то, что Богъ предвидѣлъ. На сіе отвѣчаю такъ: отложить намѣреніе есть возможное дѣло; но какъ Богу извѣстно все, что ты можешъ дѣлать, и дѣлаешъ ли то, и на какой конецъ: то никакъ тебѣ не льзя избѣжать предузнанія, равно какъ совершенно не льзя же укрыться отъ того, въ очахъ коего лучи свѣта начертываютъ образъ твой, сколькобъ тогда ни различны были произведенія твоей воли. Что скажешъ на сіе? Вмѣстѣ съ разположеніемъ моимъ уже ли надлежитъ измѣняться и Божескому знанію? Ни мало. Богъ все грядущее, аки настоящее, отъ вѣка видитъ; и не порознь, какъ ты мыслишъ, но мгновенно предусматриваетъ всѣ измѣ-

ненія твои. Сею всеобъятностію и всевѣденіемъ долженъ онъ не событію грядущихъ вещей, но самому себѣ. Откуда очевидна справедливость и сего положенія твоего, что будущія наши дѣйствія не суть виною знанія Божія. Оно предписываетъ законы всей природѣ, и въ предписаніи ничего не заимствуетъ отъ производимаго. Свобода убо человѣческой воли остается во всей ея цѣлости; и когда воля ни мало не подлежитъ судьбѣ, то и законы справедливы, мзду и казнь опредѣляющіе. Слѣдовательно есть такое существо, которое всѣ наши дѣянія будущія, яко настоящія, отъ вѣчности зритъ, перомъ истинны пиша пороку казнь, а добродѣтели награду. Не тщетно на Бога упованіе и молитвы, кои не могутъ быть не услышаны, если достойны пріятія. И такъ уклонитесь отъ зла, прилѣпите сердце ваше къ добродѣтели, а умъ къ истиннѣ, всякой обидѣ и нещастію противополагайте щитъ не сумнительныхъ надеждъ; возсылайте къ небу смиренный гласъ молитвы. Польза и необходимость доброй нравственности изображены живѣйшими красками; когда все, что ни дѣлаете, дѣлаете предъ очами такого судіи, коего всевѣденіе неумолчно проповѣдуетъ вся вселенная.

ПАСТЫРСКОЕ

НАСТАВЛЕНІЕ

О

ПРЕВОСХОДСТВѢ РЕЛИГІИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Пастырское Наставленіе о превосходствѣ Религіи, сочиненное *Кесаремъ Вильгельмомъ де-ла Люзернъ*, Князь Епископомъ *Лангерскимъ*, слишкомъ за два года до несчастнаго переворота, разстроившаго прекраснѣйшее Государство во всѣхъ его частяхъ, доказываетъ, сколько сей знаменитый Іерархъ поражenъ былъ безчиніями, до коихъ могли довести невѣріе и нечестіе. Въ господствующихъ нравахъ уже провидѣлъ онъ будущій ужасъ, и его Пастырская попечительность предуготовляла къ тому своихъ пасомыхъ, дабы предохранить ихъ отъ заразы сей несчастной и гибельной философіи.

Событія оправдали печальное его предсказаніе. Франція подверглась жестокому опыту всѣхъ мерзостей, каковымъ могутъ предаться люди, увлекаемые буйствомъ страстей своихъ. Неслыханныя и неизчетныя бѣдствія ея навсегда пребудутъ урокомъ для народовъ и для Царей. Церковь Христова,

сїе пробное творенїе величїя Божїя и любви Божїей къ человѣкамъ, учинилась предметомъ жесточайшаго гоненїя. Всѣ начала нравственности и справедливости были уничтожены. Правила нечестїя переименованы общественными законами; нравы дошли до крайняго развращенїя; общежитїе представляло одинъ только страшный хаосъ, позорище ужаса и смятенїя. Невѣрїе, безбожїе всенародно изрыгаютъ хулу на Небо; чудовища, которыхъ земля еще носитъ со стономъ, отваживаются презирать гнѣвъ Всемогущаго; они за честь себѣ вмѣняютъ оскорблять величество Вышняго, и стараются совсѣмъ изгладить имя Его изъ памяти людей!!!

Тщетно будутъ искать начала толикихъ золъ, естьли не въ потерѣ драгоцѣннаго залога вѣры. Какъ скоро сей Божественный свѣтильникъ угаснетъ, какъ скоро сложатъ съ себя спасительное иго Религїи; то душа тотчасъ заражается ядомъ нечестїя. Тогда никакая преграда не можетъ остановить человѣка, никакое обузда-

ніе не сильно удержать его. Ему уже ничего не стоитъ покуситься на самыя гнусныя злодѣйства, производить постыднѣйшіе плоды неправды; онъ живетъ, онъ дышетъ распутствомъ, и не мыслитъ, какъ только о беззаконіи.

Гдѣ нѣтъ Религіи, тамъ нѣтъ уже твердости правленія, нѣтъ благоденствія для народовъ, нѣтъ безопасности для Государей. Тронутые сею истиною всѣ законодатели, не изключая и языческихъ, въ основаніе своихъ законовъ всегда полагали страхъ и почтеніе къ Божеству. Единый свѣтъ разума ясно имъ показывалъ, что Религія въ обществѣ необходима; поелику она только одна можетъ заставить постоянно исполнять обязанности. Чтобы пріобрѣсть довѣренность народовъ, то сіи законодатели притворно по крайней мѣрѣ показывали въ себѣ чувствія чистой нравственности; и системы и плана ихъ правленія не основали на испроверженіи всѣхъ началъ благочестія. Никогда бы они не принудили принять законовъ своихъ, ежели бы не

выдавали себя народамъ за орудія Божества.

И такъ самое благоразуміе Государей требуетъ, чтобъ они покровительствовали Религію, и заставляли своихъ подданныхъ къ ней благоговѣть. Она едина освящаетъ величіе вѣнца и власть ихъ законовъ, предписывая подданнымъ по чистой совѣсти любить отечество и служить ему. Въ заповѣдяхъ сей святой Религіи начертаны обязанности всѣхъ состояній общежитія. Сіи заповѣди повелѣваютъ намъ имѣть праводушіе въ торговлѣ, безпристрастіе въ отправленіи правосудія, вѣрность въ разпоряженіи общественною казною, строгость, растворенную кротостію, въ употребленіи власти, щедрость безъ расточительности въ иждивеніи богатства, терпѣніе безъ роптанія въ состояніи бѣдности, любовь къ отечеству; и не входя въ дальнѣйшее раздробленіе, кратко сказать: онѣ повелѣваютъ имѣть всѣ тѣ качества, которыя составляютъ мудраго человѣка и истиннаго гражданина.

Подъ сею-то особливо точкою зрѣнія Князь Епископъ *Лангерскій* открываетъ Религію Іисуса Христа, и доказываетъ ея превосходство. Цѣль его Пастырскаго Наставленія не столько клонится къ тому, дабы убѣдить разумъ очевидными доводами, утверждающими Божественность Религіи; нежели сколько, чтобъ подвигнуть сердце разкрытіемъ свойствъ, которыя дѣлаютъ ее драгоцѣнною и необходимою какъ для человѣка въ частности, такъ и для всего общества. Занимательныя отношенія, подъ которыми онъ ее представляетъ, суть: *высокость ея догматовъ, святость нравоученія, и благолѣпіе Богослуженія.*

Высокость догматовъ, непостижимость таинствъ, вмѣсто того, чтобъ благопріятствовать сомнѣніямъ касательно Религіи, служатъ убѣдительными доказательствами ея Божественности. Существо безпредѣльное не было бы таковымъ, каково оно есть, ежели бы не было непостижимо. Чудеса Его не заслуживали бы сего имени

ежели бы разумъ человѣческій могъ понимать ихъ. Но Религія что представляетъ нашей вѣрѣ, какъ не самое существо Бога, со всѣми превѣчными Его дѣйствіями? Въ присутствіи столь высокихъ предметовъ разумъ нашъ долженъ молчать, вѣровать и покланяться; вотъ его удѣлъ! Должность сія въ *Наставленіи* Князь Епископа *Лангерскаго* изложена самымъ привлекательнымъ образомъ и способнѣйшимъ къ возбужденію должной любви и почтенія къ догматамъ Религіи. Онъ сближаетъ всѣ характеры справедливости, мудрости, величія, святости и пользы, которыя заключаются въ нашихъ догматахъ и таинствахъ; показуетъ союзъ, внутреннюю связь между ими, и изъ того выводитъ блистательнѣйшее доказательство ихъ истины.

Не менѣе также поразительно превосходство Религіи, разсматриваемо будучи со стороны святости ея нравоученія. Къ изяществу правилъ она присоединяетъ важность и благородство побужденій. Законъ Евангельскій,

безконечно превышая все, что разумъ человѣческій можетъ понять. мудраго и справедливаго, повелѣваетъ исполнять безъ изключенія всѣ добродѣтели, и отвергаетъ всѣ пороки. Во всеобъятныхъ его заповѣдяхъ всякое состояніе, всякое званіе, всякой возрастъ находятъ правило своихъ обязанностей. Все, что можетъ быть полезно обществу, предписываетъ или совѣтуетъ Религія; все, могущее вредить оному, она запрещаетъ; а по сему, дѣлая человѣка святымъ, въ тоже время содѣйствуетъ и земному его благополучію.

По занимательномъ разсмотрѣніи заповѣдей Религіи, переходя къ сужденію о наружномъ Богослуженіи, онъ доказываетъ, сколько важность и великолѣпіе обрядовъ Церковныхъ необходимы для утвержденія отношеній, каковыя должны быть между человѣкомъ и Божествомъ. Богослуженіе совершенно внутреннее есть Религія небесная; а земная Религія имѣетъ нужду въ чувственныхъ знакахъ, въ торжествен-

номъ благолѣпіи, горѣ возносящихъ и мысли и сердца человѣческія; имѣетъ нужду въ примѣрахъ, подкрѣпляющихъ нашу слабость и возбуждающихъ ревность; въ наружныхъ обрядахъ, печатлѣющихъ въ памяти благочестивыя наставленія и сохраняющихъ единеніе членовъ Христіанскаго общества. Потомъ, раздробляя различныя части наружнаго Богослуженія, знаменитый Князь Епископъ представляетъ трогательнѣйшую картину средствъ къ освященію нашему и тѣхъ великихъ благъ, каковыя доставляютъ намъ величественныя чиноположенія святыя Церкви. При чтеніи сего *Пастырскаго Наставленія* не льзя не ощущать въ себѣ глубочайшаго уваженія къ Христіанской Религіи, столь святой, столь высокой, столь удивительной и толико приспособленной къ нуждамъ и щастію человѣка.

И такъ сколь неизвинительны предъ небомъ и землею тѣ нечестивые безумцы, которые, чтобъ истребить Религію изъ мысли и сердца народовъ,

не престаютъ злорѣчить и изрыгать хулу наБожественнаго ея Учредителя, которые на мѣсто величественнаго благолѣпнаго служенія Богу и вмѣсто святости покланяемыхъ таинствъ вѣры, не боятся вводить нечестивыя пѣснопѣнія необузданнаго своевольства и постыдные праздники безчестнаго идолослуженія!!! Но тщетны всѣ посягательства на Религію Іисуса Христа! Очи Его съ высоты престола всегда отверсты на храненіе Церкви, которую стяжалъ цѣною Своея крови; Онъ услышитъ наконецъ моленія истинно вѣрующихъ; возвратятся намъ тѣ храмы и олтари, которые нечестіе у насъ отъяло, чтобы осквернить ихъ богомерзскимъ служеніемъ; будемъ имѣть утѣшеніе, призывать въ нихъ торжественно имя Превѣчнаго и не быть принужденными молчать объ истинахъ, которыя должны *проповѣсться на кровѣхъ.*

ПАСТЫРСКОЕ НАСТАВЛЕНІЕ

О

Превосходствѣ Религіи.

Іисусъ Христосъ, основавый Церковь свою, благоизволилъ ей, возлюбленная братія моя, находиться въ безпрерывной войнѣ. Онъ заложилъ ее въ нѣдрѣ гоненій, и поддержалъ среди расколовъ и ересей; обѣщалъ ей свою помощь, и предсказалъ сопротивленія. Онъ есть неусыпный и искуснѣйшій кормчій сего счастливаго корабля; однакожъ провождаетъ его сквозь бури и непогоды. Врата адова никогда не одолѣютъ возлюбленной невѣсты Христовой; но всегда будутъ сражаться съ нею. Ея исторія есть исторія браней и торжествъ.

Наученные словомъ Божіимъ и безпрерывнымъ опытомъ 18 столѣтій, мы, возлюбленная братія, долженствовали ожидать въ наши дни появленія новыхъ какихъ нибудь ересей. Надлежало

бы намъ готовиться къ исторженію еще новыхъ плевелъ, вражескою рукою посѣянныхъ на плодородномъ полѣ, къ воздѣланію коего благодатію мы призваны. Но можно ли было, не говорю, предвидѣть, но и вообразить искушенія, каковыя промыслъ предоставилъ злополучнымъ нашимъ временамъ? Всю Религію покушаются испровергнуть! Враги ея, не удовольствовавшись отсѣченіемъ вѣтвій, вознесли сѣкиру и на самой корень. Язва лютѣйшая всякой ереси преплыла моря; оставивъ страны заблужденія, пришла она заразить нашу землю. Съ высоты столицы разлила пагубный ядъ свой и на наши города и силится распространить его въ самыхъ селахъ. Тлѣтворное дыханіе ея уже шумитъ вокругъ хижины убогихъ и мастерской ремесленниковъ, скоро можетъ туда проникнуть, и тогда изсякнутъ всѣ добродѣтели. Какоежъ врачество будетъ дѣйствительно, когда все тѣло повреждено? Предкамъ неизвѣстенъ былъ сей бичь нашего поколѣнія; чистая и спокойная ихъ вѣра не была раздражаема сими гибельными положеніями, толико теперь уваженными. Религію и тѣ почитали, кои всего меньше исполняли ея заповѣди; между тѣмъ какъ въ настоящія времена безвѣріе съ неописанною дерзостію не

престаетъ изрыгать хулу на Религію, ругательство на ея служителей, жалуяся на нетерпимость иновѣрія, и представляя себя въ видѣ несчастной жертвы гоненія.

Сохрани Боже, чтобъ таковымъ оружіемъ дѣйствовать намъ противъ безвѣрія! Святый законъ, которой должны мы защищать, повелѣваетъ духомъ кротости обличать противящихся истинѣ. Церковь Христова, гнушаясь заблужденіемъ, не престаетъ любить заблуждающихъ. Она простираетъ руки къ удаляющимся отъ нея, со всею готовностію паки принять ихъ къ себѣ въ объятія; всѣмъ ихъ оскорбленіямъ противополагаетъ одни благословенія. Нѣтъ, никогда мы не измѣнимъ ввѣренному намъ служенію кротости, и защищая права вѣры, неослабно будемъ сберегать права любви. Заблуждшая братія наша! усилія ваши, при всей ихъ горячности, никогда не прервутъ любезныхъ и священныхъ узъ, связующихъ насъ съ вами; наша къ вамъ нѣжность завсегда будетъ сильнѣе вашей непріязни. Благополучіе ваше на земли и блаженство на небеси: вотъ предметъ пламенѣющихъ желаній нашихъ молитвъ, слезъ и трудовъ! Престаньте видѣть гонителей въ собратіяхъ любящихъ васъ, желающихъ вась обла-

гополучить цѣною величайшихъ пожертвованій. А вы, возлюбленная братія, наслаждающіеся благими вѣры, покажите ее отъ дѣлъ вашихъ; вотъ пособіе, коего она ожидаетъ отъ васъ; такимъ то образомъ долженствуете защищать ее. Жестокіе враги Христіанства дабудутъ первымъ предметомъ вашего благосердія. Благотвореніями дайте имъ возчувствовать, сколь благъ законъ, коего они не познали. Не иначе можемъ отклонить отъ себя обвиненіе въ изувѣрствѣ и нетерпимости, какъ чрезъ попеченіе о благѣ нашихъ гонителей и чрезъ просвѣщеніе ихъ разума.

Въ такомъ-то расположеніи простираемъ къ вамъ наставленіе сіе. Боже милосердый! внемли желанію сердца нашего; безконечною своею благостію дополни недостатокъ нашего слова; чрезъ содѣйствіе всемощной благодати своей возглаголи въ душахъ заблуждьшихъ тѣмъ повелительнымъ гласомъ, которой кедры сокрушаетъ и лютѣйшихъ гонителей претворяетъ въ ревностнѣйшихъ Апостоловъ.

Мы не намѣрены представить вамъ нынѣ побѣдоносныхъ доводовъ, служащихъ основою нашей вѣрѣ. Вы ихъ найдете во многихъ книгахъ; а притомъ чинятъ нападеніе на святый законъ большею частію со стороны

вашего сердца. Чтобъ надежнѣе отвратить васъ отъ закона, то силятся здѣлать его вамъ ненавистнымъ, ученіе его изображаютъ нелѣпымъ, требованія слишкомъ натянутыми и неудобь исполнимыми, Богослуженіе наполненное мѣлочами и ханжествомъ. Вотъ, отъ чего желаемъ предохранить васъ! Наша цѣль есть не столько убѣдить васъ въ истинѣ Религіи, нежели сколько дать вамъ возчувствовать, колико она любезна. Православіе ея не инымъ чѣмъ будемъ доказывать, какъ ея доблестію. Желанія наши совершатся, когда возможемъ крѣпче привязать васъ къ ней. Мы довольно устранимъ отъ васъ опасности вольнодумства, когда васъ удостовѣримъ, что Христіанство есть величайшій даръ небесъ; что Религія есть высочайшая въ догматахъ, въ заповѣдяхъ святѣйшая, въ служебныхъ обрядахъ великолѣпнѣйшая.

ДОГМАТЫ ВѢРЫ.

Первое благодѣяніе Религіи состоитъ въ расширеніи круга нашихъ познаній. Разумъ нашъ сотворенъ для истины. Онъ это чувствуетъ по горячности, съ каковою вездѣ ищетъ ее. Гордясь своими свѣдѣніями и купно

досадуя на ограниченность оныхъ, онъ всякія покушенія дѣлаетъ для отраженія отъ себя предѣловъ, его сжимающихъ. Когда онъ толико алченъ къ умозрительнымъ знаніямъ, коихъ достоинство часто заключается въ томъ только, что они, яко новое стяжаніе, присоединены къ умственной области: то сколь дорого обязанъ онъ цѣнить тѣ истины, кои имѣютъ тѣснѣйшія къ нему отношенія, показуютъ ему Творца, открываютъ начало и конецъ, пролагаютъ путь и служатъ основаніемъ всякаго наставленія, началомъ всякой добродѣтели, источникомъ всякаго блага!---Но необходимо нужно было, что самъ Богъ благоволилъ сообщить людямъ сіи высокія истины. Разсмотри успѣхи разума, оставленнаго самому себѣ касательно Богослуженія; изъ того, что онъ произвелъ въ теченіи многихъ вѣковъ, въ числѣ коихъ были и просвѣщенные, предузнай, что онъ силенъ произвесть. Посмотри, каковы были догматы тѣхъ народовъ, кои въ отношеніи къ другимъ предметамъ разпространили и, кажется, уставили границы ума человѣческаго, а художества довели до такого степени совершенства, каковаго мы достигнуть не надѣемся. Прочти со вниманіемъ Богословіе глубочайшихъ

умовъ, сихъ просвѣтителей вселенныя, коихъ современники уважали, а потомки почти боготворили; да и нашего вѣка вольнодумцы хвалятся еще подражанїемъ имъ: прочти, сказую, и увидишь, что невѣжество ихъ въ Богопознанїи столь же удивительно, какъ и превосходство ихъ въ другихъ страсляхъ просвѣщенїя. Человѣческїй умъ ежели можетъ похвалиться, то не инымъ чѣмъ, кромѣ какъ сознанїемъ первостатейныхъ мудрецовъ въ своемъ безсилїи и въ нуждѣ Божественнаго откровенїя.

Iисусъ Христосъ возвѣстилъ сїе откровенїе съ полнымъ самовластїемъ Божества, и доказалъ оное чудесами. Тако подобаше просвѣтиться человѣчеству. Достойно было высочайшей мудрости убѣжденїе въ законѣ, долженствующемъ покорить себѣ вся языки, соединить съ доводами, взятыми изъ опыта, кои для всякаго ума внятны и удостовѣрительны. Чрезъ то права разума человѣческаго соглашены съ правами закона Божїя. Побужденїя вѣры, вотъ границы, назнаменующїя округъ перваго; предметы вѣры, се границы, замыкающїя въ себѣ владычество Христїанства! разумъ съ полною независимостїю пусть входитъ въ изслѣдованїе Христїанства; Религїя не

токмо не отъемлетъ у него права н
сїе, ноеще освящаетъ оное. Божествен
ный нашъ Законоположникъ увѣщевал
Іудеевъ принять въ разсмотрѣнїе власт
Его; Апостолы тожъ самое внушал
язычникамъ, и преемники ихъ ни в
какой вѣкъ не отступали отъ сег
правила. Такимъ образомъ священны
наши догматы, не изключая и непости
жимыхъ, содѣлались вѣроятными чрез
посредство разума. Первое отличитель
ное свойство вѣры есть основатель
ность ея, не потому, чтобъ гордѣливо
умъ обнималъ всѣ ея предметы, но
для того, что просвѣщенный умъ пока
зуетъ намъ ея начала. Разумъ не
ограничиваетъ симъ услугъ своихъ
Религїи. Самовластно дѣйствуя въ
пространствѣ своея области, не
теряетъ достоинства своего и въ
зависимости отъ откровенїя. Онъ по
могаетъ сему отражать заблуждшихъ
нападенїя на вѣру; содѣйствуетъ въ
истребленїи неустройствъ, ее помра
чающихъ; способствуетъ въ очищенїи
благочестїя, въ просвѣщенїи ревности,
предохраняя первое отъ суевѣрїя, а
послѣднюю отъ жестокости. Полез
ное его влїянїе на Религїю ощути
тельно и въ самой его покорности.
Удивительная и прекрасная чета сихъ
двухъ силъ, Богомъ данныхъ намъ в

руководители! То откровенїе подчиняетъ свои доводы разсмотрѣнїю разума, то разумъ смиряетъ мысли свои предъ таинствами откровенія: часто совокупно они дѣйствуютъ, другъ друга подкрѣпляютъ; и сей драгоцѣнный ихъ союзъ завсегда имѣетъ предметомъ наше назиданїе и наше блаженство.

Какаяжъ несчастная слѣпота въ сїи послѣднїя времена могла заставить признавать ихъ соперницами во власти надъ уморасположенїемъ народнымъ? Безвѣрїе наконецъ вѣковъ предпринимаетъ разрушить и тѣ вѣчныя преграды, кои разумъ всегда свято почиталъ. Оно, гордясь новыми открытїями въ умственной области, отваживается на прїобрѣтенїя и въ царствѣ благодати. Чемъ не можетъ завладѣть насильно, все то старается испровергнуть; и его замыселъ есть уничтожить всѣ тѣ истины, коихъ не можетъ подвести подъ законъ своихъ понятїй. Такова есть новѣйшая система: „не принимать никакихъ догматовъ непостижимыхъ; коль скоро „они превышаютъ разумъ, то уже „и противны ему„. Неимущїе вѣры пускай со вниманїемъ посмотрятъ на сбывающееся ежедневно предъ ихъ глазами! Сколько извѣстныхъ, неоспори-

мыхъ истинъ, кои превосходятъ разумѣнiе простаго народа! Такъ удивительно ли, что нѣкоторыхъ истинъ Религiи никакой умъ человѣческiй обнять не можетъ? Ибо кто въ состоянiи опредѣлить, до какого степени разумѣнiе Творца должно превышать разумѣнiе твари? Вотще убо непостижимость нашея вѣры противополагаютъ ясности ея доводовъ. Самый разумъ поучаетъ, что надобно покориться истинамъ, коихъ онъ постигнуть не можетъ.

Ближайшее къ намъ изъ всѣхъ чувствованiй есть чувствованiе слабости нашего разума. Мы не знаемъ тому причины, которую одинъ верховный свѣтъ можетъ намъ объяснить; но ощущаемъ дѣйствiя слабости. При всякомъ шагѣ случается намъ столкнуться съ какою нибудь тайною. Когда хочемъ углубиться въ природу, испытать ея начала, познать образъ существованiя вещей; то чувствуемъ себя остановленными непроницаемою мглою. Мысли наши затмѣваются, разсѣваются и наконецъ вовсе исчезаютъ въ неизмѣримой странѣ системъ. Неизвѣстны намъ ни сущность вещества, ни главнѣйшiя его свойства. Не понимаемъ ни природы души, ни союза ея съ тѣломъ. Каждый вѣкъ, прибавляя нѣчто къ нашимъ свѣдѣнiямъ, прино-

ситъ съ собою новыя неизвѣстности. Люди обтекли поверхность земли во всѣ стороны, но никогда не простерлись до средоточія оной. Такимъ же образомъ и обширнѣйшее поле знаній человѣческихъ, коими разумъ столь много гордится, извѣстно намъ по одной токмо наружности его. Умъ нашъ также ограниченъ, какъ и наши силы; и мы не больше имѣемъ права на всевѣдѣніе, какъ и на всемогущество.

Вселенная преисполнена непонятнаго для насъ; то можно ли требовать, чтобъ въ Религіи все было ясно и вразумительно? Возможно ли замѣтить всѣ степени сей священной лѣствицы, чрезъ которую земля сообщается съ небомъ,--- лѣствицы, еяже глава теряется въ мрачной глубинѣ высоты? Находясь въ оболочкѣ вещества, прикрѣпленъ будучи къ чувствамъ непостижимою цѣпью, но тяжесть ея ощущая ежеминутно, разумъ нашъ не иначе видитъ, какъ чрезъ чувства: онъ о постороннихъ предметахъ судитъ по одному токмо сравненію ихъ съ внѣшними впечатлѣніями. И такъ когда мы возбраняемъ вамъ углубляться въ таинства, то желаемъ только предохранить вась отъ ложныхъ сравненій. И дѣйствительно, какое сравне-

ніе, какая сообразность и общая мѣра могутъ быть между предметами, чувствами представляемыми, и тѣми, кои предлагаютъ наши таинства? Религія самаго Бога, съ превѣчными Его дѣйствіями, предлагаетъ нашему вѣрованію; а умъ нашъ, которой ни одного существа природы не постигаеть, вздумалъ бы идти по стезямъ Всесильнаго, и вознестись на высоту совершенствъ Его! Богъ, во свѣтѣ живый неприступномъ, не дозволяетъ взору смертныхъ досязать до Него, и кто на сіе отважится, того подавляетъ тяготою славы своей. Что есть человѣкъ, восклицалъ мудрѣйшій и просвѣщеннѣйшій изъ земнородныхъ Государь, Философъ, Пророкъ, Богомъ вдохновенный? Что есть человѣкъ, чтобъ смѣть слѣдить Владыку, его сотворшаго?

Безконечное Существо есть по естеству своему непостижимо.--- Разумъ не можетъ иначе изобразить Его. Самыя объ Немъ понятія его преисполнены таинствъ. Онъ говоритъ, что Богъ существуетъ независимо; но въ состояніи ли дать намъ ясное понятіе о Существѣ, которое въ себѣ самомъ замыкаетъ причину собственнаго бытія? Онъ представляетъ Его вѣчнымъ; но въ состояніи ли учинить понятнымъ

для насъ продолженіе безъ послѣдовательнаго порядка, или сей порядокъ безъ начала и конца? Онъ изображаетъ Его неизмѣримымъ; но не изъясняетъ ни безпредѣльности безъ протяженія, ни протяженія безъ вещества. Онъ признаетъ Его неизмѣннымъ и купно свободнымъ; открываетъ въ Немъ предвѣдѣніе, и въ тожъ время ощущаетъ въ себѣ собственную свободу. --- Всѣ сіи истины и множество другихъ толикожъ неизъяснимыхъ, суть догматы естественной Религіи. Разумъ доходитъ до познанія ихъ; но не можетъ понять ихъ. Ему также не возможно отрицать оныя, какъ и согласить между собою.--- Религія безъ таинствъ показалась бы дѣломъ человѣка; она носила бы на себѣ печать всѣхъ его произведеній; соотвѣтствовала бы его силамъ и склонностямъ.

Вопросимъ о семъ самыхъ противниковъ, оспоривающихъ наши таинства съ толикою величавостію и довѣренностію. Противополагаемыя ими системы не заключаютъ ли въ себѣ также таинствъ? Кто изъ нихъ можетъ похвалиться, чтобъ все, что онъ ни утверждаетъ, основывалось на ясныхъ и удобьпонятныхъ началахъ? *Пирронистъ* ли, которой все уничтожаетъ, и свидѣтельство чувствъ, и власть

разума, зашмѣвая извѣстность и собственнаго бытія? Или *Матеріалистъ?* Но онъ предлагаетъ нашему разумѣнію вещество вѣчное, существо самобытное, но со свойствами случайными; удободѣлимое, но способное мыслить. *Безбожникъ* ли? Но какимъ образомъ изъяснитъ вамъ необозримую цѣпь существъ безъ перваго существа, чудесный порядокъ безъ разумной силы? Или *Деистъ*, которой сотворилъ Бога безъ промысла? Заставте его быть истолкователемъ сего празднаго Божества, которое создало свѣтъ и не правитъ имъ, видитъ зло и не караетъ оное.--- Странная слѣпота нашихъ противниковъ! отвергаютъ таинства, охуждаютъ ихъ, не хотятъ даже вникнуть въ побудительныя причины вѣрить онымъ единственно потому, что суть непостижимы; а между тѣмъ довѣряютъ такимъ толкамъ, въ коихъ все противорѣчитъ здравому смыслу. Безвѣріе должно считать за снисхожденіе себѣ, что разныя его системы порочимъ мы со стороны одной только непонятности ихъ. Такимъ образомъ вездѣ есть таинства; разумъ срѣтаетъ ихъ въ природѣ, въ естественной Религіи и въ самомъ безвѣріи. И такъ не совмѣстно ему отрицать догматы Христіанства, подъ предло

томъ ихъ неясности. На высотѣ тверди небесной, окрестъ престола Превѣчнаго, зримъ мы блистаніе истинъ, на кои изливаетъ часть свѣта своего сіе Солнце духовъ; но видимъ только надглавную часть, освѣщенную его лучами, а прочія стороны скрываются отъ нашего взора. И почто требовать ясности откровенныхъ истинъ, когда откровенія истина внятна и удостовѣрительна?

Не смѣя не допустить возможности таинствъ, и признавая обязанность покориться онымъ, безвѣріе съ разныхъ сторонъ нападаетъ на таинства Христіанства. Оно представляетъ ихъ въ видѣ суетныхъ умозрѣній, безполезныхъ человѣку, недостойныхъ премудрости Божіей, и могущихъ даже отвратить насъ отъ Религіи. Къ чему служитъ сіе множество догматовъ, непрестанно повторяютъ защитники онаго? Темнотою своею наполняя нашъ умъ, дѣлаютъ ли насъ ученнѣе? Становимся ли лучшими чрезъ привязанность нашу къ такимъ мнѣніямъ, кои ни малѣйшаго не имѣютъ отношенія ко нравамъ?

Когда бы и уступили мы невѣрцамъ, что не знаемъ никакой выгоды въ нашихъ таинствахъ; что не чувствуемъ отношенія ихъ къ назиданію,

благу, совершенству рода человѣческаго: но и тогда отнюдь бы мы не дозволили имъ отвергать таинства. Какое имѣемъ право у Творца требовать отчета въ Его намѣренїяхъ, принимать или отвергать, что намъ только заблагоразсудится? и что за власть будетъ, когда подчиненные ей начнутъ въ свою чреду подвергать ее такому розыску? Ежели мы не познаемъ пользы таинствъ, то это будетъ дополненїе оныхъ. О непостижимомъ въ Религїи надобно судить по тому, что дано намъ разумѣть въ оной. Большая часть невѣрцовъ сознаются, что всѣ наставленїя Христїанства, постигаемыя разумомъ, суть величественны. Они признають также ихъ истину, чувствуютъ пользу, удивляются ихъ связи и единенїю. Таже самая власть предлагаетъ нашему вѣрованїю и непостижимые догматы; тѣ и другїе имѣютъ одно начало, истекаютъ изъ одного и тогожде источника, доходятъ до насъ одинакими путями. Съ удивленїемъ разсматриваю внѣшность сего прекраснаго зданїя; огромность его изумляетъ меня, величественность поражаетъ, соразмѣрность восхищаетъ, и искусство зодчаго ручается мнѣ за красоту внутренности, куда взоръ мой не можетъ проникнуть.

Таинства вмѣсто того, чтобъ отвращать какъ отъ Религіи, должны вящше прилѣпить къ ней; вмѣсто того, чтобъ содѣлать ее неимовѣрною, способствуютъ къ открытію ея истинъ. Дерзнуть ли вамъ сказать, чтобъ онѣ сложены были вымысломъ человѣческимъ? Люди безъ малѣйшаго просвѣщенія, простые рыбари, кои сами, по собственному ихъ признанію, не разумѣютъ возвѣщаемыхъ ими истинъ, и сами удивляются повѣствуемымъ ими чудесамъ: вотъ, кого обвиняютъ въ выдумкѣ таинствъ! и ежели воображеніе ихъ способно было пораждить оныя, то какъ бы они отважились разгласить ихъ? Не устрашились ли бы противъ вводимой ими Религіи возставить новыхъ непріятелей, доставить имъ новое оружіе? Для содѣланія Апостоловъ выдумщиками нашихъ таинствъ, надобно предположить съ одной стороны, что по изобрѣтательности своей они должны быть весьма просвѣщенные люди, а съ другой крайнѣ безразсудны, что сами захотѣли воспрепятствовать своей проповѣди.

И сіи таинства такого ли свойства, чтобъ могли быть изобрѣтены умомъ, или сложены воображеніемъ? Кромѣ величія и истинности, коихъ

разительный отпечатокъ представляютъ они всякому вникающему въ ихъ сущность, находится между ими тѣснѣйшая связь, еще болѣе удаляющая отъ насъ мысль о обманѣ. Святая Троица есть основанїе небесныхъ таинствъ; грѣхъ первородный, земныхъ; Сынъ Божїй, изъ нѣдръ Отчихъ прошедый и облеченный въ наши немощи, тѣ и другїя соединяетъ въ своей Особѣ. Его страданїе заглаждаетъ грѣхъ, содѣлываетъ благодать, и ежедневно возобновляется въ Евхаристїи. Всѣ сїи таинства связаны одно съ другимъ; онѣ образуютъ цѣлое въ совершенствѣ; это есть полная система Религїи, въ которой ничего не льзя премѣнить безъ истребленїя оной. На нихъ, яко на сводахъ, возлежитъ вся тяжесть Христїанства; отъ переставленїя одного таинства изъ мѣста въ мѣсто, обрушится все зданїе. Таково есть начало заблужденїй и основанїе почти всѣхъ возраженїй противъ нашихъ догматовъ: всегда невѣрцы нападаютъ на нихъ порознь, отдѣленно; но естьли разсмотрѣть ихъ совокупно и сличить между собою, то изчезаютъ всѣ трудности. Отъ соединенїя ихъ раждается фокусъ свѣта, разсыпающїй весь мракъ недоумѣнїй.

Однако не устрашимся возвести

взоръ нашъ на каждое таинство въ частности. Святая Троица представляетъ намъ Божество умножающимъ свои лица, и изъ всего существа своего изливающимъ на насъ неудобьпонятныя милости.

Воплощенїе показуетъ достоинство природы нашей и цѣну души. Оно изображаетъ Бога нашимъ законодателемъ, а Богочеловѣка образцемъ, и неограниченную власть повелителя съединяя съ превыспреннею доблестїю Его примѣровъ, возноситъ насъ на высочайшїй степень святости, отъемлетъ всякїй предлогъ ослушности, неизвинительнымъ дѣлаетъ всякое нарушенїе законовъ. Таинство искупленїя есть средоточїе, къ коему примыкаются всѣ части Религїи. Іисусъ Христосъ съ высоты креста своего объемлетъ и сближаетъ всѣ времена. Онъ соединяетъ изреченїя Пророковъ и проповѣдь Апостоловъ, желанїя Патрїарховъ и благодатныя дѣйствїя Святыхъ, чиноправленїе Синагоги и святые дары Церкви, древнїя всесожженїя и безкровную жертву. На крестѣ открываются и примиряются всѣ свойства Божества. Оскорбленная святость находитъ тамъ соразмѣрное себѣ удовлетворенїе; высочайшая правда получаетъ тоже; безконечное милосердїе не-

оскудныя изливаетъ тамъ рѣки своихъ сокровищъ; превѣчная мудрость всѣ сіи вознагражденія соглашаетъ съ неисповѣдимыми средствами всемогущества. Смертные! у подножія креста научитесь, какое зло есть грѣхъ, когда для очищенія онаго потребно было таковое пожертвованіе!

Догматъ благодати открываетъ намъ тайну слабости нашей, и научаетъ, откуда должны мы получать крѣпость. Безсильны будучи сами по себѣ къ содѣланію добра, имѣемъ подкрѣпленіе отъ безконечнаго Всемогущества. Нужда въ благодати, заставляя насъ чувствовать зависимость нашу, непрестанно намъ напоминаетъ о Богѣ. Обѣтованія благодати, являя Бога пекущимся о спасеніи нашемъ, поощряютъ насъ содѣйствовать успѣху сего попеченія. Необходимость въ подпорѣ обязываетъ насъ искать оной; надежда обрѣсти ее, возбуждаетъ въ насъ рвеніе воспользоваться оною. Все въ насъ есть даръ Господа: воля наша есть дѣйствіе Его воли; и сія спасительная благодать, вмѣсто стѣсненія нашей свободы, еще оживляетъ и укрѣпляетъ оную.

Что ощущали всѣ народы, и рѣшеніе чего ни одинъ человѣкъ не отважился взять на себя, обьяснено то

въ первородномъ грѣхѣ. Человѣкъ уже не есть загадка для него самаго. Уже не удивляемся мы симъ разительнымъ противорѣчіямъ, кои, по видимому, предполагаютъ въ насъ двѣ противныя природы. Сіе таинство все соглашаетъ: преимущество зла надъ добромъ, съ высочайшею премудростію раздаятельницею того и другаго; неистощимую благость Творца, съ немощами насъ преслѣдующими отъ рожденія по самую смерть; пламенное желаніе блаженства, съ долговременными бѣдствіями; нетерпѣливость хотѣній, съ недѣйствительностію способовъ; врожденную любовь къ добродѣтели, съ стремительною склонностію къ пороку.--- Дѣйствія существуютъ, мы ихъ ощущаемъ въ самихъ себѣ: онѣ такой очевидности, что и самые противники наши не смѣютъ въ нихъ сомнѣваться. Это правда, что въ Христіанствѣ онѣ изложены не ясно; но въ прочихъ системахъ не токмо онѣ никакъ не объяснены, но даже и не упоминаются. Неправедные хулители, желающіе, чтобъ откровеніе разсѣяло весь мракъ, покрывающій таинства! отъ чувствъ вашихъ, внутренняго ощущенія и разума никогда вы не требуете такихъ свѣдѣній, коихъ онѣ сообщить вамъ не могутъ.--- Для че-

гожъ отъ Священнаго Писанія требуете большаго, нежели сколько Богъ благоизволилъ открыть намъ чрезъ оное? Пользуясь тѣмъ, что далъ Онъ человѣку разумѣть въ чинѣ Религіи, какъ и въ чинѣ природы, благоговѣйно чтите все прочее, что восхотѣлъ Онъ сокрыть отъ васъ.

И не должны ли мы довольствоваться тѣмъ, что въ таинствахъ находимъ всѣ нужныя для насъ свѣдѣнія? Онѣ открываютъ намъ естество Божіе и наше, начало и конецъ нашего бытія, причину страстей и врачество отъ оныхъ, происхожденіе грѣха и источникъ заслугъ; раскрытіемъ свойствъ Божества приводятъ насъ въ восторгъ удивленія, а изображеніемъ Его милосердія возбуждаютъ любовь къ Нему. Онѣ совокупно предлагаютъ намъ сильнѣйшія побужденія, разительнѣйшіе примѣры, надежнѣйшія средства къ улучшенію нашей природы. Какую бы полезную истину укрывала отъ насъ темнота таинствъ? Какое бы для насъ благо произойти могло, когда бы ясно ихъ понимали? Не довольно ли намъ видѣть въ нихъ занимательныя для насъ отношенія, находить предметы нашего поклоненія, побужденія нашей благодарности, основаніе нашихъ обязанностей? Богъ всѣ наши познанія

соразмѣрилъ съ нуждами нашими. Вотъ край нашего любопытства! Далѣе сей черты всякой розыскъ не токмо суетенъ, но и безразсуденъ. Нескромный умъ, дерзающій выступать изъ положенныхъ ему предѣловъ, за дерзость свою достойно и праведно наказуется замѣшательствомъ и смятеніемъ мыслей своихъ. —

Предположимъ на минуту, чтобъ всякой человѣкъ, по желанію безвѣрія, имѣлъ возможность обнимать умомъ всѣ истины Религіи; скоро онъ вознепщуетъ имѣть право располагать ими по своей волѣ, сдѣлается судіею, начнетъ принимать или отвергать догматы, заповѣди, образъ Богослуженія, какіе только самъ захочетъ. При таковомъ своевольствѣ уже не будетъ общей Религіи; слѣдовательно не останется ни одного догмата извѣстнаго, ни одного закона священнаго, ни одного постояннаго обряда. — Но поставляя часть Религіи превыше помышленій человѣческихъ, Богъ укрощаетъ дерзновенный полетъ разума, которой съ почтеніемъ останавливается при видѣ сихъ священныхъ преградъ, чувствуя въ себѣ безсиліе преодолѣть оныя, и въ густомъ туманѣ, таинствами разстилаемомъ предъ его очами, зритъ онъ нужду въ наставникѣ, которой бы

просвѣтилъ его. Такимъ образомъ темнота таинствъ заставляетъ насъ быть покорными ученію православія, сообщаетъ ему неизмѣняемую прочность, утверждаетъ владычество нравственнаго закона, и въ служебныхъ обрядахъ обязываетъ насъ ничѣмъ не разнствовать отъ чиноправленія Церкви.

Между тѣмъ, какъ народы, невѣдущіе Господа, блуждаютъ по неизмѣримому океану мнѣній, яко *младенцы влающеся и скитающеся всякимъ вѣтромъ ученія* (*), по выраженію Апостола, послѣдователь Христовъ, стоя на якорѣ вѣры, небоязненно смотритъ на кипящія волны заблужденій, разбивающіяся о краеугольный камень Церкви. Единство ученія есть для насъ и догматъ и потребность. Это есть цѣпь, которою Богочеловѣкъ всѣхъ насъ соединяетъ подъ свою власть. Не льзя отдѣлить ни одного звена отъ сей цѣпи, не ослабивъ ее совершенно.

Неясность таинствъ, изъ вѣры дѣлая обязанность, пролагаетъ и путь къ заслугамъ. Вѣра не могла бы быть добродѣтелію, если бы сообщаемыя ею истины блистали свѣтомъ очевидности: но часть ихъ сокрывая во мракѣ, она кладетъ цѣну на расположеніе

(*) Ефес. гл. 4. ст. 14.

наше къ принятїю оныхъ. Сїя добродѣтель неизвѣстна была народамъ, покланявшимся невѣдомому Богу. Разумъ ихъ никакого не имѣлъ объ ней понятїя; а языкъ никакихъ словъ для выраженїя оной. Дивное распредѣленїе Божїя Милосердїя! умножая побужденїя нашего вѣрованїя, оно еще благоволитъ давать намъ отчетъ въ оныхъ. Догматы свои окружаетъ оно и свѣтомъ, и мракомъ: свѣтомъ, дабы согласно съ правотою было вѣрить онымъ; мракомъ, чтобъ вѣрованїе было вмѣнено намъ въ заслугу. Свѣтъ помѣщенъ на сторонѣ доводовъ, служащихъ основою вѣрѣ; темнота на сторонѣ сущности догматовъ, кои суть предметъ вѣры.

И такъ святыя истины, нами исповѣдуемыя, заключаютъ въ себѣ всѣ отличительные знаки, привлекающїе уваженїе къ себѣ. Отличительный знакъ основательности: не льзя отвергать ихъ по причинѣ ихъ неясности, и онѣ поддерживаются сильнѣйшими побужденїями вѣрить имъ. Отличительный знакъ мудрости, которая весьма чудно соединила ихъ между собою и приспособила къ предуставленной имъ цѣли. Отличительное свойство высоты: онѣ изумляютъ разумъ превосходствомъ и изящностїю своихъ предметовъ. Отличительное свойство свято-

сти: онѣ возносятъ человѣка превыше человѣчества. Отличительное свойство пользы: онѣ суть источникъ чистѣйшихъ свѣдѣнiй и основанiе истиннагo счастiя. Не будемъ говорить, чтобъ сiи священные догматы сравнили вы съ ученiемъ другихъ религiй; постыдно для нашего служенiя и сана, предлагать вамъ таковое сличенiе. Но скажемъ съ полною довѣренностiю къ самимъ себѣ: поищите въ вашемъ разумѣ другихъ наставленiй человѣчеству; вымыслите систему Религiи основательнѣе, умнѣе, величественнѣе, святѣе, полезнѣе: тогда и мы позволимъ вамъ усумниться въ изящности догматовъ, предлагаемыхъ нами вашему вѣрованiю.

НРАВОУЧЕНIЕ.

Къ удивительнымъ догматамъ, коимъ Религiя обязываетъ насъ вѣрить, присоединяетъ она еще должности, которыя исполнять повелѣваетъ. Чтобы дать вамъ возчувствовать, колико превосходна сiя часть Христiанства, мы не имѣли бы нужды занять васъ разсматриванiемъ оной въ самомъ ея источникѣ, справляться со всѣми толковниками и защитниками книгъ священныхъ. Лестнѣйшiя похвалы запо-

вѣдямъ Религіи находятся въ самыхъ сочиненіяхъ, противорѣчущихъ Религіи. Изъ нѣдръ самаго безвѣрія востаютъ достовѣрнѣйшіе свидѣтели въ пользу Христіанскаго нравоученія. Какоежъ должно быть нравоученіе, которое укрощаетъ свирѣпѣйшихъ враговъ своихъ, заставляетъ ихъ уважать себя и даже исторгаетъ у нихъ удивленіе себѣ? Но сбережемъ сіи безотмѣтныя свидѣтельства до другаго времени, когда нужда востребуетъ противоположить ихъ врагамъ Христіанства. Нынѣ говоримъ мы къ Христіанамъ; и цѣль сея бесѣды состоитъ въ томъ, чтобъ крѣпче привязать ихъ къ святому закону, показавъ имъ, сколь онъ благъ и высокъ.

Всякой законъ, по природѣ своей, клонится къ двойственному концу: показуетъ человѣку его должности и обязываетъ исполнять ихъ. Заповѣди закона, священіе закона; вотъ двѣ части, входящія въ составъ его! Съ сей двоякой точки зрѣнія разсмотримъ Христовъ законъ, и увидимъ, что онъ соединилъ въ себѣ сіи принадлежности несравненно больше, нежели другой какой когда-либо существовавшій, или умозрительный только; принадлежности, соглашающія досточтимость, высоту правилъ, силу и власть побужденій. И во первыхъ заповѣди Іисуса

Христа сличите со всѣмъ тѣмъ, что человѣческій умъ произвелъ до Его въ міръ пришествія. Ибо чтобъ основательно судить о нашемъ нравоученіи, то къ сей Эпохѣ надобно отнестись. Новѣйшихъ временъ безвѣріе не въ правѣ противополагать намъ тѣ начала добродѣтели, коими оно украсило свои творенія. Все, что оно издало въ свѣтъ изящнаго, чистаго, святаго, мы, яко служители Іисуса Христа, обратно требуемъ во имя Его. Самыя лучшія невѣрцовъ произведенія суть похищенія изъ Новаго Завѣта, или подражанія оному. По примѣру тѣхъ народовъ, кои ругались надъ солнцемъ, будучи озарены его свѣтомъ, *Деисты* черпаютъ воду ученія изъ Евангелія, и порочатъ Евангеліе; выписываютъ изъ него почти слово въ слово, и сіе хищеніе противъ его же употребляютъ.

И такъ желающіе познать, сколь далеко простирается лучь разума, оставьте мѣста, освѣщенныя откровеніемъ; пренеситесь мысленно въ тѣ страны и времена, гдѣ Іисусъ Христосъ былъ невѣдомъ. При познаніи истиннаго Бога, коренныя начала добродѣтели были искажены въ мірѣ. Религія, уставленная для исправленія человѣка, содѣйствовала его развращенію. Самый примѣръ Божества поощрялъ къ злодѣ-

нію; не было страсти, которая не имѣла бы своихъ боговъ, своихъ жрецовъ, своихъ капищъ, своего образа чествованія, своихъ жертвъ, своихъ таинствъ, своихъ поклонниковъ, своихъ тайновѣдцовъ; и съ высоты жертвенниковъ зараза пороковъ разливалася по всему лицу земли. Философія, которая была просвѣщеннѣе Религіи, противополагала кое--какія усилія сему быстрому потоку всеобщаго растлѣнія. Отдадимъ должную справедливость любомудрамъ древности. Многіе изъ нихъ пріобрѣли право на признательность народовъ важными своими открытіями. И кто знаетъ, сіи преизящные умы не самъ ли Богъ воздвигъ для воспрепятствованія, чтобъ уваженіе къ добродѣтели не изчезло изъ мыслей человѣческихъ? Среди язычества блистали они, аки звѣзды, каковыя въ темную ночь издалека зримъ на небѣ, помраченномъ облаками. И теперь много почитаемъ ихъ открытія, такъ какъ удивляемся дальнымъ древнихъ плаваніямъ, которыя перестали изумлять насъ, коль скоро познали мы мореходную науку. Надъ разумомъ нѣкоторыхъ Философовъ возсіялъ свѣтъ множайшихъ нравственныхъ истинъ; но отъ недостатка свѣдѣнія о прямомъ ихъ началѣ, ни одинъ изъ нихъ не утвердилъ оныя на проч-

номъ основанїи; ни одинъ не помыслилъ привесть ихъ въ систему. Они ухватили кое--какїя изъ начальныхъ положенїй: но слишкомъ будучи малочисленны для сообщенїя ихъ всѣмъ людямъ; слишкомъ боязливы, чтобъ отважиться объявить ихъ во всенародное извѣстїе; слишкомъ раздѣленны, чтобъ согласиться въ связи и послѣдствїяхъ оныхъ; слишкомъ слабы, чтобъ заставить принять ихъ; слишкомъ укоризненны по жизни, чтобъ привлечь уваженїе къ себѣ; съ какими еще баснями ихъ не перемѣшали? Не было Философа, которой бы не училъ какому нибудь заблужденїю; не было заблужденїя, котораго бы не преподалъ какой нибудь Философъ. Богъ оставилъ мїръ, управлять имъ попустивъ Философїи; и пришествїю въ оной Мессїи предшекло четыре просвѣщеннѣйшїя столѣтїя, дабы уму человѣческому дать совершенно возчувствовать его скудость и слабость.

Но по истеченїи времени, которое предназначила Премудрость Божїя, изумленный свѣтъ вдругъ увидѣлъ, что Философїя его потемняется блескомъ новой Философїи. Изъ среды народа бѣднаго, незнаемаго или и презираемаго другими народами, изходитъ простой Человѣкъ безъ наукъ, безъ образованїя;

признанный за сына ремесленника; исходитъ съ уложенiемъ высочайшей нравственности, и преклоняетъ всѣхъ на свою сторону не силою умствованiя, не очаровательностiю краснорѣчiя, но истиною своихъ глаголовъ. Между тѣмъ, какъ Пророки, по вдохновенiю Его, вѣщаютъ къ людямъ со всѣмъ убранствомъ пѣснопѣнiя, со всею пышностiю витiйства; самъ Онъ изъясняется съ такою простотою, которая удивительнѣе всякаго искусства. Будучи превыше всѣхъ проповѣдуемыхъ Имъ дивностей, Онъ не любитъ выказывать Себя. Неслыханныя наставленiя изливались изъ Его устъ такъ естественно и съ такою ясностiю, что для всѣхъ умовъ дѣлались внятными и всѣмъ сердцамъ прiятны. Онъ вѣщаетъ; и се признанiе самыхъ враговъ Его: что *николиже тако глаголалъ есть человѣкъ, якоже сей человѣкъ* (*). И потому никакое, кромѣ Его, ученiе не было такъ повсемѣстно возвѣщено и принято. Грубѣйшiй ремесленникъ нашего времени гораздо свѣдущѣе въ своихъ должностяхъ, нежели какъ былъ до Христа всякой ученнѣйшiй Философъ. Начальныя правила Религiи, каковыя даемъ читать дѣтямъ, есть собранiе

(*) Іоан. гл. 7, ст. 46.

такихъ наставленій, кои гораздо далѣе разпространены, гораздо яснѣе и опредѣлительнѣе изложены, нежели всѣ превознесенныя и огромныя сочиненія мудрецовъ древности. Сіе нравоученіе содѣлалось, и долженствовало содѣлаться закономъ міра; ибо никакой другой законъ не былъ, и не могъ быть такъ мудръ и соразмѣренъ съ природою человѣческою, такъ полезенъ и дѣйствителенъ для благосостоянія человѣчества.

Разумъ можетъ ли представить себѣ законъ всеобъятнѣе въ его заповѣдяхъ? Мы смѣло вопрошаемъ супостатъ Христіанства: въ какой бы части усматривали недостатокъ или погрѣшность онаго? Пусть именуютъ намъ хотя одну добродѣтель, которой бы не предписывало Евангеліе; пусть покажутъ совершенство, котораго бы оно не завѣщало; пусть означатъ порокъ или слабость, коихъ бы не охуждало. Соедините въ вашемъ умѣ всѣ начала добродѣтели; присовокупите къ онымъ всѣ понятія о нравственномъ совершенствѣ; вообразите еще новые степени высочайшей святости: и ничего больше не сдѣлаете, кромѣ что составите образецъ истиннаго Христіанина. Человѣческая мысль не можетъ простиратися дальше того, что

Іисусъ предвидѣлъ и постановилъ, повелѣлъ или завѣщалъ.

Во множествѣ заповѣдей, объемлющихъ всѣ части жизни и простирающихся до всѣхъ состояній, нѣтъ ни одной противорѣчущей здравому смыслу: не потому, чтобъ разумъ до познанія всѣхъ Евангельскихъ заповѣдей дошелъ самъ собою; но для того, что коль скоро онѣ открыты Мессіею и возвѣщены Его Апостолами, онъ призналъ ихъ справедливость, почувствовалъ надобность, испыталъ пользу, удивился мудрости. Ревностнѣйшіе враги Христіанскаго нравоученія принуждены сознаться, что коренныя правила всякой нравственности, сіи первостатейныя начала съ нами рожденныя и прежде возчувствованныя, нежели преподанныя, кои, по слову Апостола, суть законъ для неимущихъ закона, и по которымъ совѣсть произноситъ свое мнѣніе во внутреннемъ судилищѣ; гдѣ мысли наши взаимно обвиняютъ и оправдываютъ себя; сіи, повторяю, коренныя правила, распорядкомъ своимъ и разобраніемъ ихъ запутанности, одолжены единственно Евангелію, которое ихъ разпространило, уставило и освятило. И такъ, по сознанію самаго себя безвѣрія, важнѣйшая часть Христіанскаго нравоуче-

нія совершенно согласуется съ разумомъ. Остается намъ защитить однѣ только вышшаго разряда заповѣди, утаенныя отъ разумныхъ и открытыя младенцамъ. Невѣрцы сіи вышшаго разряда заповѣди представляютъ въ видѣ безполезныхъ, и слѣдственно достойныхъ порицанія; въ видѣ чрезмѣрно строгихъ, и слѣдственно нетерпимыхъ; въ образѣ микроскопа, увеличивающаго должности, и сообщая ложныя понятія о нравственномъ совершенствѣ, руководствующаго людей къ тайносказательному состоянію, несовмѣстному ихъ природѣ. Обвиняютъ святой законъ въ чрезмѣрной строгости, которой онъ никогда не терпѣлъ. Воззри на Церковь Христову, одною и тоюжъ рукою отталкивающую своевольнаго развратника и затѣйливаго нововводителя, которой, для уполномоченія своихъ заблужденій, украшаетъ себя святостію, выходящею изъ предѣловъ здраваго разсудка; она на того и другаго мещетъ свои проклятія. Въ чемъ Отцы наши во всѣхъ вѣкахъ укоряли еретиковъ, чего не переставала охуждать Церковь; безсовѣстно вмѣнять то ей въ поношеніе. Такимъ-то образомъ всегда противорѣчатъ между собою страсти и заблужденія. Невѣрцы укоряютъ Церковь въ ея жестокости, а еретики въ пот-

ворствѣ. Поставили ей въ вину и взыскательность ея и умѣренность.--Христіанское нравоученіе представляетъ счастливое раствореніе строгости кротостію. Край совершенства всегда достигнутъ и никогда не прейденъ. Духъ Христіанства есть умѣренность, отлучающая отъ Церкви то и другое излишество.

Однакожъ Христіанское нравоученіе, при всей его умѣренности, въ крѣпкой держитъ уздѣ порочныя страсти, и всѣ беретъ предосторожности, къ укрощенію ихъ служащія. Всѣ прочіе законы, одинъ послѣ другаго господствовавшіе на земли, осуждали преступниковъ; но что не было совсѣмъ и само по себѣ порочно, то позволяли. И какую они имѣли власть не допустить того? Законъ Іисуса Христа простирается несравненно далѣе. Онъ возбраняетъ не только грѣхъ, но и все могущее дать поводъ къ оному. Христіанинъ сколько боится грѣхопаденія, а не меньше того и опасности, подвергнуться оному. Евангеліе предупреждаетъ порокъ, нападаетъ на него прежде, нежели онъ содѣянъ. Чтобъ не было клятвопреступленія; то Богочеловѣкъ охуждаетъ всякую присягу, безъ нужды учиненную. Для удержанія отъ убійства, Онъ укро-

щаетъ начальныя гнѣва движенія; для воспрепятствованія прелюбодѣйству, запрещаетъ желаніе прелюбы творить: желаніе есть преступленіе; похотливый взглядъ прелюбодѣяніе. При дверяхъ сердца человѣческаго Онъ поставляетъ законъ свой, яко неумолимаго стража, которой прочь отгоняетъ не только грѣхъ, но и всякую мысль злую. Ктожъ сей дивный законодатель, дерзнувшій предписывать законы нашимъ помысламъ? Кто, кромѣ Бога, возмогъ изрещи сію чудную заповѣдь: *не похелай?*

Изгоняя грѣхъ и все могущее быть приманчивымъ случаемъ ко грѣху, Евангеліе налагаетъ обязанность приводить въ дѣйство высочайшія добродѣтели. Обнародованіе его произвело совершенный переворотъ въ нравственномъ мірѣ. Открытія лучшихъ умовъ язычества затмились отъ его свѣта, или уничтожены его властію; такъ какъ при видѣ дневнаго свѣтила изчезаютъ тѣни ночныя и низпадаетъ утренняя роса. Достопамятныя ихъ изреченія или унижены, и какъ бы поглощены обиліемъ и доблестію Христіанскихъ заповѣдей, или опровержены и посрамлены святостію Евангельскаго закона. Всѣ нравственныя понятія, разсѣянныя по лицу земли, Іисусъ Христосъ или улучшилъ,

или преобразовалъ: однѣ освятилъ и уставилъ кругъ дѣйствія ихъ; другія упразднилъ и истребилъ изъ мысли людей. Онъ издалъ новый законъ, а съ закономъ ввелъ и новыя добродѣтели.

Новѣйшихъ временъ безвѣріе оказываетъ великую непризнательность къ симъ благодѣяніямъ Религіи. По его понятіямъ добродѣтели, свойственныя Христіанству, суть притворны и безъ всякой цѣли; толикожъ несовмѣстны благости Божіей, какъ и слабости человѣческой.---Христіанское смиреніе есть чрезмѣрность; оно выходитъ изъ границъ скромности, отдѣляетъ человѣка отъ правилъ общежитія; унижаетъ его, отъемля у него драгоцѣннѣйшее жизни сокровище, уваженіе къ самому себѣ, и сильнѣйшее изъ побужденій, народное почтеніе.-Любовь ко врагамъ въ ничто обращаетъ общество, безъ защиты оставляя добродѣтельнаго человѣка отъ руки сильнаго злодѣйства.--Богъ можетъ ли предписывать умерщвленіе плоти? можетъ ли желать, чтобъ непрестанно мы занимались устроеніемъ себѣ гибели? можетъ ли требовать вольной нищеты и суровой жизни?--Повелѣнное закономъ воздержаніе изнуряетъ тѣло безъ малѣйшей пользы для души; это есть медленное самоубійство.---Отчужденіе богатства, честей, лишаетъ полити-

ческое тѣло главнѣйшей его пружины
Что съ нимъ воспослѣдуетъ, ежели оно
будетъ составлено изъ нечувствитель-
ныхъ къ пользамъ времяннымъ?

Продолжимъ бесѣду нашу о всѣхъ
выше изображенныхъ заблужденіяхъ;
вразумимъ безвѣра, каковы суть запо-
вѣди, кои онъ вотще силится обезобра-
зить; докажемъ ему, что одни только
клеветники могутъ говорить въ предо-
сужденіе нашего Божественнаго закона.

Христіанское смиреномудріе не есть
чрезмѣрность скромности, но дополне-
ніе оной. Одна противоположна горде-
сти; другое сражается съ самолюбіемъ.
Человѣкъ скромно поступаетъ; ибо
чувствуетъ, что грѣшно возмущать
общую тишину своими требованіями,
и ему самому вредно оскорблять дру-
гихъ. Христіанинъ смиреномудрствуетъ
по внушеніямъ вѣры, что, изключая
грѣхъ, онъ ничего собственнаго не
имѣетъ; что онъ не въ правѣ хвалить-
ся ни дарами своей природы, ни благо-
склонностію судьбы, ни сокровищами
благодати: ибо Господь даетъ все сіе,
Господь и отъемлетъ по своему изво-
ленію. Такимъ образомъ скромность
есть похвальное снисхожденіе; но со-
вмѣстно ей погрѣшительное самомнѣніе:
напротивъ того, смиреномудріе, осно-
ванное на глубокомъ ощущеніи нашея

ничтожности, исключаетъ всѣ дополнительныя придачи самолюбія. Слѣдовательно оно по своимъ дѣйствіямъ равно, какъ и по началу своему, очень во многомъ превышаетъ скромность.— Обвиняютъ оное въ удаленіи человѣка отъ сообщества, забывъ то, что сія драгоцѣнная добродѣтель больше всѣхъ прочихъ сближаетъ чины общежитія и сокращаетъ промежутки, положительными законами установленные. -Какимъ образомъ Религія можетъ отнять у человѣка уваженіе къ самому себѣ, когда ему сообщаетъ столь высокую мысль о его природѣ и разкрываетъ важнѣйшія его отношенія къ Божеству? какимъ образомъ возбранитъ ему народное уваженіе, когда повелѣваетъ ему быть достойну онаго? Назиданіе пользъ ближняго есть одна изъ первостатейныхъ нашихъ должностей; раченіе о добромъ имени есть одно изъ основныхъ нашихъ правилъ. И не платимъ ли мы дани почтенія особамъ, толикожъ прославившимся въ лѣтописяхъ Отечества, какъ и въ бытописаніяхъ Церкви?--Смиреномудріе не дѣлаетъ человѣка нечувствительнымъ ко гласу совѣсти и гласу народа; но запрещаетъ любоваться собою. Наслажденіе Христіанства есть, вся творить во славу Божію. Онъ можетъ желать и прира-

щенія добраго о себѣ другихъ мнѣнія ежели сіе послужитъ къ вящщему явленію Божія о немъ благоволенія. Совершенный образецъ Христіанскаго смиренія трепещетъ отъ радости, предвидя, что грядущія племена благословятъ и прославятъ имя его; яко сотвори ему величіе Сильный, призрѣвъ на его самоотреченіе.

Милосердіе не неизвѣстно было мудрецамъ древности; но, по мнѣнію ихъ, однѣ только Иройскія души могли имѣть сію добродѣтель, и нѣкоторымъ чертамъ ея, разбросаннымъ по обширному пространству вѣковъ языческихъ удивлялись какъ необычайнымъ примѣрамъ великодушія. Мстительность вообще признаема была за благородное чувствіе и невинное наслажденіе. Христіане! единой только Религіи вашей обязаны вы преобразованіемъ мыслей народныхъ и улучшеніемъ Философскихъ понятій. Евангеліе не назначаетъ никакихъ предѣловъ милосердію, повелѣвая отпущать всякія оскорбленія всякія обиды; оно не только запрещаетъ мстительность, но еще изгоняетъ изъ сердца и самую ненависть, замѣщая незлобіемъ. Христіанинъ имѣетъ многія обязанности и въ отношеніи къ своимъ гонителямъ. Онъ еще не совсѣмъ удовлетворилъ своему долгу, ежели во

ерживается только отъ причиненія мъ вреда; частный законъ требуетъ, шобъ и они участвовали въ братолюіи. Въ Божественной особѣ Іисуса Христа зримъ мы и заповѣдь молиться а нашихъ враговъ, и примѣръ, проливать кровь за мучителей. Ежели отъ рата нашего не могли мы получить довлетворенія за обиду; то законъ Христовъ не возбраняетъ отыскивать наго чрезъ посредство власти. Запрещая самимъ собою управляться, дозвояетъ просить защиты у правосудія.

Человѣкъ на земли больше стражетъ, нежели наслаждается. Начиная ь болѣзненнаго вопля, коимъ возвѣщается первый его шагъ въ юдоль плаевную, и до послѣдняго издыханія, вся кизнь его есть непрерывная цѣпь бѣдтвій. Сіе страждущее существо преоставь Философіи; вмѣсто облегченія го участи, она будетъ только что овѣтовать ему быть терпѣливымъ. орестное врачевство, естьли можно акъ назвать покорность необходимоти!--Поручи сего несчастливца Религіи; на тотчасъ откроетъ ему причину олѣзней его и употребленіе ихъ; она аставитъ его, страданія свои соедиять съ страданіями Іисуса Христа, и резъ то положить ихъ въ цѣну. Высоая мысль, собственнымъ злополучіемъ

служить человѣчеству и, что было наказаніемъ грѣха, обращать то въ источникъ заслугъ! И се истинный смыслъ Христіанскаго страстей умерщвленія. Евангеліе не объявляетъ себя врагомъ невинныхъ удовольствій; но, относя ихъ къ прямой цѣли, для которой даны человѣку Провидѣніемъ, дозволяетъ пользоваться ими, какъ-бы послѣ трудовъ отдыхомъ, и не прилѣпляя къ нимъ сердца своего. Такимъ образомъ Христіанинъ встрѣчаетъ бѣдствіе, яко оброкъ перваго грѣха, съ совершеннымъ преданіемъ себя въ волю Божію; съ покорностію, яко легкое наказаніе за личныя свои слабости; съ благодушіемъ, яко искушеніе, очищающее добродѣтель; съ благодарностію, яко предувѣдомленіе, что Богъ требуетъ нашего ему служенія; съ радостію, яко средство уподобиться Христу на земли и соединиться съ Нимъ въ небесахъ.

Охуждающіе съ толикою несправедливостію воздержаніе, предписываемое Христіанствомъ, безъ запинанія выхваляютъ строгую умѣренность Стоиковъ. Сіи знаменитые любомудры, первые нравописатели древности, чувствовали, что для умерщвленія страстей необходимо нужно усмирить плоть свою. И такъ наши наставники въ Ре-

лигіи ничему такому не учатъ насъ, чего бы разумъ уже не предощущалъ, когда увѣщеваютъ укрѣплять души безсиліемъ тѣла и воздерживаться отъ позволеннаго, дабы не впасть въ запрещенное.--Воззрите на священныя убѣжища, гдѣ ревностно исполняются сіи святыя суровости; гдѣ самые совѣты учинились заповѣдьми, и замѣтьте: не больше ли тамъ доживаютъ до маститой старости, нежели среди пожирающихъ пиршествъ свѣта. Одну невоздержность вѣка надлежитъ укорять въ медленныхъ самоубійствахъ; а не Христіанское воздержаніе, которое напротивъ того предохраняетъ насъ отъ оныхъ.

Не лучше понимаютъ разумъ Евангелія и тѣ злословы, кои говорятъ, что якобы оно учениковъ своихъ охлаждаетъ безъизъятно ко всѣмъ временнымъ пользамъ. Конечно земныхъ воздаяній народъ Божій искалъ въ соблюденіи своего закона; и Спаситель міра не возгнушался присоединить сіи побужденія къ высокимъ чаяніямъ горняго Сіона. Христіанинъ, помѣщенный въ нѣдрѣ общежитія, не отдѣляетъ себя отъ сочеловѣковъ. Будучи сынъ, отецъ, супругъ, судія, воинъ, купецъ, землепашецъ, ремесленникъ, въ какомъ бы состояніи Промыслъ ни поставилъ его,

завсегда онъ имѣетъ обязанность, польз
зы человѣчества и свои собственны
извѣшивать, соглашать, оборонять;
Религія всегда повелѣваетъ первое
главнѣйшее вниманіе обращать на дол
жности своего званія. Вмѣсто того
чтобъ возбранять намъ временныя бла
га, она просвѣщаетъ, какое дѣлат
изъ нихъ употребленіе; вмѣсто того
чтобъ обладаніе ими вмѣнить намъ в
порокъ, научаетъ чрезъ посредств
оныхъ изходатайствовать себѣ спасеніе
Такимъ образомъ пользы земныя соеди
няетъ она съ небесными, не чрезъ по
жертвованіе однихъ другимъ, но учре
дивъ порядокъ зависимости нижняг
отъ вышняго. И сіе подчиненіе не ест
ли праведно, разумно, полезно? Како
сходство, какая общая мѣра, какое упо
добленіе можетъ быть между богат
ствомъ, почестями, всѣми земным
благами, совокупно взятыми и межд
блаженствомъ праведныхъ? И вот
основаніе Христіанскаго самоотреченія
Евангеліе не разлучаетъ насъ съ зем
ными выгодами, но хочетъ разорват
оковы нашего къ нимъ пристрасті
Оно научаетъ ожидать ихъ терпѣлив
собирать безъ алчности, обладат
безъ привязанности, терять безъ р
потной скорби, и, по выраженію Апо
стола, наслаждаться какъ *преходяще*

пѣнію міра сего, яко не наслаждающеся. Сія высокая добродѣтель не мола входить въ составъ языческаго равоученія, коего всѣ правила ограничивались земными потребностями. Сіе едостаточное законоположеніе весьма лабую сообщало намъ мысль о безкоыстіи, занимаясь наипаче тѣмъ, чтобъ ичныя выгоды не усилились на счетъ бщаго добра.

Такимъ образомъ возвышенныя правила Христіанства, которыя не были не могли быть произведеніемъ челоѣческаго разума, безвѣріемъ представлены въ ложномъ видѣ. Оно превратно хъ изображаетъ, чтобъ легче было хъ опровергнуть; Христіанскими дободѣтелями умышленно почитаетъ злишества, коими Христіанство гнушается. Слѣдовательно супостаты ашея вѣры сражаются не со нравоченіемъ Іисуса Христа, но со вздорымъ призракомъ, которой они себѣ ообразили; и чтобы доказать святость ашего закона, то довольно изобразить го таковымъ, каковъ онъ есть.

Разумъ Евангельскихъ заповѣдей онечно есть таковъ, чтобъ безпреывную имѣть намъ войну со страстяи, обуздать ихъ; а естьли возможно, вовсе искоренить. Но сіе значитъ ли нравоученіе ложное, или увеличен-

ное? Мнимые наши мудрецы хотят
изъ самыхъ страстей составить осно
нравственности. Весьма мало обдума
ная система, которая открываетъ по
верхностное знанїе и человѣка, и стр
стей! Существенное свойство страст
есть ненасытимость: чѣмъ больше он
получила, тѣмъ больше требуетъ
всякое сдѣланное ей послабленїе усил
ваетъ ее. Это есть огонь, тѣмъ сил
нѣе воспламеняющїйся, чѣмъ больш
пожираетъ, и опустошенїя его дум
ютъ остановить доставленїемъ пищ
Безразсудные наставники человѣчеств
сами вы признаетесь, что есть черт
за которою страсть становится опас
ною, и не радя о предупрежденїи се
гибельной минуты, вы дѣлаете ону
еще опаснѣе. Вы попускаете страст
усилиться, прежде нападенїя на нее
готовите человѣка къ сему сраженї
прїучая уступать; для содѣланїя е
внимательнымъ ко гласу разума, ож
даете минуты его упоенїя; думает
спустить парусы и сложить ихъ
складки тогда, когда корабль, повре
денный бурею, готовъ уже разбиты
и утонуть. О! сколь благоразумнѣе
надежнѣе такое нравоученїе, которо
всякую страсть признаетъ опасно
нападаетъ на нее, при самомъ начал
номъ ея появленїи! не должно никаки

имѣть договоровъ съ непріятелемъ, всегда противъ насъ вооруженнымъ.

Въ самомъ дѣлѣ замѣтьте, любезная братія, какія заповѣди сей Божественной Законодатель довелъ до высочайшей степени совершенства; и увидите, что это суть тѣ самыя, коихъ исполненіе для сердца тягостнѣе: поелику онѣ противорѣчатъ страстямъ. Скромность противна гордости, милосердіе злопомнѣнію, терпѣливость въ бѣдахъ, чувствительности, умѣренность алчности, безкорыстіе любостяжанію и любочестію. Оставьте человѣка правленію его законовъ, руководству Философовъ и собственнаго разума; онъ въ себѣ испытаетъ непрерывную борьбу добродѣтели со страстію, влекущей склонности съ задерживающею обязанностію. Ему непрестанно надобно разсуждать, въ какомъ случаѣ онъ долженъ быть послушливъ одной изъ сихъ противоборствующихъ силъ, въ какомъ случаѣ уступить другой. Вся жизнь его пройдетъ въ разчисленіяхъ, до какого степени ему надлежитъ быть скромнымъ, милостивымъ, терпѣливымъ, воздержнымъ, безкорыстнымъ. Подъ благодатною сѣнію досточтимаго намъ закона всякой розыскъ уничтоженъ, всякая здѣлка сострастьми возбранена. Іисусъ Христосъ вѣщаетъ къ человѣку:

будь смиренномудръ даже до любленія враговъ своихъ; будь терпѣливъ до умерщвленія плоти со всѣми похотьми ея; будь, безпристрастенъ до отчужденія всѣхъ мірскихъ корыстей. Для поддержанія слабости человѣческой, Онъ увеличиваетъ силу своего закона, многотрудныя заповѣди онаго поручивъ защитѣ и охраненію заповѣдей вышшаго разряда.

Къ симъ заповѣдямъ, столь высокаго совершенства, онъ еще присоединяетъ совѣты гораздо вышшей святости. Совѣты Евангелія никогда не должно смѣшивать съ повелѣніями закона. Апостолъ Павелъ поучаетъ насъ дѣлать различіе между ими; и самъ Спаситель ознаменовалъ разность возлагаемыхъ Имъ на насъ обязанностей и предлагаемыхъ средствъ къ возставленію человѣка. Хотя сіи средства предложены безъизъятія всѣмъ людямъ: однако не съ тѣмъ, чтобъ всѣ люди безъ различія имъ сообразовались; но, имѣя ихъ въ виду, каждый человѣкъ прилѣплялся бы къ нимъ по выбору, совѣтуясь съ расположеніемъ своего сложенія и склонностями сердца. *Могій вмѣстити, да вмѣститъ* (*). А между тѣмъ сіи совѣты какое даютъ подкрѣ-

(*) Матѳ. гл. 19, ст. 12.

пленіе и заповѣдямъ! Ежели произвольная нищета уважена; то безкорыстіе есть неоспоримая принадлежность Христіанина. Ежели самоотреченіе признается за совершенство; то плотоугодіе должно быть весьма для него позорно. Гдѣ воздается честь дѣвственникамъ, тамъ не льзя отказаться отъ обязанности, наблюдать воздержность въ супружествѣ. Зрѣлище толикихъ подвижниковъ святости, которые, выступя за предѣлы закона, исполинскими шагами пробѣжали поприще совѣтовъ Евенгельскихъ, возбуждаетъ, поддерживаетъ, воспламеняетъ жаръ имъ послѣдующихъ. Примѣръ ихъ отъемлетъ всякое извиненіе у нарушающихъ долгъ своего званія. Какой человѣкъ отважится сказать, что исполненіе заповѣдей не совмѣстно его силамъ, когда видитъ столько людей также слабыхъ, какъ и онъ, но непрестанно простирающихся дальше повелѣннаго?

Мнимые Философы почитаютъ суевѣрами и сумозбродами исполнителей Евангельскихъ совѣтовъ. Но Богочеловѣкъ несравненно лучше ихъ зналъ сердце человѣческое, которое, неспособно будучи остановиться, отъ одного желанія переходитъ къ другому; и какъ скоро достигло предположеннаго конца, то опять стремится къ новому. Онъ

сею самою измѣняемостію сердца пользуется, чтобъ установить его въ подвигѣ добродѣтели. Его совѣты завсегда представятъ человѣку такое нравственное добро, коего онъ еще не пріобрѣлъ. Доколѣ сей влачитъ жизнь на земли подъ тяжестію своего тѣла; дотолѣ не льзя ему вознестись до конечной степени совершенства. Сверхъ сего мысль о совершенствѣ неограничена; то и симъ однимъ Христіанинъ всегда увлекается къ большему преспѣянію во благѣ; и безпрерывныя его усилія исключаютъ всякое упущеніе, предупреждаютъ всякое ослабленіе въ благочестіи.

Законъ Христовъ не только преисполненъ мудрости и святости, не только обѣщаетъ блаженную вѣчность; но занимается и земнымъ счастіемъ человѣка. *Благочестіе на все полезно, обѣтованіе имѣюще живота нынѣшняго и грядущаго.* Разсмотрите, не страсти ли наши больше всего препятствуютъ намъ благоденствовать на земли? Сколь мы безразсудны! обязанность имъ противиться почитаемъ за несчастіе; а не воображаемъ сего, что уступать имъ есть несравненно горшее несчастіе. Гораздо большаго стоитъ удовлетворить страсть, нежели отказать ей. Посмотрите съ замѣчаніемъ

на двухъ человѣковъ при концѣ ихъ жизни, изъ коихъ одинъ, владѣя силою своей природы, завсегда властвовалъ надъ страстьми своими; а другой служа имъ, какъ невольникъ, находился въ безпрерывномъ у нихъ порабощенiи, и сравните удѣлы благополучiя и злополучiя ихъ. Съодной стороны положите на вѣсы внутреннiй ропотъ пожеланiй и непрiятное для сердца сраженiе съ ними; съ другой продолжительное сожалѣнiе о грѣхахъ, нестерпимыя слѣдствiя распутства, слѣпое бѣшенство ревнованiя, частое уничиженiе гордости, подлости, безпокойства, подозрѣнiя, страхи, подрывъ любостяжанiя, терзанiе зависти, судоржныя смяшенiя гнѣва, ужасныя возмѣрiя мстительности; а въ дополненiе, докучливые упреки совѣсти, всюду преслѣдующiе порочнаго: и напослѣдокъ скажите мнѣ: законъ, повелѣвающiй бороться со страстьми, не также ли полезенъ и благъ, какъ выше сего мы доказали его мудрость и святость?

Безъ сомнѣнiя прискорбно по человѣчеству сносить, когда изторгаютъ изъ сердца любезныя ему страсти. Борьба съ самимъ собою болѣзненна. На утѣсистомъ пути добродѣтели первые шаги многотрудны, на крутизну онаго сперва взлѣзаютъ съ устало-

стїю и надсадою; но, по достиженїи извѣстной высоты, онъ уравнивается, затрудненїя уменшаются и упражненїе въ добродѣтели превращается въ навыкъ. Страсти, всегда содержанныя въ уздѣ, не такъ сильно бунтуютъ; и наконецъ совершенно привыкаютъ къ игу зависимости. Чрезъ возобновленїе сраженїй и побѣдъ напослѣдокъ достигаютъ вѣчнаго мира.

Сего внутренняго мира, сего драгоцѣннаго для души сокровища, которое Св. Августинъ нарицаетъ тишиною порядка, никогда не познаетъ человѣкъ, преданный страстямъ своимъ. *Неправеднїи возволнуются, и почити не возмогутъ. Нѣсть радоватися нечестивымъ, рече Господь Богъ* (*). Сердце истиннаго Христїанина есть святилище мира. Ничто не возмущаетъ сей блаженной тишины: ни колебанїе сомнѣнїя, ибо оно есть удѣлъ невѣрцовъ; ни страхъ суда Божїя, которой есть первоначальное страданїе нечестивца. Миръ съ Богомъ есть основанїе мира съ самимъ собою; онъ успокоиваетъ въ прошедшемъ, дозволяетъ пользоваться настоящимъ, обезпечиваетъ относительно къ будущему. Внѣшнїя бѣдствїя, житейскїя огорченїя, болѣзни у

(*) Исаїи 57, ст. 20 и 21.

совершеннаго Христіанина не могутъ восхитить душевнаго спокойствія. Любы вся творитъ легкимъ бременемъ. У недостатка она отъемлетъ его горечь употреби жалѣніе объ ней, у скуки отвращеніе, у болѣзни томленіе. Никакая изъ горячайшихъ страстей для пренесенія скорби не сообщаетъ человѣку столь сильнаго и всѣ жестокіе опыты выдерживающаго мужества, каково есть мужество, произтекающее изъ любви къ Богу.

Такимъ образомъ Христіанинъ, въ какомъ бы ни находился положеніи, вездѣ носитъ въ себѣ начатки блаженства. Въ нѣдрѣ изобилія наслажденія его бываютъ чисты, надежды; потому что Религія научаетъ его умѣрять оныя. Способность наслаждаться также ограничена, какъ и всѣ прочія. Удовольствія свѣта находятъ предѣлъ себѣ въ самой ихъ многообразности; неумѣренное вкушеніе сопровождается нечувствительностію къ нимъ, омерзѣніемъ сытости и пустотою грусти. Одной совѣсти удовольствія неизмѣнны и вѣчны. Ополчится ли противъ его злая судьбина? Здѣсь-то блистательное торжество Христіанства! Вольнодумцы! дерзнете ли вы отчаянныя ваши правила сравнивать съ умилительными утѣшеніями вѣры? При

всей изворотливости вашей, никакого вы не предлагаете средства къ успокоенію, кромѣ какъ одно ничтожество: вы у человѣчества исторгаете и надежду!!! Ахъ жестокіе! хотя изъ сожалѣнія не препятствуйте ему благословлять Религію, которая всякую горесть услаждаетъ любезнѣйшимъ чаяніемъ; всякое страданіе творитъ цѣннымъ въ очахъ Божіихъ, такъ что нѣтъ на земли ни одного зла, которое, при содѣйствіи благодати Искупителя, не могли бы мы обратить въ заслугу себѣ, и чрезъ то снискать право на некончаемое блаженство.

Изъ сокровенности частной жизни послѣдуйте за человѣкомъ на среду общежитія; и увидите, что Религія щедродательною своею рукою изливаетъ на него еще новыя благодѣянія. Она поставляетъ себя въ самомъ средоточіи общества, для сближенія всѣхъ частей его. Все, раздѣляемое страстьми и пороками; все, разлучаемое предубѣжденіями и человѣческими постановленіями, она объемлетъ и съединяетъ. Богатаго привязываетъ къ бѣдному дарами, бѣднаго къ богатому благодарностію. Между великими и малыми учреждаетъ сообщеніе награжденія и службы. Къ оскорбленнымъ наряжаетъ утѣшителей; сиротъ и вдовъ ограж-

даетъ мощнымъ своимъ заступленіемъ; ко всякому несчастному посылаетъ раздаятелей вспоможеній въ настоящей нуждѣ. Посмотрите на огромные памятники Христіанской благотворительности, на сіи общеполезныя заведенія! Куда всѣ немощи стекаются искать исцѣленія; гдѣ неизлѣчимыя болѣзни получаютъ отраду и облегченіе; гдѣ убогая старость обрѣтаетъ наконецъ отдыхъ себѣ послѣ долговременныхъ трудовъ, и въ мирѣ оканчиваетъ остатокъ дней своихъ, проведенныхъ въ утомленіи и горести; гдѣ брошенное дитя получаетъ млеко, въ коемъ отказала ему матерняя утроба; гдѣ сирота находитъ новыхъ родителей себѣ; гдѣ точатся струи милосердія и на безумныхъ, вовсе неспособныхъ къ благодарнымъ чувствованіямъ? Кто, естьли не Религія соорудила сіи драгоцѣнныя пристанища, обогатила оныя, и собравъ туда всѣхъ несчастливцовъ, ввѣрила ихъ призрѣнію великодушныхъ благотворителей? Правительство отважится ли наемникамъ поручить такую должность, коей точнаго исполненія ожидать можно отъ одной не мздоимной добродѣтели? Гдѣ, кромѣ Религіи, обрѣсти достойное возмездіе сей неустрашимости, которая ни во что вмѣняетъ заразу и смерть; сей просвѣщенной

чувствительности, которой ни навыкъ не притупляетъ, ни стенанія болѣзни и пронзительные вопли страданія не колеблютъ; сему постоянному терпѣнію, котораго не утомляютъ ни жалобы, ни укоризны, ни худой успѣхъ; сему усердію, котораго не охлаждаютъ самыя низкія и отвратительныя занятія; сей безпрерывной дѣятельности, коей не могутъ ослабить ни труды, ни бдѣнія, ни усталость? Протеките умственно сіи многочисленныя заведенія, наполняющія грады и разпространяющія благодѣтельное свое вліяніе даже и на села. Нѣтъ общественной нужды, о которой бы Религія не промышляла; нѣтъ несчастія, котораго бы не тщилась отвратить. Она проникаетъ въ смиренную хижину болящаго, и приноситъ туда врачевство и отраду; подъ присмотръ свой беретъ дѣтство, и обучаетъ оное начальнымъ основаніямъ знаній и должностей; трудолюбіемъ образуетъ юность, умудряетъ ее въ художествахъ, и пролагаетъ ей путь къ довольству; снабдѣваетъ приданымъ убогое дѣвство, и предупреждаетъ опасности обольщенія; низходитъ даже въ тѣ ужасныя пещеры, кои ископало правосудіе; утѣсненнаго должника освобождаетъ, и подозрѣваемую невин-

ность утѣшаетъ и ободряетъ надеждою. Она благодѣтельную простираетъ руку и на приговореннаго къ казни преступника, приглашая его къ очищенію совѣсти раскаяніемъ. Въ то время, какъ онъ всѣми оставленъ, Религія безотлучно остается при немъ, отверзая ему свои матернія объятія и последуя за нимъ на самое лобное мѣсто; подъ мстительною рукою, карающею его злодѣйства, она еще подкрѣпляетъ его ожиданіемъ лучшаго будущаго.

Какой же побудитель, съ необоримою силою преклоняющій Христіанина на участвованіе въ благосостояніи ближняго? Что за-пружина, движущая насъ къ благотворительности? Это есть великая заповѣдь братолюбія; заповѣдь новая, которую Іисусъ Христосъ положилъ въ основаніе своей Религіи, и предъявилъ отличительнымъ знакомъ своихъ учениковъ. *О семъ познаютъ, яко Мои есте ученицы, аще любовь имате между собою* (*). Новѣйшихъ временъ вольнодумцы пытались отдѣлить отъ Христіанства сію высокую заповѣдь, и подмѣнить ее чувствіемъ природы.-- Мы гораздо лучше *Деистовъ* ощущаемъ въ себѣ дѣйствіе сего влеченія къ сочеловѣкамъ. Ибо наша Религія укрѣпляетъ, оживляетъ

(*) Іоан. гл. 13, ст. 35.

оное; ко взаимнымъ отношенiямъ, ка-
ковыя установилъ Творецъ природы
она присоединяетъ еще ближайшiя. Бу-
дучи дѣти единаго Отца, мы образу-
емъ одно семейство. Iисусъ Христосъ
пролилъ за всѣхъ насъ одну и ту же
кровь, ниспосылаетъ намъ однѣ и тѣ
же милости, прiобщаетъ однихъ и
тѣхъ же таинъ, призываетъ къ одной
и той же цѣли, за предѣлами коей
братолюбiе соберетъ во едино всѣхъ
на земли связанныхъ союзомъ любве.
О! братолюбiе, повелѣнное Iисусъ Хри-
стомъ, колико преимуществуетъ предъ
тѣмъ человѣколюбiемъ, каковое вну-
шаетъ природа, а безвѣрiе до небесъ
превозноситъ хвалами!

Мягкосердiе есть страсть сердца,
заставляющая насъ быть усердными
ко всѣмъ, имѣющимъ общую съ нами
природу; это есть нѣкоторой родъ
избытка любви къ намъ самимъ, отъ
преизбыточества изливающейся на все,
насъ окружающее. Бротолюбiе имѣетъ
свое происхожденiе отъ любви къ Богу,
оно возносится къ престолу Превѣч-
наго, и оттуда уже въ благотворе-
нiяхъ изливается на весь родъ человѣ-
ческiй. Узелъ, связующiй человѣка съ
человѣкомъ, есть тотъ же, которой
соединяетъ его съ Божествомъ.

Мягкосердïе есть живое, глубокое чувствïе; но больше или меньше пылкое и всегда могущее ослабить прежнïй свой жаръ. Братолюбïе любитъ ближняго, какъ Богъ любитъ его; т. е. всегда съ одинакою горячностïю, не зная никакихъ перемѣнъ, никакого охладѣнïя, никакихъ переворотовъ, никакихъ причудовъ раздражительности.

Мягкосердïе допускаетъ исключенïя: противорѣчïе вредитъ оному; обида ожесточаетъ его; оскорбленïе отчуждаетъ. Братолюбïе никакого не знаетъ исключенïя: для Христïанина нѣтъ ни враговъ, ни такихъ людей, къ коимъ онъ могъ бы быть холоденъ.

Мягкосердïе, яко ощущенïе, никакому не можетъ быть покорено правилу; братолюбïю же Iисусъ Христосъ опредѣлилъ мѣру, и именно любовь нашу къ самимъ себѣ. Вотъ кругъ желанïй и дѣйствïй его, относительно къ пользамъ ближняго!

Такимъ образомъ мягкосердïе по необходимости ограничено въ своемъ дѣйствованïи. Оно избѣгаетъ всего, могущаго вредъ нанесть; а любовь Христïанская страшится всего, могущаго не понравиться. Мягкосердïе довольствуется тѣмъ, чтобъ другïе не терпѣли отъ него, а *любы* вся терпитъ, будучи снисходительна для другихъ,

крайнюю строгость наблюдаетъ къ самой себѣ; служитъ имъ безъ всякихъ расчетовъ корысти; все переноситъ, и сама никому не бываетъ въ тягость. Услуги ея пожертвованія истощаются; но сама она неистощима. Въ самомъ безсилїи сохраняетъ она свою дѣятельность; чего не можетъ учинить чрезъ себя и чрезъ людей, испрашиваетъ то у Бога.

Вообразите себѣ, любезная братїя, такое общество, въ которомъ бы сїя великая заповѣдь братолюбїя исполнялась во всемъ ея пространствѣ. Увы! далекъ отъ насъ вѣкъ тотъ, которой сїе златое предположенїе произвелъ въ событїе; первый и наилучшїй вѣкъ Церкви, въ коемъ вѣрующїе имѣли едину вѣру и едину душу; у нихъ все было общее: богатство и убожество, удовольствїя и непрїятности, радость и печаль. Блаженныя времена, златой вѣкъ, о коихъ баснословїе могло дать намъ только понятїе, а осуществленїе ихъ предоставлено Христїанству; почто не можете вы возродиться между нами! почто мы осуждены быть очевидцами сего, что поведенїе Христїанъ становится торжествомъ невѣрцовъ, и несоотвѣтственность ихъ нравовъ заповѣдямъ Религїи

основою укоризнъ, чинимыхъ самой Религіи?--

Безвѣріе непрестанно обвиняетъ Христіанство въ безчиніи нѣкоторыхъ изъ его послѣдователей. Жестокость ревности не по разуму, суевѣрія, мятежи, война, междоусобіе, всѣ смятенія, коихъ Религія могла быть предлогомъ или поводомъ къ онымъ, суть вѣчной предметъ напыщенныхъ словъ его, говоримыхъ противъ вѣры.

Неправедные обвинители! когда хотите на Религію возложить вину всѣхъ злодѣйствъ; то по крайней мѣрѣ изочтите и сіи, отъ коихъ она предохранила Государства. Вообразите себѣ: сколько людей, могущихъ быть бичами рода человѣческаго, Религія чрезъ спасительныя свои внушенія учинила подпорами отечества; сколько талантовъ употребила на служеніе ему! Также сдѣлайте вычисленіе, колико золъ она предупредила, колико заговоровъ и мятежей истребила въ самомъ ихъ зародышѣ.

Впрочемъ какое имѣете право у Христіанства требовать отчета въ тѣхъ продерзостяхъ и безчиніяхъ, кои оно оплакиваетъ? Слѣпотствующіе смертные! какого изъ дарованій Божіихъ во зло мы не употребили? власть коликократно была орудіемъ насилова-

нія? вольность покровомъ притѣсненія? законъ предлогомъ нарушенія? мирной договоръ извѣстительнымъ знакомъ къ сраженію? самая Философія, учительницею порока?--- И такъ напередъ истребите въ общежитіи начальство, свободу, законъ, миръ, Философію, или не дерзайте препятствовать Религіи изъ рода въ родъ передавать свои благодѣянія, хотя нѣкоторые изувѣры и властолюбцы и прикрываютъ ею свои страсти и неистовства.---

Тишина и цѣлость общества зависитъ отъ исполненія должностей, имъ возлагаемыхъ. Оно распредѣляетъ по мѣстамъ свои члены, поставляетъ ихъ въ различныхъ состояніяхъ, назначаетъ имъ особливыя должности и каждому въ особенности даетъ участіе въ одушевленіи политическаго тѣла. Изъ стеченія сихъ раздѣленныхъ, но направляемыхъ къ общей точкѣ, усилій, происходитъ общее устройство; согласіе благъ частныхъ образуетъ пользы народныя. Естьли Государь не радитъ о правленіи, министръ пользою отечества жертвуетъ своему корыстолюбію, воинъ съ боязливостію оставляетъ постъ свой, купецъ основываетъ на обманахъ торговлю свою, ремесленникъ, предавшись праздности, покидаетъ работу свою; то политическое

тѣло сперва приходитъ въ безсиліе, а потомъ и вовсе разрушается. Благосостояніе Государствъ всегда оканчивалось потерею добродѣтелей.

Никогда не теряются добродѣтели въ томъ Государствѣ, гдѣ святыя заповѣди Евангелія будутъ соблюдаемы. Законъ Христіанскій творитъ благочестнымъ долгомъ все то, къ чему обязываетъ законъ политическій. Онъ всѣ гражданскія добродѣтели себѣ присвояетъ и освящаетъ: онъ простираетъ власть свою на всѣ человѣческія должности, и для каждой предписываетъ особенныя правила. Великихъ учитъ благотворительности, а нижшихъ терпѣнію: господъ наставляетъ въ человѣколюбіи, рабовъ въ повиновеніи; супруговъ дѣлаетъ вѣрными, отцовъ нѣжными и попечительными о дѣтяхъ своихъ, дѣтей почтительными и послушными: онъ вдохнетъ благочестіе служителю олтарей; справедливость судіи, умѣренность воину, безкорыстіе хранителю Государственныхъ доходовъ, трудолюбіе земледѣльцу и ремесленнику, а всѣмъ вообще удаленіе отъ роскоши и крайнюю любовь къ добру, сіе плодородное сѣмя Ироическихъ дѣйствій. Да будетъ исполняемъ небесный законъ!— И всѣ земные законы явятся ненару-

шимы, шакъ что не нужно будетъ ни поставлять судилищъ, ни устрашать казнію. Составьте общество изъ истинныхъ Христіанъ:-- и можете ли вообразить благополучнѣе того Государства, изъ коего Христіанство изгнало всѣ пороки, имъ возбраняемые? Ничего нельзя представить для общества полезнаго, чего бы Іисусъ Христосъ не заповѣдалъ, или не совѣтовалъ; ничего вреднаго, чего бы Онъ не возбранилъ.

По правиламъ безвѣрія, какія узы связуютъ Государя и подданныхъ? оно во всѣхъ обществахъ первоначальный договоръ поставляетъ общимъ источникомъ всѣхъ взаимныхъ обязанностей? Не будемъ обвинять, любезная братія, всѣхъ нашихъ противниковъ въ тѣхъ ужасныхъ, но достовѣрныхъ послѣдствіяхъ, каковыя нѣкоторые изъ нихъ извлекли изъ сего опаснаго начала. Богъ намъ свидѣтель, что не ищемъ вреда имъ, и не желаемъ учинить ихъ ненавистными *властемъ предержащимъ.* Но сіи уродливые мнѣнія да покажутъ намъ, до какой степени своевольства человѣческій умъ можетъ быть увлеченъ, когда онъ удалится отъ правилъ благочестія? И о когда бы они дали сіе возчувствовать и невѣрующимъ !... Ежели гражданское условіе есть единственное основаніе всякой

власти; то кто долженъ разграничить ея постановленія, изъяснить ихъ и привести въ исполненіе? въ какомъ пространствѣ дана будетъ власть Государямъ? въ какой мѣрѣ возложится повиновеніе на подданныхъ? какое судилище дерзнетъ стать между властію, всегда желающею себѣ приращенія, и подчиненностію, непрестанно ищущею свободы? Монарха ли поставятъ судіею въ собственномъ его дѣлѣ, или народъ правителемъ своего Государя? *Деспотизмъ* или *безначаліе*, цари тиранны, или мятежные народы,— вотъ любое изъ двухъ для ситемы, основывающей правленіе на одномъ только соглашеніи, которое бываетъ иногда несвѣдомо, часто непонятно, и всегда исполняемо по волѣ сильнѣйшаго!

Въ началахъ Христіанства правительство находитъ несравненно прочнѣе основаніе. Богъ творецъ общества, которое не можетъ быть безъ власти, требуетъ, чтобы правители его были и уважаемы, и справедливы. Онъ простираетъ свой высочайшій законъ и на Монарховъ, и на подданныхъ, возлагая на тѣхъ и другихъ взаимныя обязанности, дѣлается порукою ихъ и отмстителемъ. Его воля есть иго народовъ, и обузданіе Государей.

Какой другой законъ когда--либо утвердительнѣе предписалъ покорность предержащей власти? Христіанинъ выводитъ ее отъ Божества: по Богѣ непосредственно поставляетъ Монарха, освящаетъ его особу, повелѣваетъ молиться за него, платить ему дани, повиноваться довѣреннымъ отъ него особамъ. Кромѣ страха временныхъ истязаній, предлагаетъ оно побужденіе гораздо благороднѣе, которое ему только свойственно; а имянно, самую совѣсть; въ дополненіе, святость сея заповѣди утверждаетъ силою примѣра: представляетъ Богочеловѣка повинующагося власти, отъ него же поставленной, отрекающагося отъ воспріятія правъ ея, платящаго ей дань, подъемлющаго мученія, которыя она налагаетъ на Него, и наконецъ смерть понесшаго отъ руки ея. Разкройте лѣтописи Церкви, вы узрите ее чрезъ цѣлые три вѣка въ борьбѣ съ гоненіемъ. Всѣмъ властелинамъ язычества, сложившимся вкупѣ, чтобъ поразить ее при самомъ ея рожденіи, противополагаетъ она одну только покорность. Чада ея умножатся, наполнятъ грады, села и войска; но никогда не востанутъ на защищеніе свое; и непобѣдимое мужество свое явятъ только въ мученіяхъ, каковымъ захочетъ подвергнуть мощ-

ное злодѣйство. Безпрестанные мятежи колеблютъ престолы, непрерывные превращенія возводятъ и низводятъ Кесарей: въ продолженіе сихъ смятеній было ли слышимо Христіанское имя? наименованіе Христіанина было ли хотя на минуту извѣстительнымъ знакомъ заговора? Таковы суть, любезная братія, наши законы; таковы наши примѣры; таковыхъ подданныхъ вѣра образуетъ.

Она также даетъ народамъ Царей справедливыхъ и благодѣтельныхъ. Превыше Монарха нѣтъ власти, кромѣ небесной. Отнимите спасительное обузданіе вѣры: что воспрепятствуетъ могущему вся, на все отважиться? Когда бы благотворное солнце, освѣщающее и животворящее землю, хотя на одну минуту удалилось отъ пути, Богомъ ему назначеннаго: то бы произвело всемірный пожаръ и опустошеніе. Равнымъ образомъ предержащая власть, поставленная Богомъ во главу общества, чтобъ промышляла о немъ, покровительствовала и защищала его; самодержавная власть, сей драгоцѣнный даръ, за которой общество не можетъ довольно возблагодарить, внесетъ въ нѣдро его смятенія, разстройство, безпорядокъ, когда нарушитъ священные законы, отъ Творца ей пре-

подданные. И когда расторгнетъ она священный оплотъ, удерживающій ее въ предѣлахъ: кто знаетъ, до чего простретъся опустошеніе отъ ея разлитія? -- Но Христіанскій Монархъ знаетъ, что есть Монархъ на небесахъ. Повергшись предъ страшнымъ Его престоломъ, онъ со трепетомъ выслушиваетъ законы, оттолѣ изходящіе. Въ руцѣ Божіей содержатся вѣсы, на коихъ взвѣшиваются права и народа и Государя. Сей дастъ нѣкогда Всемогущему тотъ страшный отчетъ, котораго требовать не имѣютъ права подданные. Богъ неба извѣствуетъ боговъ земныхъ, что Онъ возсядетъ посредѣ ихъ, судити всѣхъ поставленныхъ отъ Него блюстителями правды Его.

Такимъ образомъ Христіанство обезпечиваетъ тишину и согласіе во всѣхъ частяхъ общества: оно, предписывая совершенную покорность, тѣмъ дѣлаетъ ее безмятежною; а умѣряя власть, придаетъ ей больше уваженія. Поищите правленій болѣе умѣренныхъ, и менѣе подверженныхъ мятежамъ: вы ихъ обрящете въ счастливыхъ странахъ, покоящихся подъ благодатію Христіанства. Дерзаютъ упрекать его, якобы препятствуетъ успѣхамъ въ знаніяхъ, отъ коихъ процвѣтаютъ Государства. -- Куда оно ни проникло,

всюду водворило просвѣщенїе и людскость, изтребило грубость и невѣжество. Обитатели Европы! ежели вы любите науки и познанїя, ежели онѣ составляютъ часть вашей славы; то воздайте благодаренїе вашей вѣрѣ, соблюдшей ихъ между вами. Сравните страны востока, бывшїя нѣкогда колыбелїю и театромъ всѣхъ наукъ, съ странами нашими, въ тогдашнее время погруженными въ невѣжествѣ: вы узрите преимущество нашихъ установленїй, нашего законодательства, нашего общежитїя, нашего правовѣдѣнїя, нашихъ художествъ, нашихъ наукъ, нашихъ силъ и нашего богатства. Все цвѣтетъ подъ благодѣтельнымъ солнцемъ Христїанства; все увядаетъ въ мрачной тѣни другихъ Религїй.

Всего еще удивительнѣе въ нашемъ благодатномъ законѣ, и ему одному свойственное есть то, что онъ, обезпрашивая всѣ роды общественнаго блага, не берется управлять обществомъ. Всѣ законодатели, основавшїе различныя Религїи, Богослуженїе тѣсно соединили съ поставленїями Государствъ: цѣль ихъ политики, лучшїй опытъ ихъ мудрости, состоялъ въ томъ, чтобъ утвердить ихъ взаимствомъ дѣйствованїя. Богослужебные законы Миноса, Нумы, Магомета, тщетно будемъ съ-

единять со всякимъ другимъ гражданскимъ закономъ. Вѣра и народоправленіе были вмѣстѣ составлены, и какъ бы смѣшаны. Не льзя ихъ раздѣлить, безъ обезсиленія того и другаго. Отнимите вѣру отъ цѣлаго состава законодательства; оно потеряетъ главную подпору свою: перемѣните образъ правленія; Религія останется безъ всякой цѣли. И въ святомъ даже законѣ, которой отличалъ возлюбленный Богу народъ отъ прочихъ народовъ, *Богоначаліе* не совокупляло ли вмѣстѣ сихъ двухъ великихъ движителей? Самъ Богъ былъ правителемъ народа; всѣ гражданскія должности дѣлались совѣстными обязанностями; всѣ должности Религіи получали гражданское священіе. Но благодатный законъ, въ одинакомъ Богослуженіи съединяющій всѣ племена земли, имѣетъ по существенное отличіе, что приспособляется ко всякому образу правительства. Онъ не подчиняетъ Христїанъ частному начальству; но покаряетъ ихъ всякой власти, поучая: *нѣсть власть, аще не отъ Бога; сущія же власти отъ Бога учинены суть* (*). Вотъ правило и начало нашего повиновенія! Граждане Республикъ, подданные Мо-

(*) Къ Рим. гл. 13, ст. 1.

нархій, жители обществъ, имѣющихъ смѣшанное правленіе! по нашей вѣрѣ у всѣхъ насъ одинакій законъ. Однѣ и тѣже узы привязываютъ насъ къ различнымъ нашимъ Отечествамъ; общая основа, на которой опираться могутъ всѣ многообразныя уложенія. Удивительный законъ, которой не благопріятствуя особливо никакому правленію, всѣ равно покровительствуетъ!--Христіанство образуетъ гражданъ; но не восхищаетъ у власти права располагать ими. Іисусъ Христосъ принадлежащее Кесарю ясно отличилъ отъ того, что принадлежитъ Богу. Его вѣра предписываетъ добродѣтели каждому званію, но не разграничиваетъ должностей. Она Государю повелѣваетъ управлять въ мудрости; но не даетъ ему чертежа правленія. Она судію обязуетъ творить судъ въ правдѣ; но не издаетъ законовъ, по коимъ онъ долженъ произносить приговоры свои. Она вооружаетъ воина на защищеніе Отечества своего; но не указуетъ врага, съ которымъ ему должно сражаться. Она повелѣваетъ всѣмъ воздавать должное, честь, уваженіе, покорность, страхъ и дань; но не опредѣляетъ ни рода, ни пространства каждой изъ сихъ обязанности. Скрѣпляя всѣ права, оставляетъ каждое на своемъ

мѣстѣ. Она блюдетъ равновѣсіе силъ, запрещая насиліе; но не раздаетъ, не ограничиваетъ никакой силы. Своей только одной власти полагаетъ она предѣлы. *Царство мое нѣсть отъ міра сего*, вѣщалъ Спаситель (*).

Для совершенства закона не довлѣетъ того, чтобы начертывалъ онъ мудрыя и полезныя правила; нужно еще, чтобъ предлагалъ сильныя, дѣятельныя побужденія, приспособленныя къ природѣ людей, имъ управляемыхъ. Не довольно показать человѣку, что ему подобаетъ творити; надобно еще обязать его въ исполненіи. Законъ не есть простое умозрѣніе; самое имя закона возвѣщаетъ налагаемую имъ обязанность. Законъ начинается въ ту минуту, какъ появляется власть; изчезаетъ, когда перестаетъ священіе.

И въ семъ - то особенно пунктѣ было погрѣшительно ученіе Философовъ. Преизящность ума, обширность свѣдѣній, глубокомысленность, краснорѣчіе, ничто не могло замѣнить той довѣренности, которой они лишились. Они могли учить, но не имѣли права предписывать законовъ. Они преподавали уроки, а не правила: они могли представить нѣсколько побужденій,

(*) Іоан. гл. 18, ст. 36.

чтобъ сдѣлать добродѣтель любезною; но ихъ слушатели оставались всегда первыми судіями ихъ наставленій и побужденій. Посему ихъ ученіе, лишенное власти надъ урасположеніемъ народнымъ, могло только принадлежать къ малочисленному розряду людей просвѣщенныхъ. Всякое нравоученіе, неосвященное вѣрою, есть еще недостаточно; поелику не можетъ быть общимъ. Для достиженія сугубой цѣли, просвѣтить весь родъ человѣческій и обязать его, нужно, чтобъ оно приняло характеръ закона. Законъ, сходящій свыше, освѣщаетъ всѣ умы, покаряетъ всѣ сердца. Онъ дѣлается равно вразумителенъ всѣмъ людямъ въ одинакой мѣрѣ, и одинакимъ образомъ. Онъ не требуетъ ни особливаго понятія, ни отличныхъ свѣдѣній, ни усилій, ни времени. Довольно открыть глаза, чтобъ узрѣть свѣтъ его. Его сіяніе затмѣваетъ всѣ обманчивыя сверканія гордѣливой учености, и разгоняетъ мглу невѣжества. Онъ властнымъ образомъ входитъ въ чертоги, подобно какъ въ хижину, и уравнивая всѣхъ людей, всѣхъ равно обязываетъ.

И какой человѣческій законъ дѣйствовалъ на родъ человѣческій съ толикою силою, съ какою дѣйствуетъ законъ Іисуса Христа? Какой законъ

представалъ ему въ таковой крѣпости и силѣ, явилъ предъ нимъ столь необоримое могущество? Онъ всѣ побужденія, каковыя разумъ, совѣсть, общество предложить могутъ, укрѣпляетъ другими дѣйствительнѣйшими, и которыя ему только одному свойственны. Око Божіе безпрестанно назираетъ человѣка, всюду слѣдуя за нимъ, даже въ сокровеннѣйшіе изгибы его совѣсти, куда онъ и самъ не проникаетъ. Чаяніе блаженства, добродѣтели обѣщаннаго, въ величіи коего теряется воображеніе, и о которомъ имѣть только сіе понятіе, что оно будетъ вѣчно подобно Богу, которымъ будемъ наслаждаться; признательность къ благодѣяніямъ, которыя Богъ уготовалъ намъ прежде нашего рожденія, и въ теченіи жизни не престаетъ изливать на насъ; удовольствіе поддержать достоинство нашей природы и соотвѣтствовать высокому души опредѣленію; извѣстность пособія, которое благодать Божія непрестанно подаетъ намъ; созерцаніе Божественнаго образца, выставленнаго для нашего назиданія; примѣръ великихъ особъ, исполнившихъ тѣже должности, при одинакихъ препятствіяхъ; ужасы, надежды, сердечныя чувствія, ободренія, примѣры, всѣ побужденія, могущія дѣйствовать на душу, вѣр-

оединяетъ. Всѣ онѣ удобьпостижимы, и всѣмъ людямъ ощутительны. Всѣ изключительно принадлежатъ вѣрѣ. Отнимите у нихъ подпору Божественной власти; вы узрите однѣ ослабленными, другія уничтоженными.

Изслѣдуйте теперь, каковы суть тѣ начала, которыя безвѣріе мнитъ поставить на мѣсто сихъ великихъ побужденій, заимствующихъ силу свою отъ Религіи. Красота добродѣтели и существенное понятіе о порядкѣ, мысль о наказаніяхъ и награжденіяхъ въ другой жизни, удовольствіе, по содѣланіи правды ощущаемое, и угрызенія совѣсти неразлучныя съ нечестіемъ, чувствіе чести, естественное попеченіе о своемъ сохраненіи, личная польза, соединенная съ исполненіемъ обязанностей, обузданіе гражданскихъ законовъ и казни, ими предлагаемыя; таковы суть узы, коими *Деистъ* думаетъ удержать человѣка во благѣ, и замѣнить священную цѣпь, сходящую отъ престола Божія, чтобы привязать насъ къ нашимъ должностямъ.

Сперва вопросимъ его: всѣ сіи побужденія, которыя онъ противополагаетъ вѣрѣ, развѣ несовмѣстны съ побужденіями, ею предлагаемыми? развѣ законъ Христіанскій отметаетъ ихъ, представляя однѣ, развѣ мы запреща-

емъ употреблять другія? Но ежели побужденія вѣры и побужденія естественныя другъ другу не противорѣчатъ; то для чего раздѣлять ихъ? для чего отнимать у нравственности величайшую ея силу? для чего лишать ее высочайшей ея святости? Неопытные вожди! вы съ трудомъ руководствуете человѣка, соединяя два рода средствъ; не смотря на сіе двойственное обузданіе, онъ безпрестанно вырывается изъ рукъ вожатаго; и чтобы управлять имъ безопаснѣе, вы освобождаете его отъ сильнѣйшаго изъ двухъ.

Нѣтъ! Христіанскій законъ, предлагая побужденія вышшаго розряда, не исключаетъ и тѣхъ, которыя человѣкъ можетъ извлечь изъ своей природы. Всѣ побужденія, предлагаемыя разумомъ, вѣра пріемлетъ и освящаетъ. Однѣ утверждаетъ и даетъ имъ силу, которой они въ себѣ не имѣютъ; другія очищаетъ и отсѣкаетъ отъ нихъ то, что въ нихъ введено порочнаго. Сіи объясняетъ и разсыпаетъ всю ихъ темноту; тѣ укрѣпляетъ и дополняетъ ихъ недостатокъ. Она чему ни прикоснется, всему сообщаетъ свою святость, свое величіе, свою власть, свою ясность, свою повсемственность, свою точность и непремѣняемость. Разумъ полагаетъ для добродѣтели самыя слабыя основа-

нія, на которыхъ она колеблется, всегда будучи близка къ паденію. Изслѣдуимъ сіи различныя начала, которыя противополагаются Христіанству; и увидимъ, что онѣ большую часть своей доблести и силы отъ него же заняли.

Безъ сомнѣнія весьма благородно мыслили Философы древности, которые думали привлечь къ добродѣтели однимъ только сіяніемъ красоты ея; и на прелестномъ понятіи о нравственномъ порядкѣ водрузить основаніе честныхъ и великодушныхъ дѣяній. Къ сожалѣнію, человѣчество не столько совершенно, чтобъ трогалось таковымъ чистымъ побужденіемъ; и столь высокое начало не можетъ быть само по себѣ ни столько обще, чтобъ поощрить всѣхъ людей, ни столько сильно, чтобъ укрѣпить ихъ во всѣхъ жизни обстояніяхъ. Нѣтъ подлинно на земли ничего любезнѣе добродѣтели; но чтобы любить ее по ея достоинству, должно познать оную; чтобы познать ее, должно испытать ея природу; а для сего испытанія надлежитъ быть способну къ отвлеченнымъ и обширнымъ размышленіямъ. Удивительное понятіе о порядкѣ предполагаетъ отношенія, требуетъ сближеній. Простой народъ, то есть почти весь родъ

человѣческій, способенъ ли къ симъ высокимъ разсужденіямъ, къ симъ многосложнымъ умствованіямъ? И когда искушенія востанутъ на него, призраки начнутъ прельщать его, страсти очаровывать; можно ли надѣяться, что удачно отразитъ всѣ сіи нападенія при одномъ ощущеніи духовной красоты порядка? Познаимъ, братія, сіяніе добродѣтели, почудимся оному, возлюбимъ его; но блюдемся слишкомъ увеличивать его дѣйствія; блюдемся ввѣрять себя безнадежному вождю, которой самъ имѣетъ нужду въ руководствѣ. Любовь къ добродѣтели есть весьма неопредѣленное чувствіе. Она имѣетъ понудительную силу ко всему, что есть честно и праведно; но безсильна будучи указать предѣлъ и средства, также легко приводитъ въ заблужденіе, какъ наставляетъ въ истинѣ. При необыкновенномъ своемъ напряженіи, доводитъ она до *фанатизма*; ежели заблуждаетъ, то ввергаетъ въ законопреступленіе. Въ странахъ идолопоклонническихъ нѣжнѣйшая сыновняя любовь вонзаетъ кинжалъ въ груди отцовъ и матерей, чтобъ освободить ихъ отъ болѣзненной старости. Пусть же любовь къ добродѣтели, и порядку поставятъ въ истинномъ ея мѣстѣ, пусть просвѣтятъ ее Религіею; она

содѣлается недѣжнымъ, сильнымъ и всеобщимъ побужденіемъ. Сколько Христіанство увеличило красоту добродѣтели! она не принадлежитъ собственно землѣ; она вмѣстѣ съ нами странствуетъ на ней; она снизшла съ небесъ на тотъ конецъ, чтобъ быть намъ предводительницею, возвести насъ съ собою, оттнюдуже снизшла. Весьма увѣренъ я, что самый обыкновенной умъ пріобрѣтетъ довольное понятіе о красотѣ и порядкѣ, когда соединю съ нимъ понятіе о высочайшемъ Существѣ, виновникѣ, хранителѣ и отмстителѣ сего порядка. Не убоюсь никогда, чтобъ сіе столь чистое и столь благородное чувствіе любви къ добродѣтели и порядку ослабѣло, или превзошло границы; чтобъ перестало быть полезно, или сдѣлалось опаснымъ; когда оно будетъ одушевляемо любовію къ Богу и Его закономъ управляемо.

Чаяніе другой жизни есть также весьма сильное побужденіе, но и оно принадлежитъ откровенію. Вѣра есть стихія онаго; въ ея нѣдрѣ родилось оно, возрастаетъ и укрѣпляется. По мѣрѣ удаленія отъ ней, оно слабѣетъ и остается безсильно. Враги Христіанства, не признающіе Провидѣнія, не могутъ предлагать онаго. И тѣ самые наши противники, коихъ начала не

столько мятежныя, подчиняютъ по крайней мѣрѣ человѣка суду высочайшаго Существа, могутъ ли придать сему побужденію значущую силу? Спасительное ученіе о Богѣ, награждающемъ и мстящемъ, безъ сомнѣнія сходно съ разумомъ: когда предлагается ему, онъ легко понимаетъ его. — Впрочемъ дѣла да свидѣтельствуютъ о семъ. Какія свѣдѣнія преподалъ разумъ роду человѣческому о семъ важномъ пунктѣ нравственности? Ученіе о будущей жизни, сей драгоцѣнный памятникъ древнихъ преданій, сіе блистательное свидѣтельство Промысла, которому Богъ не соизволилъ совершенно погибнуть между человѣками, переходитъ къ намъ отъ всѣхъ народовъ, извѣстныхъ въ самыя первыя времена; начало его теряется во мракѣ, его покрывающемъ; повсюду предваряетъ оно просвѣщеніе и исходъ изъ дикаго состоянія; потомъ постепенно ослабѣваетъ по мѣрѣ удаленія отъ источника своего. Будучи обезображено баснями язычества, оно дѣлается задачею въ училищахъ Философіи. Въ однихъ совершенно отвергнуто, въ другихъ потемнѣно различными системами о продолженіи души и ея назначеніи; а гдѣ и принято, то не иначе, какъ въ видѣ правдо-подобной догадки, и означаетъ

больше желанія, нежели увѣренія. Темное и неопредѣлительное начало можетъ ли быть общимъ и постояннымъ движителемъ дѣйствій человѣческихъ? Единому Іисусу Христу вселенная обязана тѣмъ, что видитъ наконецъ сіе высокое ученіе о будущей жизни въ первобытной своей чистотѣ. Онъ изгналъ сомнѣнія, къ началу безсмертія душъ присоединивъ ученіе о воскресеніи тѣлъ; онъ разсѣялъ всѣ мраки неизвѣстности установивъ свойство и вѣчность своихъ мздовоздаяній. Совѣсть есть судилище, предъ которымъ человѣкъ въ одно и тоже время самъ на себя доноситъ, самъ о себѣ свидѣтельствуетъ, самъ себя осуждаетъ и наказываетъ. Сіе внутреннее судилище, по началамъ Религіи, имѣетъ необходимое отношеніе къ тому, на коемъ Вышній возсядетъ нѣкогда судити живымъ и мертвымъ по тому же закону, на основаніи тогоже свидѣтельства. Легко отсюда понять тишину упованія, и смятенія отчаянія; спокойствіе того, кто въ своемъ судіи провидитъ себѣ мздовоздаятеля, и трепетъ несчастливца, имѣющаго въ виду одни только наказанія. Но отдѣли Религію отъ совѣсти, и совѣсть лишится своей силы и дѣятельности. Въ Христіанствѣ упреки совѣсти суть Божіе бла-

годѣяніе, призывающее грѣшника къ раскаянію; а въ безвѣріи они суть поощреніе къ беззаконію. Полагающему въ упрекахъ совѣсти окончательное для себя наказаніе, что другое остается, кромѣ какъ заглушить гласъ ея ревомъ страстей своихъ?

Когда бы честь неизмѣнно пребывала тѣмъ, чѣмъ быть она должна, т. е. вдохновеніемъ праводушія; когда бы поставляли ее больше въ заслугахъ, нежели въ отличительныхъ ея знакахъ; когда бы еще болѣе преступленія, нежели стыда боялись; когда бы домогались не столько благоволительнаго другихъ отзыва, сколько одобренія своей совѣсти; когда бы умѣли презирать предразсудокъ съ такимъ же мужествомъ, съ какимъ иногда презираютъ опасность и несчастія: тогда бы подлинно честь была дѣйствительнѣйшею изъ всѣхъ пружиною, каковую только можетъ добродѣтель обрѣсти на земли. Но можно ли положить за первое начало человѣческихъ дѣяній ту ложную честь, которая внушаетъ однѣ громкія добродѣтели, и тщеславится иногда чрезвычайностію злодѣяній? Надлежитъ ли дать въ руководители человѣку раба предразсудковъ, который безъ сомнѣнія поведетъ его отъ порока къ пороку, коль скоро должность бу-

-сшетъ противоположна мнѣнію публики? О! да испровергнетъ истинная честь сего идола, толико времени обожаемаго избраннѣйшими отъ людей; да изчезнетъ онъ, какъ отъ пришествія въ міръ истиннаго Бога изчезли ложныя божества; да очиститъ она служеніе сему кумиру, заставитъ молчать ея прорицалища, упразднитъ жертвы! По возпріятіи правъ, у ней похищенныхъ, она надѣжно будетъ управлять всѣми чинами Государства; во всякое время и во всякихъ обстоятельствахъ можетъ она быть закономъ. Но въ такомъ случаѣ истинная честь совокупится воедино съ Религіею. Не повелитъ никакой исполнить добродѣтели, которой не предписываетъ Религія; не возбудитъ ни къ какому благородному дѣйствію, котораго сія не совѣтуетъ; не возбранитъ никакого порока, котораго сія не запрещаетъ; не представитъ никакого побужденія, котораго сія не предлагаетъ; не употребитъ никакого средства, котораго сія не освящаетъ.

Природное чувствіе, привязывающее человѣка къ сохраненію себя, есть побужденіе весьма недостаточное, чтобъ принять оное за начало его дѣйствій. Сіе чувствіе въ состояніи только удержать насъ отъ безчиній, опасныхъ для жизни и здравія. Какую бы впрочемъ

ни приписывали ему силу; не удивительно ли, что безвѣріе предлагаетъ оное? А еще удивительнѣе, что осмѣливается противополагать Религіи! безвѣріе велегласно проповѣдуетъ человѣку, что жизнь его есть его собственность, и что онъ властелинъ располагать ею по своему изволенію. А Религія, запрещая вообще всякое убійство, отъемлетъ у него право какъ на свою собственную жизнь, такъ и на жизнь другихъ. Безвѣріе научаетъ, что какъ скоро перестаютъ люди быть счастливыми: то всего имъ лучше прекратить свое бытіе; Религія учитъ, что умѣніе терпѣть, есть великая добродѣтель. Безвѣріе посягательство на свою жизнь увольняетъ отъ всякаго наказанія; поелику почитаетъ смерть предѣломъ, гдѣ все уже кончается: а Религія показуетъ, что таковая смерть есть началомъ вѣчнаго несчастія. Такимъ образомъ Религія отъемлетъ у самоубійцы извиненіе, предлогъ и безстрашіе, каковыя влагаетъ въ него безвѣріе. Христіанство внушаетъ и мужество жертвовать своею жизнію, когда Богъ и Отечество того востребуютъ; и мужество благодушно переносить ее, когда она есть только личное несчастіе. Желаніе вѣчнаго блаженства, заставляющее желать смерти, вѣра соглашаетъ съ по-

виновенїемъ Божїю опредѣленїю, событїя коего Христїанинъ спокойно ожидаетъ въ свою очередь. Безвѣрїе презираетъ смерть для того, что ничтожество предпочитаетъ бѣдствїю. Мужество, которымъ оно кичится, происходитъ отъ сокровенной боязни; и наружная бодрость есть ничто другое, какъ отчаянїе малодушїя. Представьтежъ намъ Христїанина, котораго бы благородное презрѣнїе къ жизни, вдохновенное Религїею, учинило самоубїйцею. Отъ чего, какъ не отъ правилъ вольнодумства умножились самоубїйства? Вотъ первые плоды, каковые отъ него получило общество!!!

Одной Религїи принадлежитъ сдѣлать человѣка добродѣтельнымъ; поелику она едина представляетъ предъ очи его благо, безконечно вышшее всѣхъ приманокъ грѣха; благо, всегда ясно понимаемое и живо ощущаемое; благо, никогда не измѣняющееся, и вѣчное. Временное же благо, которое безвѣрїе мнитъ поставить за начало нравственности, не есть ли источникъ всѣхъ злыхъ дѣянїй? И сему то слѣпому вождю, слѣдуя коему не льзя не заблуждать, ввѣряютъ руководство человѣчества! Должно признаться, любезная братїя, не льзя не любить сей истины, толико утѣшительной для чело-

вѣчества, что истинное счастіе, какое только можно имѣть на земли, не рѣдко кроется въ добродѣтели; и что большею частію тотъ обманываетъся въ своихъ вычисленіяхъ, кто отдѣляетъ пользу отъ должности. Польза есть весьма неразумный судія въ своемъ дѣлѣ; и потому никакъ не слѣдуетъ полагаться на ея рѣшеніе. Безвѣріе приметъ ли на себя, внушитъ всѣмъ людямъ, сколькобъ они ни были малосвѣдущи, слѣпы и стремительны къ разврату, что польза ихъ во всякое время, во всякомъ мѣстѣ, во всѣхъ положеніяхъ жизни, есть неразлучна съ добродѣтелію? можетъ ли оно льститься надеждою, личную пользу согласитъ съ общенародною? успѣть въ томъ, чтобы важнѣйшія выгоды въ будущемъ брали преимущество надъ настоящими; и чтобы должность всегда одерживала верхъ надъ страстію? Представимъ, что человѣкъ борется съ сими искушеніями: преступленіе малое, желаніе безмѣрное, выгода знатная, наслажденіе близкое, тайна несумнительная. Какимъ здѣсь языкомъ будетъ говорить польза? какіе она подастъ совѣты, когда добродѣтель потребуетъ себѣ жертвъ? убѣдитъ ли сія польза корыстолюбца возвратить злѣ имъ пріобрѣтенное; честолюбиваго

отказаться отъ должности, къ которой онъ неспособенъ; нуждающуюся и чувствительную невинность противиться всѣмъ родамъ соблазновъ? увѣритъ ли поощряемаго ко грѣху, что лучше подвергнуться бѣдности, посрамленію, наказанію, самой смерти, нежели нарушить должность?--Одна польза спасенія споспѣшествуетъ добродѣтели; а польза временная есть или опасный врагъ, непрестанно дѣйствующій противъ ея, или вѣроломный союзникъ, всегда готовый измѣнить.

Наконецъ закону небесному безвѣріе противополагаетъ законы земные. Оно думаетъ изъ нихъ составить побужденіе довольно сильное, чтобъ удалить человѣка отъ порока и прилѣпить къ добродѣтели. Прилѣпить къ добродѣтели? . . . Но какіе человѣческіе законы награждаютъ ее? въ какой землѣ опредѣляютъ цѣну непорочнымъ, а особливо втайнѣ творимымъ дѣяніямъ? Я вижу въ Государствахъ учрежденныя правительства для изслѣдованія преступниковъ; воздвигнутыя судилища для заключенія рѣшительнаго объ нихъ приговора; назначенныя лобныя мѣста для истязанія ихъ. Но симъ только и ограничивается дѣйствіе законовъ. Всѣ награды человѣческаго закона принадлежатъ дѣламъ блистатель-

нымъ; смиренныя добродѣтели, добродѣтели истинныя и всѣхъ нужнѣйшія не участвуютъ въ оныхъ; притворство и лесть всегда могутъ у нихъ предвосхитить почести заслугъ и достоинства. Наказанія, употребляемыя закономъ человѣческимъ, пусть бы еще могли истреблять порокъ! но къ сожалѣнію законъ сей, не имѣя вліянія на мысль, которая есть начало грѣха, нападаетъ только на внѣшнія дѣйствія; онъ обезоруживаетъ злодѣя, но оставляетъ сердцу всю его порчу. Онъ запрещаетъ всякій беззаконный поступокъ; а не удерживаетъ отъ того, что есть нечестно; и наказываетъ по большой части такіе пороки, кои нарушаютъ тишину общественную. Вообразите себѣ народъ, управляемый одними токмо человѣческими законами; сколько онъ будетъ нещастенъ! Законы сіи колико должны быть строги, чтобъ замѣнить всѣ другія побужденія! коликой надлежитъ въ нихъ быть частности и раздробленію, чтобъ изгнать всякое злодѣяніе! Гдѣ будутъ одни только человѣческіе законы; тамъ нравоученіе можетъ быть часто неправильное и всегда сомнительное, колеблющееся, перемѣняемое подобно самимъ законамъ, по волѣ законодателей, или по своенравію народа. Гдѣ будутъ

одни человѣческіе законы; тамъ что поддержитъ обыкновенія, обыкновенія еще и законовъ полезнѣйшія, которыя могутъ иногда дополнять ихъ, но сами никогда не бываютъ отъ нихъ дополняемы? Гдѣ будутъ одни сіи законы, тамъ увидишъ, что всякой сильной человѣкъ ихъ презритъ. Во многихъ ли Государствахъ нѣтъ опасныхъ людей для самихъ блюстителей закона? Гдѣ будутъ одни сіи законы, тамъ непрестанно будутъ отвращать отъ себя ихъ яремъ или пронырствомъ обмана, или искусствомъ лести, или оборотами клеветы и ябѣды. Гдѣ будутъ одни сіи законы, тамъ не останется никакого обузданія для тайныхъ преступленій: возъимѣютъ попеченіе не о томъ, чтобъ не быть порочными; но чтобъ пороки не всѣми были знаемы. Все сокрытое отъ очей презираетъ власть законовъ. Законъ гражданскій, оставленный самому себѣ, всегда будетъ недостаточенъ во власти, несовершенъ въ правилахъ. Надобно, чтобы посторонняя власть заставляла того желать, что онъ исполнить повелѣваетъ, и предписывала то, чего онъ повелѣть не можетъ. Религія для него есть и дополненіе и подкрѣпленіе необходимое. Вольнодумцы мнятъ гражданскимъ закономъ укротить страсти человѣческія; это есть такой оплотъ,

которой можетъ остановлять только легкія вещи, увлекаемыя скоротечностію; но ежели сіи соберутся въ большомъ количествѣ, то разорвутъ и унесутъ самой оплотъ за собою. А законъ Божій есть оплотъ непреодолимый, о которой разбиваются волны страстей, подобно бурнымъ водамъ, раздробляющимся о скалы береговъ. Законы человѣческіе, всегда будучи слабы, несовершенны, показываютъ во всемъ отпечатокъ руки, ихъ начертавшей, а законъ Божій святъ, силенъ, неизмѣненъ равно, какъ и Творецъ его. Удивительнѣйшіе изъ законовъ человѣческихъ столь же далеки отъ закона Божія, сколь далеко отстоятъ совершеннѣйшія произведенія искусства отъ совершенства небесъ, повѣдающихъ славу Превѣчнаго.

Безвѣріе, находя себя принужденнымъ сознаться въ слабости каждаго порознь изъ средствъ, имъ предлагаемыхъ, мечтаетъ, что сложность содѣлаетъ ихъ сильными; и для того старается съединить и совокупить ихъ дѣйствіе. Но ежели каждый изъ сихъ движителей заимствуетъ всю силу свою и власть отъ Христіанства; то какая другая сила ихъ соединитъ? Соединены ли будутъ, или раздѣлены, совокупно ли начнутъ дѣйствовать,

или порознь, всегда отъ Религіи зависятъ и въ дѣятельности и силѣ; и приращеніе ихъ могущества, каковое должно произойти отъ сложности ихъ, будетъ новое благодѣяніе Религіи. Чего домогается безвѣріе? одной ли славы, сдѣлать нѣсколькихъ людей добродѣтельными? Мы не будемъ спорить съ нимъ о сей суетной славѣ. Пускай оно превозносится, сколько хочетъ, что ввело кое-какія добродѣтели; удержало отъ нѣкоторыхъ пороковъ; поощрило исполнить нѣкоторыя обязанности.— Надлежитъ весь родъ человѣческій обратить къ добродѣтели. Потребны средства, всеобъемлющія, для всѣхъ удобопонятныя; коихъ бы важность всѣ чувствовали; которыя дѣйствовали бы во всѣхъ мѣстахъ, во всѣ времена, во всякихъ обстоятельствахъ: и таковы суть употребляемыя Христіанствомъ. Естественныя побужденія, съ кичливостію выказываемыя вольнодумствомъ, особенно тѣмъ отличаются отъ нашихъ, что онѣ ограниченны, и сжаты въ тѣсномъ кругѣ лицъ и дѣяній. Что касается до побужденій вѣры; то каждое изъ нихъ, порознь взятое, безконечно превосходитъ всѣ, когда либо предложенныя разумомъ. Деисты! вы одни можете утверждать, что земныя побужденія хотя недостаточны сами

въ себѣ, однако бываютъ сильны, дѣйствуя совокупно. Докажите, есть ли хотя одно изъ нихъ, которое дѣйствовало бы во всѣхъ обстоятельствахъ; или что нѣтъ ни одного такого случая, въ которомъ бы хотя одно изъ нихъ не было вразумительно. Вотъ что вамъ доказать необходимо нужно и невозможно! мы смѣло въ этомъ настоимъ. Всѣ ваши побужденія или суть внѣшнія, и не касаются совѣсти; или крайнѣ замысловаты, а потому и не могутъ дѣлать впечатлѣнія въ простомъ народѣ, какъ развѣ тогда, когда предлагаются отъ лица Царя царствующихъ.

И такъ для чего же Христіанское нравоученіе, столь изящное, столь сильное, не производитъ тѣхъ удивительныхъ плодовъ, какихъ заставляютъ отъ него ожидать превосходство его правилъ и дѣйствительность побужденій? для чего послѣ уже, какъ Іисусъ преподалъ законъ вселенной, вселенная такъ же еще растлѣнна, какъ была до пришествія Его? Вотъ сильное возраженіе враговъ Христіанской вѣры! въ чемъ, вопіютъ они, состоитъ доблесть сего закона? Онъ, по мнѣнію Христіанъ, укрощаетъ страсти; и человѣческій родъ не менѣе прежняго стонетъ, подъ игомъ страстей. Его цѣль изтребить

пороки; и пороки господствуютъ съ тою же силою. Онъ величается, что воцарилъ добродѣтель; и добродѣтель, вмѣсто того, чтобъ усилиться, со дня на день ослабѣваетъ. Онъ присвояетъ себѣ силу назидать благополучіе людей; и люди остаются подвержены тѣмъ же бѣдствіямъ. Отъ плодовъ, въ заключеніе говорятъ, познается древо: пускай покажутъ плоды Евангельской проповѣди; или согласятся въ безполезности ея.

Сія укоризна, которую къ несчастію не безъ основанія повторяютъ невѣрцы, падаетъ не на святую нашу Религію. Ахъ, любезная братія! къ стыду нашему, должно признаться, она падаетъ на насъ самихъ; на насъ, дѣлающихся недостойными безцѣннаго званія, къ коему предызбраны; на насъ, непрестанно опорочивающихъ всѣ дары, каковыми насъ ущедрила великодаровитая десница Божія; на насъ, которые, получивши всесовершенный законъ, остаемся почти такъ же развращенны, какъ и идолопоклонники. Устыдимся, любезная братія, сего ненавистнаго сравненія; возплачемъ о слѣпотѣ, съ каковою мы живемъ въ обители свѣта; оплачемъ бѣдственную нашу слабость, гибельное наше неразуміе; но воздержимся приписывать ихъ закону, которой мы нарушаемъ; не попустимъ, что-

бы наши неправды вмѣняли ему въ поношенiе.--Христiанское нравоученiе не дѣлаетъ человѣка безгрѣшнымъ. Вся цѣль Закона, склонить его къ добру, не заставляя насильно творить оное; возложить на него обязанность, а не принужденiе; устремить волю къ добродѣтели, не нарушая впрочемъ ея свободы. -- Не уже ли бы та Религiя была совершеннѣе, которая бы отнимала у человѣка возможность грѣшить, и противъ воли направляла его къ честнымъ дѣламъ? можетъ ли быть тамъ заслуга, гдѣ нѣтъ свободы? какую бы имѣла цѣну добродѣтель, никогда неиспытавшая искушенiй и несражавшаяся со страстьми? Вольнодумцы почитаютъ законъ Евангельскiй безполезнымъ для того, что онъ не удерживаетъ насильно отъ пороковъ. Пускай же по сему отринутъ и гражданскiе законы; пускай уничтожатъ законъ естественный, толико ими выхваляемый; пусть сознаются, что равно безполезенъ и самый разумъ: поелику невѣжество часто ослѣпляетъ его, предубѣжденiя помрачаютъ, страсти увлекаютъ, примѣры обольщаютъ, воспитанiе портитъ. Затворимъ наши училища, упразднимъ просвѣтительныя заведенiя, освободимъ человѣка отъ всякаго ига; ибо ни одно изъ побужде-

ній къ добродѣтели не отнимаетъ у человѣка возможности сдѣлаться порочнымъ.--Мы судимъ о безвѣріи не по образу жизни его послѣдователей, но по ихъ началамъ. Онижъ напротивъ судятъ о Христіанскомъ нравоученіи, приспособляясь не къ исполнителямъ, а нарушителямъ онаго. Обвиняютъ въ ихъ заблужденіяхъ путеводителя, которому не хотятъ слѣдовать. Такъ то своенравные больные не рѣдко жалуются на недѣйствительность лѣкарства, котораго не пріемлютъ. Чтобы судить о законѣ, то надобно вникнуть въ сущность того же закона. Онъ святъ, когда руководствуетъ къ добродѣтелямъ; хотя и есть люди, которые дѣлаются порочными, нарушая его. Онъ полезенъ, когда соблюденіе заповѣдей егоназидаетъ благополучіе, какъ въ частности человѣка, такъ и цѣлаго общества, хотя нѣкоторые измѣнники своими совращеніями съ пути и подвергаютъ себя и другихъ несчастію. Онъ силенъ, когда побужденія его способны наклонить человѣка къ добру; хотя и есть сопротивляющіеся оному, которые или столько слѣпы, что не понимаютъ сихъ побужденій, или столько упорны и дерзски, что ихъ презираютъ.

Но справедливали во всемъ ея про-

странствѣ укоризна, чинимая Христіанству противниками, что якобы ничего въ нравственномъ мірѣ не улучшено? справедливо ли, что якобы люди такъ же развращенны, какъ были до пришествія Іисуса Христа? Ежели о верховномъ Существѣ имѣемъ понятія гораздо вѣрнѣе и развязнѣе; то не одолжены ли тѣмъ сему Божественному Наставнику? Ежели идолы, которымъ покланялись народы, изпровержены съ суевѣрнымъ ихъ служеніемъ; то не отъ гласа ли учениковъ Его пали оные? Ежели нравственныя обязанности учинились общенароднѣе, извѣстнѣе; то не Его ли Религія научила онымъ? Ежели великіе примѣры смиренія, самоотверженія, любви ко врагамъ; ежели многіе примѣры другихъ добродѣтелей, которыя до того времени были совсѣмъ неизвѣстны, исполнили вселенную: то не Христіане ли ихъ ввели и размножили? Христіанство чрезъ свои благодѣтельныя правила сближило Государей съ ихъ подданными, и подданныхъ съ Государями. Человѣколюбивый духъ его умѣрилъ свирѣпство войны; сокрушилъ оковы рабства; уничтожилъ жестокое право отцовъ на жизнь ихъ дѣтей; запретилъ людей приносить въ жертву; истребилъ кровожаждущія игры! Неблагодарные! мы пользуемся благодѣя-

нїями Религїи такъ же, какъ и благодѣянїями природы, т. е. безъ всякаго замѣчанїя. Всегдашнее наслажденїе погашаетъ въ немъ признательность; и мы взираемъ на нихъ какъ на блага собственныя, и неотъемлемыя отъ нашего существа. Откроемъ наконецъ очи наши и облобызаимъ благодѣтельную Десницу, непрестанно изливающую на насъ столь драгоцѣнные дары.

Чтожъ? не уже ли ограничимъ себя, любезная братїя, однимъ только признанїемъ, что законъ Христїанскїй есть безцѣнный даръ небесъ? Доблесть святаго нравоученїя уже ли не возбудитъ въ насъ ничего, кромѣ хладнаго удивленїя и тощей признательности? Отъ насъ зависитъ дать рѣшительнѣйшїй отвѣтъ на сильнѣйшее возраженїе невѣрцовъ. Отразимъ нашимъ поведенїемъ тѣ укоризны, которыя осмѣливаются дѣлать святому Евангелїю. Такимъ-то образомъ въ лучшїя времена Церкви Праотцы наши заставляли молчать первыхъ враговъ своихъ. Святость Христїанъ была доказательствомъ святости Христїанства. Возродимъ своимъ житїемъ тѣ счастливыя времена. Увы! законъ, на который столь сильно нападаютъ, имѣетъ нужду въ столь же твердой оборонѣ. Вотъ защищенїе, достойнѣйшее вѣры, спо-

собнѣйшее къ тому, чтобъ заставить почитать ее; дѣйствительнѣйшее, чтобы принудить самыхъ враговъ ея согласиться, что законъ ея есть законъ совершеннѣйшій, превосходнѣйшій, какой только могъ когда-либо отъ человѣка быть принятъ!

БОГОСЛУЖЕНІЕ.

Третія существенная часть Религіи есть *Богослуженіе.* Самое имя Религіи возвѣщаетъ тотъ благодатный союзъ, которымъ Богъ утверждаетъ насъ въ служеніи Ему, и на условіяхъ коего связуетъ насъ своими заповѣдьми. Онъ требуетъ отъ насъ поклоненія не для своей славы. Сый въ нѣдрѣ вѣчнаго блаженства, какую пользу можетъ извлещи изъ нашего благоговѣнія? Не Онъ, но мы имѣемъ нужду быть признательными къ Его благодѣяніямъ, покорными Его могуществу, вѣрными исполнителями Его закона. Богослуженіе есть наша должность и польза: непрестаннымъ призываніемъ къ Богу, оно вдыхаетъ въ насъ любовь къ Нему, и глубже печатлѣетъ на сердцахъ нашихъ Его заповѣди. Когда мы возно-

симся къ Божеству; то снисходимъ
оттолѣ подобно Моисею, нося скрижали Закона. Воздадимъ благодареніе безконечному милосердію, которое пріемлетъ наши молитвы, назначаетъ намъ оныя, начертываетъ ихъ образъ, съединяетъ съ ними дары свои, изъ нащихъ прошеній и своихъ щедротъ составляетъ между собою и нами всегдашнее сообщеніе; и наконецъ нашимъ ему поклоненіемъ на земли пріуготовляетъ и ведетъ насъ къ блаженству, вѣчно кланятися ему на небеси.

Сіе поклоненіе, столь нужное для человѣка, не состоитъ въ одномъ внутренномъ благоговѣніи, которое изъ глубины сердца восходитъ къ престолу Превѣчнаго; и таясь отъ всѣхъ взоровъ, одного Бога имѣетъ свидѣтелемъ. Почто бояться открывать столь справедливыя чувствія? столь живыя ощущенія какъ могутъ пребыть стѣсненными въ душѣ нашей? Богослуженіе прямо внутреннее не сродно намъ въ сей жизни: оно предоставлено для тѣхъ счастливцевъ, которые, разрѣшившись отъ чувствъ, устремляютъ очи свои на солнце правды. Ихъ благоговѣніе непосредственно изъ сердца истекаетъ къ Превѣчному. Такова Религія небесная! Но для земной Религіи потребны знаки чувственные, которые бы пре-

дохраняли ее отъ паденія или заблужденія. Слабость имѣетъ нужду въ примѣрахъ, которые бы ее поддерживали; простота въ торжественномъ великолѣпіи, которое бы возвышало ея мысли; невѣжество въ наружныхъ обрядахъ, которые бы печатлѣли въ памяти благочестивыя наставленія; непостоянство и вѣтренность въ народныхъ стеченіяхъ, для общаго увѣренія и общаго назиданія. И поелику Религія научаетъ насъ, что наше тѣло имѣетъ нѣкогда воскреснуть и участвовать въ неоцѣненныхъ благахъ искупленія: то не долженствуетъ ли и оно воздать жертву Богу, благоизволившему его прославить? И тако, по словамъ Апостола, внутренняя вѣра творитъ оправданіе; а внѣшнее исповѣданіе содѣйствуетъ спасенію. Мы видимъ, что всѣ благоучрежденные народы наружное Богослуженіе признаютъ необходимымъ. Исторія всѣхъ странъ и вѣковъ свидѣтельствуетъ, что вѣра присутствуетъ при бракахъ, освящаетъ клятвы, съ пѣньми духовными погребаетъ умершихъ; она повсюду указуетъ намъ всенародныя моленія, обряды жертвоприношенія. Мы ступаемъ по обломкамъ Храмовъ и Олтарей, которые Отцы наши воздвигали ложнымъ божествамъ своимъ. Законодатели среди своихъ за-

блужденій чувствовали, чего невѣрцы нашихъ временъ, при полномъ свѣтѣ, не видятъ; а именно, что общенародное Богослуженіе для Государства есть должность, относительно къ Богу, о немъ промышляющему; и купно нужда, чтобы составить и сохранить единство въ его членахъ. Сколько такихъ странъ, въ коихъ богослужебные обряды собрали дикихъ и блуждающихъ еще по лѣсамъ человѣковъ? Коликократно Храмъ или жертвенникъ такъ, какъ для колѣнъ Израилевыхъ, бывалъ свидѣтелемъ единомыслія народовъ и порукою ихъ правъ? Но довольно привести вамъ одинъ знатнѣйшій примѣръ вліянія общенародной Религіи на связь общественную, то пресловутое союзничество, которое изъ всѣхъ народовъ Греціи составляло единое племя, началомъ и продолженіемъ своимъ не одолжено ли судилищу, поставленному на сохраненіе общей вѣры, и тѣмъ играмъ, коихъ происхожденіе напоминало о божествахъ, и коихъ празднованіе входило въ составъ Богослуженія?

Для человѣчества нужно общенародное Богослуженіе. Слѣдовательно нуженъ и верховный законъ, управляющій симъ Богослуженіемъ, опредѣляющій его виды, утверждающій его обряды. Наружные обряды не составятъ

общей жертвы; ежели каждой въ особенности по своему произволу можетъ располагать ими; ежели будетъ столько же богослуженій, сколько человѣковъ. И такъ въ политическомъ обществѣ повелительные законы предписываютъ правила для гражданскихъ дѣлъ, назначаютъ образцы, чтобъ отдалить отъ нихъ обманы и предупредить злоупотребленія: такъ и въ сословіи вѣрующихъ необходимо нужно, чтобъ узаконены были обряды Богослуженія; во первыхъ, чтобы сдѣлать ихъ общими и единообразными; во вторыхъ чтобы предъотвратить могущія послѣдовать заблужденія. Таково наше несчастное положеніе: находясь между безвѣріемъ и изувѣрствомъ, мы неминуемо впадаемъ въ которое-нибудь изъ нихъ, когда или отступимъ отъ чиноположенія Церковнаго, или нѣчто свое станемъ присоединять къ оному. Недостатокъ и излишество равно порочны. Всякой умъ находитъ въ нихъ для себя препыканіе; и ежели Богослуженіе не управляется общею властію, то съ одной стороны народъ плотской и грубой, которой все приписываетъ суетной внѣшности, начнетъ переходить отъ чиноположеній къ чиноположеніямъ, и впадетъ наконецъ въ посыдное изувѣрство; а съ другой,

просвѣщенные люди, кичащїеся своимъ разумомъ, и все измѣряющїе своимъ понятїемъ, презрятъ уставы Церкви, не ощущая ихъ необходимости; и постепенно уничтожатъ чиноправленїе Богослуженїя, вѣру и самую Религїю. Вотъ до чего дошли народы, коихъ впрочемъ просвѣщенїе удивляетъ, и даже изумляетъ! Потребна была вся мудрость, вся святость, вся сила Христїанскаго закона, чтобъ вдругъ уничтожить и суевѣрїе черни, и безвѣрїе Философовъ; потребна была проповѣдь Апостоловъ, чтобы истинный Богъ учинился вѣдомымъ; потребны святыя собранїя Христїанъ, чтобы разрушить идоложертвенная; исполненїя пророчествъ, чтобъ прекратить обманы прорицалищъ; кровь Іисуса Христа, текущая на олтаряхъ нашихъ, чтобъ упразднить человѣческїя жертвоприношенїя.

Злоупотребленїя, въ которыхъ нынѣ столь неправедно упрекаютъ насъ невѣрующїе, суть точно тѣ же, въ которыхъ Пророки отъ лица Божїя обличали древнюю Синагогу. Сей плотской народъ, движимый только чувственными предметами, коему обряды его вѣры напоминали безпрестанно о благодѣянїяхъ Господа, возлагалъ все свое упованїе на тотъ святѣйшїй во вселенной Храмъ, которой Богъ пове-

лѣлъ соорудить Себѣ; и на торжествен-ные праздники, имъ предписанные. Тща-тельно соблюдали очищенія законныя но не старались очищать души своей и ограждаясь самыми обрядами закона противу нравственныхъ правилъ, поз-воляли себѣ нарушать его предписанія когда въ точности исполнили внѣшнія должности. Но Богъ отъ вѣка въ вѣкъ воздвигалъ Пророковъ, которые выво-дили изъ сего гибельнаго усыпленія совѣсти, и срывали тотъ мрачный по-кровъ, коимъ сей грубый народъ снова завѣшивалъ глаза свои. Наконецъ на-ступили тѣ времена, когда одни ис-тинные поклонники долженствовали быть на земли; когда узнали, что Богу, яко чистѣйшему Духу, *духомъ и истиною достоитъ кланятися* (*). *Деисты* въ своихъ оглашеніяхъ какъ далеки еще отъ той силы увѣри-тельности, съ каковою Іисусъ Хри-стосъ отражаетъ гибельное заблужде-ніе, поставляющее всю сущность вѣры въ одной наружности; то испроверже-ніе всѣхъ началъ, которое, усыпляя совѣсть, погубляетъ ее, и уничтожаетъ всѣ должности тѣмъ дѣйствительнѣе, что замѣняетъ оныя обольстительными обрядами. Что наружное Богопочтеніе предписано для того только, чтобы

(*) Іоанна гл. 4, ст. 24.

основать, укрѣпить и одушевить Богопочтеніе внутреннее; это есть такая истина, которая со всѣхъ сторонъ опирается на Священномъ Писаніи. Богъ повсюду говоритъ къ сердцу. Таковой-то Духъ получило Евангеліе отъ божественнаго Основателя своего. Мы весьма далеки отъ того, возлюбленная братія, чтобъ оправдывать тѣ суетныя чиноположенія, тѣ странные обряды, которые неразумное благочестіе, безразсудная набожность, ложное понятіе о совершенствѣ, желаніе отличить себя, а иногда даже корыстолюбіе очень часто смѣшивали съ величественною простотою Священнаго Богослуженія. Преданія Отцевъ нашихъ тотчасъ вопіютъ противу насъ. Церковь, равно пекущаяся о сохраненіи цѣлости и чистоты Богослуженія, всегда со одинакою ревностію защищала оное отъ заблужденія, силящагося опровергнуть его, и отъ суевѣрія, причиняющаго поврежденіе въ его составѣ. Установленія Соборовъ, подчиняющія обрядамъ освященнымъ властію, запрещаютъ въ тоже время вводить новые, которыхъ власть духовная не одобритъ. Такова есть вѣчная преграда между вѣрою и суевѣріемъ: все, что особенно предписывается, или повсемѣстно исполняется, входитъ въ составъ право-

славнаго Богослуженія; все, что частный умъ мнитъ прибавить къ сему, есть суевѣрный обрядъ. Частный пастырь не имѣетъ права принимать новыхъ обрядовъ въ паствѣ, его попеченію ввѣренной: что не утверждено печатію власти, не можетъ быть принято въ Богослуженіи, не должно быть предлагаемо вѣрующимъ. Ежели страхъ большихъ золъ и принуждаетъ иногда Церковь терпѣть чиноправленія, ею неодобряемыя; однако она, рыдая о своемъ снисхожденіи, ожидаетъ благопріятной минуты къ истребленію оныхъ; и моля Господа силъ о ускореніи оной, повелѣваетъ намъ споспѣшествовать сему. Она употребляетъ всѣ мѣры къ отвращенію безполезныхъ и мѣлочныхъ обрядовъ: увѣщанія, запрещенія, угрозы, обличенія, предосторожности; и обвиняютъ ее въ утвержденіи оныхъ! вмѣняютъ ей въ проступокъ то, что вкрадывается при всей ея попечительности! а всего несправедливѣе упрекаютъ ее въ такихъ злоупотребленіяхъ, которыхъ никакія усилія остановить не могутъ.

Изслѣдованіе нашего Богослуженія есть сильнѣйшій отвѣтъ на всѣ упреки,-- которыми его обременяютъ. Каждая часть Богослуженія имѣетъ свой собственный смыслъ. Изъ сихъ служеб-

ныхъ обрядовъ, которые безвѣріе и ересь совокупно опровергаютъ, нѣтъ ни одного такого, который бы не имѣлъ духовной цѣли. Всѣ они или утверждаютъ догматы вѣры, или напоминаютъ о правилахъ нравственности. Они служатъ къ объясненію нашихъ догматовъ; они суть общенародное и чувственное исповѣданіе вѣры. Подлежа понятію самаго простаго человѣка, они сближаютъ въ одномъ и томъ же ученіи мудреца, которой легко бы заблудилъ въ помышленіяхъ своихъ; и невѣжду, которой ни одного бы изъ оныхъ не удержалъ въ памяти. Сохраняя общее увѣреніе, они разпространяютъ его, передаютъ въ роды родовъ и предохраняютъ отъ всякой порчи. Они для насъ суть вѣчно существующіе и всегда обновляющіеся памятники истинъ, нами исповѣдуемыхъ. Когда Арій дерзнулъ отметать первѣйшее изъ нашихъ таинствъ; то святые Отцы посрамили его, доказавъ ему, что таинство во имя Святыя Троицы повсемѣстно было совершаемо. И когда въ послѣдующихъ вѣкахъ *таинственники* начали отрицать пресуществленіе въ Евхаристіи; тогда со всѣхъ сторонъ возстало противу ихъ повсемѣстное Церкви признаніе онаго, и было первымъ ихъ осужденіемъ. Воззрите на всѣ сіи секты, которыя,

оставивъ преданія Отцевъ своихъ, отринули также и ихъ обряды, могли ли они изъ рода въ родъ передавать ученіе свое, и постоянными пребыть въ своихъ заблужденіяхъ? Недостатокъ общаго единства въ ихъ вѣрованіи былъ причиною, что ихъ послѣдователи постепенно впали въ *Социніанскіе*, или *Деистическіе* толки. Уставы нашей Церкви соединены съ нравоученіемъ, которое вѣра намъ проповѣдуетъ. Они, совокупно взятые, непосредственно возносятъ умы наши на высоту Божескихъ вещесловій, подкрѣпляютъ благочестіе, всегда близкое къ разслабленію, оживляютъ горячность усердія, которая, подобно огню, имѣетъ нужду въ непрерывной пищѣ. Разсмотрите ихъ порознь, и увидите, что каждой напоминаетъ намъ о частныхъ нашихъ должностяхъ, побуждаетъ къ ихъ исполненію. Протеките мысленно всѣ сіи священные обряды, которые вы совершали, можетъ быть безъ всякаго къ нимъ вниманія; вникните наконецъ въ ихъ разумъ, и вы узрите, сколько они входятъ въ составъ вѣры; помыслите, какое они занимаютъ мѣсто въ семъ великомъ цѣломъ; изслѣдуйте ихъ отношеніе, внутреннюю связь съ прочими частями Христіанства— и познаете неразуміе невѣрца, надъ ними издѣваю-

щагося, и еретика, ихъ охуждающаго.

Церковь отъ самаго установленія своего одинъ день въ каждой недѣлѣ посвящаетъ особенно на Богослуженіе; и сей день есть тотъ самой, когда Богъ началъ дѣло творенія, и когда воскресшій Іисусъ, совершивъ важнѣйшее дѣло нашего искупленія, утвердилъ нашу вѣру и основалъ нашу надежду. И такъ освященіе дня недѣльнаго представляетъ намъ вмѣстѣ два величайшія Божескія благодѣянія. Въ сей благознаменитый день, когда единъ Богъ долженъ быть прославляемъ, отлагаются всѣ мірскія занятія. Когда бы освященіе дня недѣльнаго не больше, какъ сію одну доставляло выгоду, и тогда бы заслуживало еще уваженіе невѣрующихъ. Бѣдный народъ, изнуренный работами, находитъ въ немъ облегченіе отъ трудовъ своихъ, и заимствуетъ отъ него силы къ новымъ подвигамъ. И для сей-то единственно пользы языческія Философы уважали празднества ложныхъ боговъ своихъ. Но отдохновеніе, назначенное въ Воскресеніе, есть еще малѣйшее изъ благъ, приносимыхъ симъ священнымъ днемъ Христіанскому народу. Поелику большая часть людей живетъ въ разсѣяніи; то весьма нужно, чтобы нарочитый день посвященъ былъ на воз-

званіе насъ къ Богу. Пружины нашей души отъ всегдашняго напряженія могутъ ослабнуть; онѣ скоро останутся безъ дѣйствія, ежели безпрестанно будутъ натянуты. Церковь въ каждый воскресный день собираетъ вѣрующихъ окрестъ олтарей. Во храмѣ, гдѣ Христіане нѣкоторымъ образомъ становятся ближе къ Божеству, гдѣ все напоминаетъ о Его благодѣяніяхъ и заповѣдяхъ, они, служа Господу, обязуются служить Ему еще съ большею вѣрностію. Тамъ юношество научается истинамъ Религіи, онѣ проповѣдуются и возмужалому возрасту. Гласъ пастыря, великолѣпіе обрядовъ, святыня таинствъ, общій примѣръ, все вмѣстѣ возвышаетъ душу, подкрѣпляетъ благочестіе, возбуждаетъ любовь, одушевляетъ добродѣтели. Нѣтъ! чтобы впрочемъ ни говорило безвѣріе, не потерянъ для Государства тотъ день, когда всѣ его члены учатся быть лучшими; когда дѣти дѣлаются покорнѣе, отцы нѣжнѣе, супруги вѣрнѣе, вельможи человѣколюбивѣе, богачи щедродательнѣе, бѣдные трудолюбивѣе, несчастливцы терпѣливѣе. Тотъ день изъ всѣхъ полезнѣйшій для общества, въ которой связующія общество узы теснѣе сжимаются и крѣпче стягиваются.

Къ сему празднику Господню, еженедѣльно Церковію совершаемому, присовокупляетъ она другіе, которые располагаетъ по частямъ года. Это суть священныя Эпохи, которыя напоминаютъ людямъ о высокихъ истинахъ вѣры, непрестанно представляютъ предъ очи ихъ главныя обстоятельства жизни Іисуса Христа, и симъ зрѣлищемъ возжигаютъ въ серцахъ признательность, любовь, благочестіе, покорность, и всѣ добродѣтели, которыхъ жизнь Іисуса Христа была постояннымъ урокомъ и образцемъ. Нѣтъ ни одного изъ сихъ празднованій, которое бы не внушало какихъ-либо частныхъ побужденій прилѣпляться къ служенію Богу. Они для насъ суть драгоцѣнные памятники произшествій, ими прославляемыхъ. Установлены будучи по большой части во времена близкія къ симъ произшествіямъ очевидными оныхъ свидѣтелями среди народовъ, личными выгодами поощряемыхъ прекословить онымъ, безпрерывно были они торжествуемы православною Церковію и всѣми Христіанами. Предъидущія племена предали ихъ въ цѣлости послѣдующимъ, и Христіанскіе Патріархи изъ вѣка въ вѣкъ, подобно Патріархамъ Израильскимъ, завѣщали ихъ сыновомъ своимъ. Сіи праздники, вамъ

совершаемые, сіи обряды, съ каковыми торжествуете ихъ, свидѣтельствуютъ, что Богъ, чрезъ присносущность вѣры въ васъ, благоволитъ *пробавить милость свою вѣдущимъ Его.*

Праздники, которыми ублажаемъ Матерь Божію и прославляемъ Святыхъ, принадлежатъ къ догмату о призываніи Святыхъ, и къ нашему освященію. Весьма драгоцѣнно то ученіе, которое землю соединяетъ съ небомъ, и церковь воинствующую съ церковію торжествующею. Оно утѣшаетъ насъ сею мыслію, что блаженствующіе въ жилищѣ славы берутъ еще участіе въ благополучіи тѣхъ странъ, въ которыхъ они обитали, которыя оросили своею кровію, обратили своею проповѣдію, научили своими наставленіями, улучшили своими добродѣтелями. Для вѣрующаго сколь утѣшительно мыслить, что добродѣтельные мужи, предшествовавшіе ему на земли, обращаютъ на него взоры свои; что родственники, друзья умершіе, во упованіи на заслуги Спасителя, для него не потеряны; что они призираютъ на его дѣйствія, споспѣшествуютъ его трудамъ, къ молитвамъ его присоединяютъ свои, и изъ нѣдръ блаженства простираютъ къ нему руки, чтобъ его привлещи къ себѣ. Какое сильное ободреніе для добродѣ-

тели, взирать на сіи великіе примѣры, при одичакихъ препятствіяхъ и пособіяхъ, достигшіе того края желаній, къ которому всѣ мы стремимся! Ихъ изображенія, въ храмахъ нашихъ поставленныя, для невѣдущаго народа суть книги, гдѣ читаетъ онъ великія ихъ дѣянія. Честные и многоцѣлебные ихъ останки, предлагаемые для общенароднаго поклоненія, суть достовѣрные памятники тѣхъ чудодѣйствій, которымъ мы удивляемся. Призываніемъ святыхъ мы возбуждаемся къ подражанію имъ, и дѣлаемся достойными ихъ послѣдователями.

Главные обряды, употребляемые Церковію для освященія нашего, суть таинства, Іисусомъ Христомъ установленныя, чтобъ быть имъ вмѣстѣ и знаменіемъ и орудіемъ благодати Его. Обрядъ представляетъ уму нашему и благодать, чрезъ него даруемую, и расположенія, которыхъ она требуетъ. Таинства для общества вѣрующихъ суть средство и знакъ единства. Онѣ суть общее благо всѣхъ чадъ православной Церкви; видимый союзъ, на условіяхъ коего она связуетъ ихъ вѣрою между собою и со Іисусомъ Христомъ; печать, которою она знаменуетъ ихъ для различенія отъ сектъ,

ею отверженныхъ, и лишенныхъ общенія ея.

Въ Крещеніи Церковь приноситъ торжественныя почести таинству Святыя Троицы, въ ея же имя совершаетъ оное. Она въ немъ велегласно исповѣдуетъ ученіе о первородномъ грѣхѣ, отъ котораго сіе таинство очищаетъ насъ, и ученіе о воплощеніи, котораго заслуги намъ присвояетъ. И такъ Крещеніе для православной Церкви есть вѣчный залогъ основныхъ догматовъ ея вѣры, отъ самаго Іисуса Христа существующій. Христіанинъ исходитъ изъ купѣли украшенъ всею своею невинностію. Онъ, яко сынъ Божій, сонаслѣдникъ Іисуса Христа, имѣетъ право на всѣ блага, обладаемыя Церковію, на всѣ ея обѣтованія; и сіе священное право можетъ потерять онъ только своимъ *отщепенствомъ*. Приобрѣтая сіи преимущества, онъ пріемлетъ на себя обязательства. Съ важностію званія Христіанина соединяетъ и обязанности онаго Крещеніе есть договоръ между Богомъ и человѣкомъ. Воспоминаніе своихъ обѣтовъ, воззрѣніе на награды, и извѣстность пособій все для человѣка, пріявшаго сей благодатный характеръ, есть побужденіемъ и поощреніемъ къ совершенству. Различныя священнодѣйствія, совершаемыя

Церковїю при семъ таинствѣ, всѣ имѣютъ отношенїе къ сообщаемой невидимо благодати. Взирающему на нихъ напоминаютъ и о дарахъ, имъ полученныхъ, и о принятыхъ обязательствахъ. Воспрїемники паче всѣхъ должны возобновлять ихъ въ нашей памяти. И сколько благъ во всѣ времена произвело сїе духовное усыновленїе! О вы, чтущїе святыню по одному только ея отношенїю къ пользамъ общества, познайте, что ученїе о необходимости Крещенїя соорудило сии убѣжища, куда Религїя собираетъ всѣхъ въ беззаконїи заченшихся и беззаконїемъ изверженныхъ!— Всѣ высокїя установленїя православной Церкви между собою связаны, и ихъ спасительное влїянїе ощутительно во всѣхъ странахъ Христїанскаго мїра.

Таинство Муропомазанїя есть памятникъ того преславнаго дня, когда Духъ Святый видимымъ образомъ сошелъ на Апостоловъ; когда открылось ихъ посольство, началось обращенїе вселенныя. Оно также напоминаетъ о той благодати, которую изливаетъ въ сердца вѣрующихъ.

Сїе таинство есть дополненїе Крещенїя. Его чудесныя дѣйствїя не поражаютъ болѣе глазъ нашихъ, какъ во времена Апостольскїя; они печатлѣ-

ются только на сердцахъ. Ибо вѣра наша не имѣетъ нужды, по примѣру первыхъ временъ, въ томъ, чтобъ быть ей утверждаемой чувственными знаменіями. Чудесное сошествіе Святаго Духа есть дѣло столь достовѣрное, что не нужно болѣе повторять онаго; всѣ народы, обращенные къ правовѣрію, такіе суть свидѣтели присущія и силы Святаго Духа при Мνропомазаніи, что не нужно приводить другихъ доказательствъ.

Всѣ народы, всѣ Религіи имѣли жертвы въ большемъ или меньшемъ количествѣ. Православная вѣра имѣетъ только одну. Она началась на крестѣ, простирается по всей земли, продолжится до конца вѣковъ. Жертва, совершаемая на олтарѣ, есть одинакова съ жертвою крестною. Тотъ же первосвященникъ приноситъ ее, тотъ же агнецъ закалается, тотъ же Богъ пріемлетъ оную. Изображеніе столь совершенно, что ни чемъ не различествуетъ отъ своего подлинника. На олтарѣ, какъ и на Голгоѳѣ, сіе великое жертвоприношеніе соединяетъ всѣ черты, предвозвѣщенныя и прообразованныя ветхозаконными жертвами. Обряды, сопровождающіе оное, возобновляютъ въ памяти различныя обстоятельства страданія. Жертва, приносимая во время Литур-

тїи, ежедневно поставляетъ Христіанина у подножія креста Іисусова; преноситъ его въ ту важнѣйшую и святѣйшую изъ всѣхъ вѣковъ минуту, которая землю къ небесамъ приближила, и временность соединила съ вѣчностію. Но здѣсь еще не конецъ Божіей благости. Іисусъ Христосъ, не довольствуясь ежедневнымъ повтореніемъ жертвы нашего искупленія, низходитъ внутрь насъ, дабы присвоить намъ свои заслуги. Онъ дѣлается нашею пищею, соединяется съ существомъ нашимъ. Какихъ чувствій благоговѣнія, любви и признательности не должны вдохнуть вѣрующему таковыя благодѣянія, которыхъ онъ не только желать когда-либо, но и воображать не осмѣливался! Какія высокія наставленія почерпаетъ онъ въ семъ Божественномъ источникѣ! Сія жертва, которой мы вѣрою присущи бываемъ, доказываетъ, что Іисусъ столько возлюбилъ человѣковъ, что умеръ за ихъ спасеніе: и мы ли не возлюбимъ братій нашихъ, которые подобно намъ измовены Его кровію! Онъ молился за распинателей своихъ; допустилъ къ сей жертвѣ Апостола, которой долженствовалъ предать Его; Онъ въ ней даетъ намъ лобзаніе мира: и мы ли при совершеніи оной сохранимъ враж-

дебныя чувствія! Окрестъ сея священныя трапезы сливается различіе чиновъ и состояній; изчезаетъ человѣческое величіе. Великое и драгоцѣнное объясненіе того первобытнаго равенства, которое человѣческія установленія могли отмѣнить на время, но не уничтожить; отъ котораго мы удалились, и къ коему должны возвратиться, которое установила природа и возстановитъ вѣра! Всякая душа, оскверненная грѣхомъ, да удалится отъ того жертвенника, гдѣ непорочный Агнецъ преподается. Она будетъ ясть себѣ судъ, и пріиметъ печать отверженія. Причащеніе прилѣпляетъ вѣрующаго къ добродѣтели; оно требуетъ, чтобъ онъ былъ святъ, дабы содѣлать его еще святѣе. Церковь часто, приглашая чадъ своихъ къ священной трапезѣ, или по крайней мѣрѣ единожды въ годъ приводя ихъ къ оной, налагаетъ на нихъ безотмѣтное обязательство сохранять, или обновлять свою невинность. Крещеніе, врачуя грѣхъ, оставило намъ пожеланіе, какъ бы нѣкій зародышъ болѣзни, растравляющій безпрестанно нашу рану. Оно подавило плоды, но не изторгло корени. Человѣкъ, слѣдуя его началамъ, стремится къ добру, а своими склонностями увлекается ко злу, и прово-

дитъ всю жизнь свою, *влающеся* между добродѣтелію, его привлекающею, и порокомъ, его прельщающимъ. И каковъ будетъ жребій его, когда слабость низринетъ его въ бездну грѣха? заблудившись въ стремнинахъ порока, не уже ли не возможетъ онъ возвратиться на стези добродѣтели? Единожды содѣлавшись грѣшникомъ, уже ли осуждается онъ быть таковымъ навсегда? Нѣтъ, Христіане! Высочайшая правда, всегда готовая къ разоруженію гнѣва своего нашимъ раскаяніемъ, желаетъ болѣе, нежели мы сами, нашего помилованія. Но сіе неизчерпаемое милосердіе не будетъ ли опасно для добродѣтели? всегда возраждающаяся надежда новаго снисхожденія не отважитъ ли на новыя злодѣянія? Таково есть во всякой другой системѣ, кромѣ Христіанства, несчастное положеніе человѣка, хотя однажды погрѣшившаго. Онъ зритъ себя между отчаяніемъ, представляющимъ невозможность прощенія, и чрезмѣрнымъ надѣяніемъ, обѣщающимъ удобное помилованіе. Одно неминуемостію казни задерживаетъ его во грѣхѣ; другое ободряетъ увѣреніемъ въ ненаказанности. Одно лишаетъ его всей надежды; другое освобождаетъ отъ всякаго страха. И хотя бы онъ представилъ себѣ Бога неумолимымъ, хотя бы

вообразилъ Божество, всегда легко умилостивляемымъ; не остается ему побужденія возвратиться къ добродѣтели. Какъ различны отъ сего мысли Христіанина, возлюбленная братія! Священный законъ, имъ нарушенный, но всегда остающійся предъ его очами, предваряетъ его отчаяніе, представляя ему Божеское милосердіе; и умѣряетъ его обманчивое надѣяніе, какъ неизвѣстностію отлагаемаго имъ исправленія, такъ и строгостію епитиміи. Утѣшительная извѣстность милосердія Божія, непроницаемый мракъ будущности, суть два якоря, на которыхъ вѣра остановляетъ насъ между двумя пропастями отчаянія и дерзновенности. Милосердіе Господа есть безконечно; но Его терпѣніе имѣетъ свои предѣлы. Онъ увѣряетъ насъ, что мы всегда обрящемъ Его; но не обязуется опредѣлить извѣстное время на исканіе Его. Напротивъ Онъ извѣщаетъ, что день Его правосудія внезапу насъ постигнетъ; и что Онъ отяготитъ надъ нами руку свою, когда меньше всего ожидать Его будемъ. Впрочемъ древніе защитники язычества, и новѣйшіе проповѣдники безвѣрія очень худо разумѣли святыя правила покаянія, когда умноженіе грѣхопаденій приписывали Его снисходительности. Они

не знали, на какихъ строгихъ условіяхъ основываетъ Богъ свое помилованіе. Единою только строгостію къ самому себѣ можетъ грѣшникъ избѣжать строгости Господни. Должно ему предстать предъ судилище своея совѣсти, приговорить себя къ наказанію, чтобъ избавиться осужденія верховнаго Судіи; наказать самому себя за все то, въ чемъ желаетъ онъ остаться отъ Господа ненаказаннымъ. И поелику не можетъ онъ соразмѣрить свою казнь съ величіемъ Бога, имъ оскорбленнаго; то по крайней мѣрѣ долженъ измѣрять ее пространствомъ своего грѣхопаденія. Никакое сокрушеніе сердца не довольно къ тому, чтобъ примириться съ Богомъ; грѣшникъ долженъ присоединить къ тому твердое и постоянное намѣреніе, удаляться отъ всѣхъ грѣховъ, содѣлавшихъ его предметомъ Божескаго гнѣва. Это еще не все. Церковь возбраняетъ намъ знаменовать кающагося печатію примиренія, доколѣ онъ не сбросилъ съ себя цѣпей, привязывающихъ его ко грѣху. Она требуетъ, чтобъ онъ избѣгалъ случаевъ, приведшихъ его къ нему; побѣждалъ наклонности, которыя его вовлекли въ оной; воспротивился навыкамъ, которые его въ немъ удерживали; истребилъ страсти, пригвоздившія къ оному. Ежели его сердце

питаетъ въ себѣ вражду; то Церковь обязываетъ его примириться. Ежели языкъ его оскорбилъ ближняго; то она предписываетъ ему возстановить его честь: ежели его рука восхитила добро ближняго; то повелѣваетъ ему возвратить оное. Вотъ цѣна, которую Церковь полагаетъ за отпущенiе грѣховъ! Вотъ тѣ условiя, на каковыхъ духовникамъ позволяетъ произносить оное! она еще далѣе простирается. Повелѣваетъ грѣшнику удовлетворить правосудiю Божiю и тогда, когда уже онъ умилостивилъ оное. Сей драгоцѣнный догматъ научаетъ, что небесное опредѣленiе, уничтожая наши грѣхи и отлагая вѣчную казнь, осуждаетъ насъ на понесенiе временнаго наказанiя; и чтобы совершенно загладить наши погрѣшности, то должны мы съ удовлетворенiемъ Iисуса соединить собственное. Такимъ образомъ Христiанское покаянiе, отводя насъ отъ грѣховныхъ дѣлъ, упражняетъ насъ въ добродѣтельныхъ подвигахъ. Исполненiе сихъ святѣйшихъ обязанностей противопоставляетъ оно навыку въ дѣлахъ порочныхъ. Не довольствуясь низложенiемъ порока въ сердцахъ нашихъ, оно искореняетъ его чрезъ повторенiе противныхъ ему дѣйствiй. Возставляя насъ отъ нашего паденiя, оно даетъ

намъ новыя силы, и своими строгими правилами, своими священными предосторожностями самыя грѣхопаденія дѣлаетъ для насъ спасительными.

Протестанты, отметавшіе древнее преданіе Церкви о изустномъ покаяніи, сами наконецъ признали пользу онаго. Сколько сія спасительная узда удержала грѣшниковъ! коликократно святое смущеніе, имъ производимое, сохраняло цѣломудріе отъ обольщенія! Стыдъ при открытіи преступленія былъ часто сильнѣе стыда, содѣлать оное. Посмотрите на сего юношу, готоваго сдѣлать первой шагъ въ поприще порока; тотъ первый шагъ, которой часто имѣетъ вліяніе на всю жизнь: разумный наставникъ его, которому открываетъ онъ совѣсть свою, останавливаетъ его при самомъ вступленіи въ сіе пагубное поприще, и его шествіе направляетъ на стезю добродѣтели. Его мудрымъ совѣтамъ онъ одолжается добродѣтелію всей жизни своей. Сей несчастный грѣшникъ, коего сильная страсть задерживаетъ въ порокѣ, но внутреннее чувствіе влечетъ къ раскаянію: любитъ добродѣтель; но остается пригвожденнымъ ко грѣху. Одной уступаетъ онъ свои желанія и свое раскаяніе; а для другаго соблюдаетъ свои страсти. Каждое его усиліе къ возстановленію себя,

замѣчается новымъ паденіемъ. Дрожащею рукою подъемлетъ оковы свои, которыя паки упадаютъ на него съ большею тяжестію. Пусть прибѣгнетъ онъ къ судилищу покаянія: повѣренный его слабостей и раскаянія, его борьбы и пораженія, приходитъ на помощь къ нему, участвуетъ въ его трудахъ, подкрѣпляетъ его намѣренія, одушевляетъ его своими увѣщаніями, руководствуетъ его своими совѣтами, споспѣшествуетъ ему молитвами, и соединенныя ихъ силы расторгаютъ наконецъ узы сего постыднаго рабства. Вы, непрестанно упрекающіе насъ, что иногда во зло употребляютъ таинство покаянія, исчислите, ежели можете, всѣ блага, покаяніемъ пріобрѣтенныя. Ежели и были сіи злоупотребленія, которыя тщетно силятся извлечь изъ неизвѣстности, препятствующей ихъ вѣроятію; то по крайней мѣрѣ, они должны быть рѣдки. Всѣ пользы духовныя и временныя, всѣ судилища Церковныя и Гражданскія, единодушно вооружаются противъ сего осквернительнаго нарушенія святыни.

Человѣкъ не такъ сотворенъ, чтобъ ему жить одному. Оставимъ Философамъ изыскивать доказательства сей истины въ его сложеніи, въ его природѣ и наклонностяхъ. Христіане! достовѣрнѣйшее изъ всѣхъ свидѣтельство

научаетъ насъ, что мы рождены для общества. Это есть глаголъ Божій, реченный о человѣкѣ вскорѣ по созданіи его: *не добро человѣку быти единому;* и въ слѣдствіе сего Богъ установилъ первѣйшее изъ обществъ, которое есть основаніемъ всѣхъ другихъ. У всѣхъ народовъ бракъ есть важнѣйшая жизни обязанность; по началамъ Христіанства, онъ есть священный союзъ. Самъ Богъ Творецъ онаго. И сколь онъ сталъ важнѣе и величественнѣе, когда Іисусъ Христосъ почтилъ его достоинствомъ тайны! предъ очами Бога Христіане супруги произносятъ свои клятвенныя обязательства: они равно, какъ другъ другу, и ему сочетаваются. Онъ пріемлетъ ихъ обѣты, подтверждаетъ, благословляетъ, и дѣлается поручителемъ оныхъ и защитникомъ. Между Богомъ и супругами составляется новое условіе; и дары благодати, сообщаемые чрезъ посредство таинства, есть награда за исполненіе должностей, Имъ возлагаемыхъ. Іисусъ Христосъ знаменуетъ бракъ новымъ отличіемъ святости, или точнѣе сказать, возвращаетъ ему первобытную его чистоту и достоинство первобытнаго установленія. Разводъ, сей постыдный признакъ развращенія обществъ, которой въ состояніи разтлѣнія, до каковаго доведено грѣхомъ естество человѣческое, содѣ-

лался общимъ правомъ всѣхъ народовъ, и которой жестокосердіе сыновъ Израилевыхъ учинило терпимымъ между ими; разводъ, говорю, изгнанъ, и подъ владычествомъ Святаго Закона, заглаждающаго грѣхъ и возвращающаго человѣчеству всѣ права его, бракъ возпріемлетъ свою древнюю неразрывность. Православные супруги, связанные вѣчными узами, знаютъ, что единственное средство, облегчить тяжесть оныхъ, состоитъ въ томъ, чтобы единодушно носить ихъ. Здѣсь порокъ ничего не получаетъ, и надежда разлуки не отваживаетъ на прелюбодѣяніе. Не видно между ими, подобно какъ въ сектахъ, которыя допущеніемъ развода старались умножить своихъ послѣдователей, чтобы родители, разрывая узы, ихъ связующія, ослабляли и тѣ, которыя привязываютъ ихъ къ своимъ дѣтямъ; удалялись по согласію отъ предметовъ ихъ прежней нѣжности; между собою и драгоцѣнными плодами ихъ соединенія вмѣшивали такихъ родственниковъ, которые ихъ не познаютъ, и принуждали сихъ несчастныхъ жертвъ своего раздѣленія, искать виновниковъ бытія своего въ чужихъ семействахъ.—Іисусъ Христосъ, запрещая разводъ, уничтожилъ также и многоженство, еще болѣе противное намѣренію природы, раждающей почти равное число обоихъ по

ловъ. Начальники мнимой реформы чувствовали, сколь важно единство для брака, когда сами, снизходя слабости и пользамъ, отважились допустить одно только изключенïе. Супружеская связь составляетъ одно цѣлое изъ всего, что принадлежитъ обѣимъ лицамъ; удовольствïя, горести ощущенïя, все для нихъ общее. Всѣ наклонности мужа соединяются въ его женѣ; всѣ пользы жены сосредоточиваются въ ея мужѣ. Напротивъ того многоженство раздѣляетъ сердце одного, стѣсняетъ пользы другой; и чрезъ умноженïе общенïя истребляетъ оное. Между народами, которые мнили найти свое благополучïе во многочисленности женъ, супружеская любовь подавляется скотскимъ сладострастïемъ; согласïе безпрестанно возмущается раздорами и подысками; и свирѣпый деспотизмъ поставленъ на мѣсто кроткой власти мужа. Сïя власть мужей есть также законъ Христïанства, (и не должна ли быть власть въ каждомъ обществѣ?) но она умѣряется любовïю. *Жены*, вѣщаетъ вѣра, *повинуйтеся своимъ мужемъ; мужïе любите своя жены* (*). И симъ образомъ, говоритъ святый Златоустъ, бракъ паки Христïанствомъ поставленъ въ естественномъ своемъ положенïи. Для сего-то Творецъ природы снабдилъ

(*) Къ Ефес. гл. 5, ст. 22. и 25.

мужа силою, а жену красотою. Счастливое согласіе зависимости и нѣжности, умѣряющее живость одного пола, и строптивость другаго; въ одну руку влагающее власть закона, а въ другую гораздо сильнѣйшую власть прелестей. Покорность уравновѣшивается снизхожденіемъ, а право господства наклонностію уступать. Законъ Христіанскій, покаряя женъ толико кроткой власти, разорвалъ всѣ тѣ оковы, каковыми бременили ихъ другіе законы. Коликихъ лишились добродѣтелей тѣ лживыя Религіи, которыя злоупотребленіемъ правъ сильнаго поработили себѣ слабость! Онѣ не знаютъ той нѣжнѣйшей приверженности, того сообщительнаго участія, того живѣйшаго сострадапія, той всегдашней благотворительности, той заботливой любви, каковою наслаждаемся мы въ Христіанскомъ сообществѣ. Свобода Христіанства открываетъ всѣ добродѣтели въ женскомъ полѣ; рабство другихъ Религій оставляетъ сему полу только его слабости и недостатки. Святая наша вѣра, утверждая права мужей, начертала имъ также и кругъ обязанностей; взаимная вѣрность, уваженіе къ новымъ родственникамъ, ими пріобрѣтаемымъ, нѣжная любовь къ дѣтямъ, которыхъ Богъ даетъ имъ, а Церковь, какъ залогъ, вручаетъ попеченіе о своемъ домѣ,

хозяйственная бдительность о благоустройствѣ онаго, нужнѣйшее еще попеченіе о благонравіи своихъ домашнихъ и ихъ управленіи. Вотъ чего требуетъ вѣра отъ сочетавшихся; и святыя свои установленія скрѣпляетъ тѣмь, что бракъ содѣлала таинствомь. Чрезъ наружный обрядъ сохраняется догматъ; догматомъ освящаются правила, и утверждаются всѣ преимущества Церковныя и Гражданскія.

Нѣтъ вѣры безъ священства, нѣтъ храмовъ безъ служителей. Служеніе въ церкви Іисусъ Христовой есть таинство. Избираемыхъ ею на сіе святое дѣло освящаетъ она небеснымъ помазаніемъ, не столько для того, чтобы предувѣдомить вѣрующій народъ о должномъ къ нимъ уваженіи; сколько, чтобъ ихъ же самихъ наставить въ тѣхъ добродѣтеляхъ, каковыми они должны снискать оное. Она требуетъ отъ нихъ высочайшаго званія къ сему великому таинству, располагаетъ ихъ къ принятію онаго продолжительными приуготовленіями, и строгими испытаніями совѣсти, доводитъ ихъ до желаемаго совершенства. Многочастныя правила, строгія наказанія, награды, превышающія всякое человѣческое понятіе, любопытный глазъ всенародія, важность ихъ должностей, все по намѣреніямъ Церкви, способствуетъ ея

служителямъ вознестись на вышшій степень святости, каковой требуютъ отъ нихъ великія обязанности ихъ званія. Человѣки, любящіе судить своихъ пастырей, и часто осуждающіе ихъ съ крайнимъ неразуміемъ! мы не защищаемъ служителей, не соотвѣтствующихъ святости ихъ званія, грѣшащихъ противу Бога, ими оскорбляемаго, противу Церкви, которой измѣняютъ; противу своего сана, которой опорочиваютъ; противу своихъ пасомыхъ, которыхъ они своими соблазнами погубляютъ вмѣсто того, чтобы своимъ примѣромъ спасать ихъ; мы также судимъ ихъ и осуждаемъ несравненно строжѣе вашего. Но опасайтесь къ Религіи относить тѣ заблужденія, которыя она оплакиваетъ; тѣ проступки, коихъ она не терпитъ; тѣ пороки, кои она предупреждаетъ; тѣ злодѣянія которыя она не престаетъ наказывать. Будучи строги къ служителямъ, будьте справедливы въ разсужденіи служенія. Посмотрите, коликія блага разливаетъ оно во всѣ отрасли общежитія; разсудите, сколько пользъ Церковь соединила съ священствомъ! Преемство вашихъ первыхъ пастырей возходитъ до самыхъ Апостоловъ. Непрерывная цѣпь многихъ вѣковъ связуетъ ваше ученіе съ ученіемъ Іисуса Христа; а продолжительность каналовъ, чрезъ

кои сообщается вамъ сїе ученїе, ручается въ томъ, что оно произтекаетъ изъ чистаго источника. Высокое вѣры установленїе, о коемъ прежде ея не было никакого понятїя! по всюду, гдѣ только находитъ она собравшихся человѣковъ, даетъ имъ пастыря. Въ каждомъ селенїи она воздвигаетъ жертвенникъ, поставляетъ тамъ одного изъ своихъ служителей, и въ особѣ его соединяетъ всѣ должности, могущїя быть полезными человѣчеству. Благодаренїе Христїанской вѣрѣ! народъ сирый не оставленъ. Нравоученїе проникаетъ въ самыя пустыни, любовь снизходитъ въ отдаленнѣйшую отъ свѣта хижину. Нѣтъ ничего неприступнаго церковному служенїю. Оно всякое добро творитъ, усиливаетъ, приводитъ въ дѣйствїе. Священникъ, сей ходатай человѣковъ у Бога, посланникъ Божїй къ человѣкамъ, стоя предъ олтаремъ, возноситъ ваши мольбы къ вѣчному Престолу, и оттолѣ низводитъ на васъ небесныя истины. Онъ въ общежитїи утверждаетъ и частныя добродѣтели, кои суть основанїе онаго; и добродѣтели общественныя, отъ коихъ цвѣтутъ Государства. Онъ даетъ на замѣчанїе и общїя должности Христїанина, и частныя обязанности каждаго состоянїя; и свои поученїя усиливаетъ дѣйствительнѣйшимъ изъ всѣхъ поу-

ченій, своимъ собственнымъ примѣромъ. Не иначе, какъ предходя своему стаду, ведетъ онъ его по стезямъ добродѣтели. Стекайтесь къ намъ всѣ несчатливцы! нашъ первый долгъ, облегчить вашу судьбу; величайшее для насъ благополучіе, дѣлать васъ счастливыми. О вы, которые, будучи угнѣтаемы печалїю, заключаете внутрь васъ горести, васъ снѣдающія, отверзите сердца ваши утѣшителю, котораго Церковь вамъ посылаетъ! Его рука отретъ ваши слезы, его гласъ пролieтъ въ ваши души сладостнѣйшее утѣшеніе вѣры. Нищіе о Христѣ! наши сокровища суть ваши, для васъ только Церковь приняла оныя; и ежели не довлѣютъ для вашихъ нуждъ, то она обязываетъ насъ просить вамъ милостыи у Богатыхъ. Разстроенные несогласіемъ граждане! соберитесь вокругъ Ангеловъ мира. Богъ даровалъ намъ служеніе примиренія. Это есть совѣстное правительство, укрощающее гораздо болѣе раздоровъ, нежели сколько свѣтскія судилища могутъ рѣшить оныхъ; такъ какъ предупреждаетъ оно гораздо больше злодѣяній, нежели сколько тѣ могутъ карать за оныя. Все, что вамъ полезно, есть для насъ обязанность. Вообразите еще новыя блага, нужныя человѣчеству; и вы разпространите кругъ нашихъ должностей.

Въ тѣ наипаче печальныя минуты, когда человѣкъ борется съ болѣзнію, Церковь посылаетъ служителей своихъ на помощь къ нему. Она поставляетъ ихъ окрестъ одра его страданій, и повелѣваетъ имъ изливать на него бальзамъ утѣшенія и отрадъ. Невѣріе, всегда намъ враждебное, почитаетъ жестокостію самую благороднѣйшую, важнѣйшую и полезнѣйшую должность нашего служенія. Ежели безчеловѣчно напоминать больному о величайшихъ его пользахъ, которыя съ часу на часъ дѣлаются для него важнѣе; то пусть удалятъ отъ него и руку, долженствующую начертать послѣднія его завѣщанія. Но нѣтъ,--гласъ, внушающій терпѣніе, и влагающій оное въ душу самыми трогательными и сильными побужденіями, не есть гласъ жестокосердія для страждущаго несчастливца. Успокоеніе въ высочайшей волѣ останавляетъ его ропотъ; упованіе на Бога, отяготившаго надъ нимъ руку свою, разсѣяваетъ его ужасы. Мы, возвращая миръ его совѣсти, возвращаемъ тишину душѣ его. Безвѣріе пусть изобрѣтетъ сильнѣе сего утѣшеніе. Ничтожность есть единственное возмездіе, предлагаемое имъ умирающему за всѣ его потери. Между тѣмъ, какъ вѣра отверзаетъ ему врата вѣчности, и показуетъ ему некончаемое блаженство,

все смертное изчезаетъ для умирающаго, все земное убѣгаетъ отъ него. Но по мѣрѣ, какъ міръ удаляется, вѣра приближается къ нему, держа въ десницѣ своей то таинство, которое Христосъ предоставилъ ради страшныхъ минутъ жизни. Она помазуетъ вѣрующаго, какъ бы ратоборца, чтобы укрѣпить его въ послѣднемъ подвигѣ. Священный елей, изливаемый на члены, животворитъ сердце его помазаніемъ Духа Святаго, заглаждаетъ его грѣхи, и изтребляетъ печальные останки оныхъ. Томленія болѣзни не разлабятъ души его, искушенія не побѣдятъ его. Богъ помазанію, Имъ самимъ уставленному, сообщаетъ силу, врачующую и тѣлесное здравіе, когда нужды души того возтребуютъ. Сіе таинство есть всенародное исповѣданіе вѣры, въ коемъ вѣрующіе велегласно сознаются, что желаютъ и умереть въ томъ святомъ общеніи, въ коемъ Богъ удостоилъ ихъ родиться, и жить. Такимъ образомъ оно сближаетъ два предѣла жизни: нашъ послѣдній вздохъ есть изъясненіе вѣры, принятой нами при рожденіи, и чрезъ Елеосвященіе паки облекаемся въ невинность, которую мы получили при Крещеніи. Не страшитесь, чтобы Церковь оставила чадо свое при послѣднихъ минутахъ жизни, столь рѣшительныхъ для его

спасенія. Когда лишается другихъ пособій; тогда Церковь удвояетъ свои. Она его отчаяніе укрощаетъ надеждами, мученія совѣсти облегчаетъ утѣшеніями, оживляетъ мужество его, представляя ему Іисуса умершаго за его спасеніе. Отъ среды моленій Церкви онъ прелетаетъ къ вѣчности; наши желанія и туда сопровождаютъ его. Самая смерть не полагаетъ предѣла любви Христіанской. Народы всѣхъ странъ, и всѣхъ вѣковъ! вы не ошиблись, воздавая мертвецамъ вашимъ погребательныя жертвы. Чувствіе, приводившее васъ къ ихъ бездушнымъ останкамъ, васъ не обманывало: но вы не знали начала его, и сіе чувствіе, которое заставляло васъ умножать надъ прахомъ ваши почести и дары, будучи искажено понятіемъ о безполезности оныхъ, могло только увеличить ваше сожалѣніе. Одна православная вѣра открываетъ намъ сію великую Творческую тайну. Ударъ, пресѣкающій союзъ души и тѣла, не навсегда разрываетъ союзъ нашъ съ Церковію. И по причтеніи къ лику небожителей, мы еще будемъ принадлежать ей. Нечувственный прахъ орошаетъ вѣрующій безполезными слезами и украшаетъ суетными надгробіями; но безсмертную душу утѣшаетъ своими моленіями, жертвами, приношеніями,

милостынями. Сіи моленія, которыя Церковь непрестанно приноситъ за вѣчный покой умершихъ, не только имъ бываютъ полезны; но сколько доставляютъ благъ и намъ самимъ! Онѣ напоминаютъ о воскресеніи тѣлъ, вперяютъ духъ нашъ въ спасительное размышленіе о смерти. Христіанинъ, взирая на не смѣтныя груды племенъ, другъ на друга положенныхъ, усматриваетъ и себѣ мѣсто назначенное, и, признавая себя смертнымъ, научается жить добродѣтельно. Сіи святыя молитвы дѣлаютъ сообщеніе между нами и предшествовавшими намъ на земли. Онѣ оживляютъ въ сердцахъ нашихъ сладкое воспоминаніе о тѣхъ, съ которыми мы были соединены кровію, или которые привязали насъ къ себѣ своими благодѣяніями; онѣ скрѣпляютъ, увеличиваютъ наше уваженіе къ ихъ послѣдней волѣ. Вѣрующій, повергшись на гробѣ виновниковъ бытія своего и счастія, воспоминаетъ о всѣхъ чертахъ ихъ жизни, которыя могли быть полезны. Наставленія, которыя они преподали ему, примѣры добродѣтели, которыя онъ замѣчалъ въ нихъ, живо изображаются въ его памяти.

Къ священнымъ обрядамъ, отъ Іисуса Христа установленнымъ, Церковь, по различію вѣковъ и обстоятельствъ, присоединила другія чино-

правленія, для приведенія на память вѣрующему народу тѣхъ истинъ, которымъ онъ долженъ вѣровать, тѣхъ правилъ, которыя онъ соблюдать обязанъ. Повсюду она представляетъ ему крестъ Христовъ; воздвигаетъ его на храмахъ, водружаетъ на олтаряхъ, изображаетъ на одеждахъ служителей своихъ, украшаетъ имъ наши домы. На каждомъ шагу встрѣчаемъ мы памятникъ нашего искупленія, орудіе нашего спасенія, залогъ нашего благополучія, предметъ нашей вѣчной благодарности. Мы возлагаемъ на себя сіе спасительное знаменіе; и слова, коими сопровождается сіе дѣйствіе, означаютъ призываніе Святыя Троицы. Знаменіе креста есть общенародное исповѣданіе нашихъ таинствъ. Мы всѣ дѣла свои имъ начинаемъ въ воспоминаніе того, что Богъ есть начало нашего дѣйствованія, Онъ же долженъ быть и конецъ онаго; и что вся доброта дѣлъ нашихъ произтекаетъ отъ креста Іисусова. Святая вода, которою Церковь окропляетъ насъ, изображаетъ воду, омывшую насъ при Крещеніи, напоминаетъ о дарахъ, нами полученныхъ чрезъ сіе таинство, о обѣтахъ нашихъ, данныхъ при семъ священнодѣйствіи; она въ тоже время есть знакомъ чистоты, которую душа наша непрестанно должна сохранять и обно-

вляетъ. Персть, которою кающійся посыпаетъ главу свою, вразумляетъ, что такое есть тѣло, носимое нами, что оно было, и что будетъ? Хлѣбъ, ею раздаемый по заамвонной молитвѣ, представляетъ намъ изображеніе святѣйшаго изъ нашихъ таинствъ; возбуждаетъ въ насъ трогательное понятіе о единствѣ вѣрующихъ; возобновляетъ въ мысляхъ тѣ блаженныя времена первенствующей Церкви, когда ея чада, имѣя единую душу и едино сердце, стекались вкушать отъ общей трапезы. Въ воспоминаніе также бывшаго гоненія, когда она созывала вѣрующихъ въ пещеры неприступныя лучами солнечнымъ, и въ засвидѣтельствованіе радости, она нынѣ освѣщаетъ свои священнодѣйствія. Огнь, блистающій въ нашихъ храмахъ, и ѳиміамъ, коего куреніе возходитъ къ небесамъ, есть образованіе той горячности, съ каковою должно возсылать наши мольбы къ престолу Всемогущаго. Освященія, нами употребляемыя, сколько охраняютъ орудія нашего Богослуженія отъ всякаго мірскаго употребленія, и тѣмъ умножаютъ наше уваженіе и къ самому Богослуженію; столько призываютъ и низводятъ благодать и благословеніе небесное на насъ, на наши дѣйствія, на начальниковъ, нами управляющихъ, на воинство,

насъ защищающее. Заклинанія напоминаютъ намъ о паденіи мятежныхъ духовъ и ихъ злобѣ; о могуществѣ Божіемъ и Его благости; научаютъ блюстися, *како опасно ходимъ*, и остерегаться малѣйшихъ искушеній. Церковь, при гласѣ пѣснословій своихъ, водитъ васъ окрестъ градовъ вашихъ и полей, дабы дать вамъ возчувствовать, что отъ Бога низходитъ безопасность жилищъ и плодородіе земли. Она съ торжествомъ обноситъ по стогнамъ градовъ и селъ святыя иконы; и сіе шествіе сопровождается Господнимъ великолѣпіемъ и красотою. Такимъ образомъ она укрѣпляетъ вѣру нашу, одушевляетъ наше благочестіе, возбуждаетъ нашу благодарность.

Такова есть, возлюбленная братія, сія святѣйшая Религія, которую безвѣріе силится уничтожить; таковы суть сіи догматы, кои оно почитаетъ нелѣпыми; сіи заповѣди, кои упрекаетъ въ строгости; сіи обряды, кои дерзаетъ называть мѣлочными и маловажными. Вотъ въ чемъ состоитъ Христіанство! Вы нашли оное удивительнымъ во всѣхъ ея частяхъ; но взаимное сихъ отношеніе и связь еще удивительнѣе. Умозрительныя и исполнительныя истины одна другой соотвѣтствуютъ, и взаимно утверждаются. Вѣра есть осно-

ваніе дѣлъ, а дѣла суть явленія вѣры. Нѣтъ заповѣди, нѣтъ побужденія, особенно къ вѣрѣ принадлежащаго, которое бы не имѣло своего основанія въ догматахъ, и не было бы слѣдствіемъ оныхъ; нѣтъ обряда, узаконеннаго Церковію, которой бы не былъ точнымъ изъясненіемъ или тѣхъ, или другихъ. Это есть такая связь, гдѣ все одно изъ другаго слѣдуетъ; все сближено, и соединено неразрывно. Въ семъ великомъ цѣломъ разумъ человѣческій ничего не можетъ ни прибавить, ни убавить.

Разсмотрите, какъ образовались науки и художества, различныя системы; всѣ сіи плоды изящнаго ума, коимъ удивляемся, и которыми гордится нашъ разумъ: всѣ онѣ возрастали постепенно, и по частямъ. Одно поколѣніе полагаетъ первыя понятія, которыя продолженіе вѣковъ разпложаетъ, развертываетъ и разширяетъ. Такимъ образомъ творенія человѣческія мало по малу возходятъ къ возможному совершенству. Отличительное свойство дѣлъ Божіихъ состоитъ въ томъ, чтобы при самомъ ихъ рожденіи быть имъ совершенными. Міроздатель, извлекая существа изъ небытія, поставляетъ ихъ на той точкѣ, въ каковой онѣ всегда пребудутъ. И такимъ-то образомъ явилось Христіанство. Іисусъ Христосъ

предалъ оное отцамъ и праотцамъ нашимъ точно таковымъ, какъ мы имѣемъ оное; и каковымъ оно пребудетъ до скончанія вѣка. Оно, подобно вселенной, мгновенно произошло изъ чреслъ Божіихъ.

Деисты! вы посрамляете безбожниковъ, предоставляя имъ великолѣпное зрѣлище міра, и гармоническое согласіе всѣхъ его частей. Вы открываете имъ глаза, поражая оные тѣмъ свѣтомъ, которой не могъ возсіять безъ воли Божіей. Вамъ предлежитъ удивительнѣйшее зрѣлище вѣры, порядокъ совершеннѣйшій, чудеснѣйшій во всѣхъ ея частяхъ, и вы отрицаетесь принять ее! Противляясь свѣту, васъ окружающему, вы закрываете очи свои, чтобъ онъ ихъ не проникнулъ. Отступите наконецъ отъ вашего неразумія, престаньте противорѣчить вашимъ собственнымъ началамъ; и познайте пробное твореніе Божіе, по величію, по совершенству, по согласію, по соразмѣрности всѣхъ частей, его составляющихъ.

Возлюбленная братія! Слышали вы ропотъ безвѣрія, и нѣкоторые изъ васъ, можетъ быть, уже и потрясены суетными его мудрованіями. Мы исполнили важнѣйшую должность нашего служенія и любезнѣйшую нашему сердцу; поелику она имѣетъ

предметомъ своимъ ваше освященїе и ваше благополучїе. Мы теперь можемъ сказать подобно вождю Израилеву, когда онъ преподалъ законъ Божїй народу, ему ввѣренному: *засвидѣтельствую вамъ днесь небомъ и землею; животъ и смерть дахъ предъ лицемъ вашимъ, благословенїе и клятву; и изберите животъ* (*). Удалите отъ себя сїи начала смерти, которыя изсушатъ въ сердцахъ вашихъ драгоцѣнные и священные кладези добродѣтели и счастїя. Прилѣпитесь къ сей священной вѣрѣ, которую отъ толикихъ вѣковъ въ разумной простотѣ боготворили Отцы и Праотцы ваши, которая долгое время была вашею вѣрою, и теперь еще пребываетъ вашею. Да будетъ она всегдашнимъ предметомъ вашего чествованїя. Она послужитъ основанїемъ вашихъ надеждъ, началомъ всѣхъ вашихъ добродѣтелей, и вѣрнымъ залогомъ настоящаго и будущаго благополучїя.

(*) Второзак. гл. 30, ст. 19.

Конецъ Перваго Тома.